

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

5

БАКУ • 1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1988

ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

LA TURCOLOGIE SOVIÉTIQUE

SOVIET TURKOLOGY

SOWJETISCHE TURKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Шербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhiyeva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiye (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potseluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhafov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdžanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Л. А. ПОКРОВСКАЯ

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Изучение становления и развития частей речи является одной из важных задач сравнительно-исторического исследования грамматического строя тюркских языков. В русской и советской тюркологии сложилась традиция рассматривать части речи в тюркских языках сквозь призму системы частей речи в русском языке. Такой подход нашел отражение в большинстве грамматик тюркских языков, изданных в нашей стране. Вместе с тем многие тюркологи, исходя из реального языкового материала, невольно обращали внимание на то, что части речи в тюркских языках обладают значительной спецификой по сравнению с таковыми в русском языке и «накладываются» на русские части речи лишь с большими натяжками. Это и не удивительно, так как грамматический строй тюркских и русского языков принципиально различен, и было бы странным и противоестественным, если бы системы частей речи в них полностью совпадали. Это положение неоднократно подчеркивалось в работах Н. К. Дмитриева. Так, в статье «Наречия места в турецком языке» он писал: «Особая специфика турецких наречий сравнительно с русскими есть только частный случай того более общего положения, согласно которому взаимоотношение частей речи в тюркских языках (следовательно, и в турецком) совершенно не такое, как в русском <...> Иными словами, — пишет далее Н. К. Дмитриев, — в турецком языке имеются целые группы слов, которые, по существу, не вмещаются в рамки одной какой-нибудь части речи, а представляют какие-то переходные величины между двумя или даже тремя категориями: 1) существительное — глагол, 2) глагол — существительное, 3) существительное — прилагательное, 4) прилагательное — существительное, 5) прилагательное — наречие, 6) существительное — прилагательное — наречие, 7) наречие — прилагательное — существительное. Исходный пункт во всех этих случаях определяется семантикой отдельного слова-лексемы, а грамматическое развитие этого слова прослеживается по его синтаксической функции в предложении» [1. С. 27].

Таким образом, наиболее заметное проявление грамматической специфики частей речи в тюркских языках заключается в том, что целые группы слов, не изменяя своей исходной формы, могут употребляться в различных синтаксических функциях, в сочетании с различными разрядами слов (именами и глаголами).

Н. К. Дмитриев считал, что среди всех этих недостаточно дифференцированных морфологически разрядов слов особый интерес представ-

ляют наречия: «Ведь если удастся разграничить тюркское наречие от тюркского прилагательного, то на очередь станут „менее спорные“ участки, также требующие дифференциации: существительное и прилагательное, существительное и глагол» [1. С. 29].

Следует отметить, что в сфере именных частей речи в настоящее время существительные и прилагательные уже достаточно четко отграничены друг от друга. Так если в недавнем прошлом имена существительные в функции определения еще рассматривались как прилагательные, например, в сочетании *demir yol* 'железная дорога' слово *demir* 'железо' нередко считалось прилагательным (безусловно, под влиянием русского перевода), то теперь как будто уже ни у кого не вызывает сомнения тот очевидный факт, что имя существительное в атрибутивной функции остается существительным, а не «переходит» в прилагательное. Этот факт обусловлен тем, что в тюркских языках имена существительные обладают свойством выступать в функции определения, не изменяя своей исходной формы.

Что касается прилагательных и наречий, то они и до настоящего времени недостаточно разграничены. Это объясняется свойством тюркских прилагательных обозначать и признак предмета и признак действия и сочетаться в своей основной, исходной, форме и с именем существительным и с глаголом, выступая в функции определения (при имени), обстоятельства (при глаголе) и сказуемого (самостоятельно или с глаголом-связкой). Приведем хрестоматийный пример из названной статьи Н. К. Дмитриева: *fəpa ɬɔsɨk fəpa okuɨoɨ* 'плохой мальчик плохо учится'. Одни исследователи считали, что в данной фразе слово *fəpa* в обеих позициях является прилагательным, другие настаивали на том, что первое *fəpa* — это прилагательное, а второе — наречие или «синтаксическое» наречие. Н. К. Дмитриев в связи с этим справедливо заметил, что «синтаксическое» наречие есть морфологическая фикция [1. С. 28].

Между тем и в современной тюркологии не до конца преодолено ложное представление о прилагательном в функции обстоятельства при глаголе как о наречии, о чем свидетельствуют пометы во многих тюркоско-русских словарях и описания прилагательных и наречий в грамматиках различных тюркских языков. Например, башк. *айырым* 1. 'отдельный, особый, изолированный' <...> 2. в функ. нареч. 'отдельно, особо, особняком, изолированно'» [2. С. 27]. В академической грамматике башкирского языка наряду с правильным утверждением о том, что «часто прилагательные без изменения формы выступают в функции обстоятельства: *акыллы* 'умный'—*акыллы (һөйләш-)* 'умно (говорить)'» и т. д., читаем следующее: «Определенная часть корневых прилагательных совмещает в себе признаки прилагательного и существительного или прилагательного и наречия, напр., *якшы (ат)* 'хороший (конь)' — *якшы (эшлэ-)* 'хорошо (работать)'» [3. С. 170]. Эта формулировка создана, по-видимому, под влиянием русского перевода слова *якшы*. Уместно привести здесь высказывание Н. К. Дмитриева о выделении прилагательных в башкирском языке как раз на примере слова *якшы* 'хороший' во фразе *Якшы бала якши укый* 'Хороший ребенок хорошо учится'. «По-русски „хороший“ является, несомненно, прилагательным, а „хорошо“ — качественным наречием. А по-башкирски? Нет никаких данных считать первое *якшы* прилагательным (*якшы бала*), а второе — наречием (*якшы укый*), как это делает большинство башкирских преподавателей, находясь под впечатлением русской грамматики <...> Если бы башкирские педагоги не знали русского языка, то для них и не существовало бы проблемы, что такое *якшы*. *Якшы* для башкирского

языка есть и остается прилагательным независимо от того, в какой синтаксической функции оно выступает» [4. С. 120].

Не избежали «традиционного» смещения в выделении прилагательных и наречий и авторы академической грамматики якутского языка: «Относительные прилагательные не выступают в роли наречий, тогда как некоторые качественные прилагательные употребляются в значении и прилагательного, и наречия: *ыраах сир* 'далекая страна (местность)', *ыраах олорор* 'далеко живет'» [5. С. 158].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что, несмотря на длительный опыт исследования грамматического строя тюркских языков, в разграничении прилагательных и наречий пока не удалось достичь достаточной ясности. Путь к решению этой проблемы лежит, по нашему мнению, в углубленном исследовании прилагательных в семантико-функциональном аспекте.

Так, некоторыми тюркологами было замечено, что не все качественные прилагательные могут выполнять обстоятельственную функцию. Ею не обладает, в частности, семантическая группа прилагательных, обозначающих цвета (*qага* 'черный', *аq* 'белый', *gök* 'синий', *sağı* 'желтый', *jeñil* 'зеленый' и др.), так как эти прилагательные по своей семантике не могут сочетаться с глаголами (см., напр.: [6. С. 179]). Однако, по нашим наблюдениям, не только прилагательные, обозначающие цвета, не могут сочетаться с глаголами и выполнять адвербиальную функцию. Предварительно выделяется ряд и других семантических групп прилагательных, не сочетающихся с глаголами и не выполняющих тем самым функцию обстоятельства в предложении. К ним относятся:

а) названия мастей животных: к.-балк. *тор* 'гнедой', *боз* 'серый', *кэонгур* 'бурый', ног. *шал* 'серый, чалый', *куба* 'бурый' и др.;

б) названия, передающие физические качества людей и животных: тув. *чаш* 'молодой', *қырган* 'старый', *моге* 'сильный', *ырымза* 'хилый', *семис* 'жирный', *арган* 'тощий', *дүлей* 'глухой', *согур* 'слепой', *аскак* 'хромой' и др.;

в) названия, обозначающие физическое и физиологическое состояние людей и животных: тур. *ақ* 'голодный', *tok* 'сытый', *diri* 'живой', *öli* 'мертвый' и др.;

г) названия, характеризующие социальное положение: гагауз. *евли* 'женатый', *дул* 'вдовый (-ая)', *зенгин* 'богатый', *фукаарä* 'бедный' и др.

Можно заметить, что прилагательные названных семантических групп по своим значениям близки к именам существительным (т. е. могут обозначать и признак и субстанцию) и поэтому легко субстантируются. Выявление полного состава таких прилагательных и обнаружение их общей категориальной семантики составляют, на наш взгляд, первоочередную задачу в изучении имен прилагательных в тюркских языках. Можно предварительно отметить, что прилагательных, не могущих по своему лексическому значению сочетаться с глаголами и выполнять обстоятельственную функцию, значительно меньше, чем прилагательных, способных выступать в роли обстоятельства при глаголе. Фактически с глаголами сочетается огромная масса качественных и так называемых относительных прилагательных, выполняющих в предложении функцию обстоятельства (в основном—образа действия).

Изучая лексико-семантический состав прилагательных, сочетающихся с глаголами, необходимо принимать во внимание и семантику глаголов, сочетающихся с прилагательными. Эти глагольные сочетания почти не изучены. В свое время М. Б. Балакаев верно отметил, что

прилагательные сочетаются с глаголами для качественной характеристики действия или состояния. В этом нуждаются такие глаголы, которые выражают внутреннее состояние, восприятие и действие (человека или животного). В казахском языке к таким глаголам относятся, например, *сөйлеу* 'говорить', *түсіну* 'понимать', *оқу* 'читать', *жазу* 'писать', *сәкіру* 'прыгать', *ойнау* 'играть' и др. Иногда это просто переходные глаголы действия, например, *кес* 'режь', *піш* 'скрой', *байла* 'завяжи', *тура* 'размельчи' [7. С. 67]. Как видим, характеристика глаголов, сочетающихся с прилагательными, едва намечена и потому нуждается в дальнейшей разработке.

Из прилагательных, сочетающихся с глаголами, М. Б. Балакаев отмечал качественные прилагательные: *жақсы* 'хороший', *жаман* 'плохой', *қатты* 'крепкий', *ұзын* 'длинный', *қысқа* 'короткий', *кең* 'широкий', *оңай* 'легкий', *қыйын* 'трудный', *ұзақ* 'долгий', 'длительный' и др. Из относительных прилагательных были отмечены только формы на *-сыз// -сіз* и *-дай// -дей* [6. С. 67]. Однако ими далеко не исчерпываются словообразовательные модели прилагательных, вступающих в сочетания с глаголами.

Приведем несколько примеров на использование прилагательных в функции обстоятельства в современных тюркских языках [8]: азерб.: *О, шакирдләрини јахшы таныјырды* (Ә. Садыг) 'Он хорошо знал своих учеников'; гагауз. *Хызы гечер йыллар* 'Быстро проходят годы'; к.-балк. *Ахмат эркин солуду* (О. Этезов) 'Ахмат свободно вздохнул'; тат. *Илебезнең авыл хужалыгы туктаусыз үсә* 'Сельское хозяйство нашей страны непрерывно развивается'; тур. *Biribirimizi yeni tanıyoruz* (S. Ali) 'Мы недавно знаем друг друга'; *Mükemmel piyano çaldı* (M. K. Su) 'Она прекрасно сыграла на пианино'; хакас. *Ҳомай нимес аттың* 'Неплохо ты выстрелил'.

На основании изученного материала можно утверждать, что функционирование прилагательных как обстоятельств при глаголе является типичным для современных тюркских языков грамматическим явлением.

Чем же можно объяснить столь широкое и массовое использование прилагательных в адвербиальной функции (при наличии в тюркских языках наречий, для которых эта функция является основной)? Этот вопрос, по-видимому, впервые ставится в тюркологии, и для удовлетворительного ответа на него следует, на наш взгляд, прежде всего выяснить, какие разряды наречий «замещаются» прилагательными, сочетающимися с глаголами.

Наречия в тюркских языках (как и в русском) принято делить по их грамматическим значениям на два разряда: а) определительные, обозначающие качества, свойства, способы действия или характеризующие его с количественной стороны; б) обстоятельственные, выражающие временную, локальную, причинную, целевую характеристику действия.

Прилагательные, сочетающиеся с глаголом, как бы берут на себя функцию определительных наречий, выражающих качественную характеристику действия, так как и прилагательные и наречия (данного разряда) имеют общую категориальную семантику. — они качественно характеризуют предмет или действие. Из этого следует, что исторически в тюркских языках качественная характеристика и предмета и действия в принципе могла выражаться одним и тем же именем, обозначающим качество. Но выражение именем качества (прилагательным), признака и предмета и действия предполагает, в свою очередь, что выражение и предметности и процесса (действия) в тюркских языках (на каком-то древнем этапе их развития) не носило принципиального разли-

чия с точки зрения их морфологического оформления и грамматического значения. Если исходить из этой гипотезы, то придется признать, что адвербиальная функция прилагательных представляет собой очень древнюю черту синтаксиса тюркских языков. Однако эта древняя черта не угасает со временем, а продолжает интенсивно развиваться, охватывая все большее число прилагательных, способных характеризовать действие. Следовательно, прилагательные в адвербиальной функции издавна как бы «стесняют» развитие определительных наречий, особенно тех, которые выражают качественную характеристику действия (выражение количественной характеристики действия остается за наречиями). Наши наблюдения в этой области нашли подтверждение в работах и других исследователей, интересовавшихся синтаксической общностью прилагательных и наречий. Так, М. З. Закиев, проанализировавший глагольные словосочетания с наречиями и прилагательными в татарском языке, пришел к выводу, что прилагательные и наречия «характеризуют глагол одинаково, даже средства их подчинения глаголам одинаковые. Исходя из этого можно утверждать, что в татарском языке непроеизводные наречия очень незначительны. Даже те, которые имеются, ничем не отличаются от прилагательных» [9. С. 153].

Наряду с вопросом о причинах наличия у прилагательных ярко выраженной адвербиальной функции, встает вопрос о том, почему имена существительные так широко используются в атрибутивной функции (в роли определения в изафете) при наличии в тюркских языках огромной массы прилагательных, для которых атрибутивная функция является первичной, основной. Для ответа на этот вопрос необходимо, на наш взгляд (как и в отношении употребления прилагательных в адвербиальной функции), прежде всего выяснить, какие разряды прилагательных «замещаются» именами существительными-определениями в изафете.

В тюркских языках (как и во многих других) обычно выделяются два основных разряда прилагательных—качественные и относительные. В 30—40-х годах Н. К. Дмитриев считал, что относительные прилагательные в тюркских языках представляют собой новую категорию, ранее не свойственную этой семье языков: «Категория относительных прилагательных (морской, горный и т. д.), а также притяжательных (волчий, дядин, отцовский и т. д.) в башкирском языке, как и в других тюркских, до последнего времени отсутствовала. Например, в башкирском языке есть слова: гора, лес, поле, море, птица, рыба и т. д., но формально нет слов: горный, лесной, полевой, морской, птичий, рыбный, рыбий и т. д. Такие соотношения, когда вместо качественной оценки (квалификации) предмета дается только указание на его связь (отношение) с другим предметом, по-русски передаются сочетанием „относительное прилагательное+существительное“ (железная дорога, морская вода и т. д.), а по-башкирски (и вообще в тюркских языках) — сочетанием двух существительных (железо—дорога, море — вода и т. д.), т. е. *тимер юл, дингез һыуы* и т. д.» [4. С. 79]. Ближе всего к категории относительных прилагательных, по мнению Н. К. Дмитриева, стоят формы типа башк. *кыш-кы* 'зимний', *калала-ғы* 'находящийся в городе'. В современной тюркологии к относительным прилагательным, кроме формы на *-кы, -ки*, относят обычно общетюркские формы на *-лыг, -лы, -сыз* и ряд других, имеющих более ограниченное распространение. Однако некоторые тюркологи не склонны считать эти формы относительными прилагательными, а рассматривают их как особые синтаксические формы имен существительных [10. С. 2; 11; 9. С. 183]. А. М. Щербак в одной из книг своей

«Сравнительной грамматики тюркских языков» пишет, что древнетюркские и современные морфологические образования, которые обычно считаются относительными прилагательными, могут быть отнесены к такому лишь условно, так как они не присоединяют к себе, за редким исключением, никаких характерных для прилагательных аффиксов и не образуют особых аналитических форм. Основную роль в отнесении их к прилагательным играет функциональный признак — использование в качестве определений, так что правомерно рассматривать указанные образования и как формы имен вообще: привативные, относительные и т. д. [12. С. 109].

Вместе с тем имена существительные в атрибутивной функции и особые формы имен с аффиксами *-лыг*, *-лы*, *-сыз* и т. п. не могут полностью заменить относительные прилагательные, особенно в современных литературных тюркских языках. Э. В. Севортян отмечал в этой связи ограниченные возможности обозначения признака именами существительными-определениями в изафете, выражающими признак только в сочетании с существительными-определяемыми, т. е. в связанном состоянии [13. С. 208].

Более того, можно предположить, что сложившееся в какую-то древнюю эпоху такое характерное для тюркских языков явление, как изафет (выражение относительных признаков предмета именами существительными в атрибутивной функции), в какой-то степени ограничило развитие относительных прилагательных в тюркских языках.

В последние десятилетия в связи с интенсивным развитием младонисменных тюркских литературных языков в них стала активно развиваться категория относительных прилагательных (главным образом за счет специального оформления русских и интернациональных заимствований).

Вопрос о причинах выполнения именами существительными атрибутивной, а прилагательными — адвербиальной функции требует, безусловно, специального исследования на обширном материале современных и древних тюркских языков. Проблемы, поднятые в данной статье, на наш взгляд, могут быть разрешены только с точки зрения функционально-семантического подхода к изучению частей речи, которому в современной лингвистике придается важное значение [14. С. 27]. Обращение языковедов к функционально-семантическому критерию выделения частей речи в языках различных систем свидетельствует о том, насколько был прав Н. К. Дмитриев, исследовавший части речи тюркских языков прежде всего как функционально-семантические разряды, поскольку далеко не всегда можно опираться на морфологическое оформление частей речи, особенно существительного, прилагательного, наречия в тюркских языках.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.

² Башкирско-русский словарь. М., 1958.

³ Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.

⁴ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.

⁵ Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982.

⁶ Мусаев К. М. Грамматика карайского языка: Фонетика и морфология. М., 1964.

⁷ Балакаев М. Б. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957.

⁸ Примеры взяты из грамматик соответствующих тюркских языков.

⁹ Закиев М. З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.

¹⁰ Андреев И. А. К вопросу о выделении категорий относительных прилагательных в тюркских языках//Вопросы чувашской литературы и языка: Учен. зап. НИИ при СМ Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Вып. 32.

¹¹ Он же. К вопросу о выделении частей речи в тюркских языках в свете теории о первичной и вторичной синтаксических функциях//Там же. 1970. Вып. 46: Филология.

¹² Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977.

¹³ Севортьян Э. В. К проблеме частей речи в тюркских языках//Вопросы грамматического строя. М., 1955.

¹⁴ Принципы описания языков мира. М., 1976.

Т. Т. ТАЛИПОВ

ОБ ОДНОЙ ТЕНДЕНЦИИ СТРУКТУРНО-ФОНЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ НА *-bif* В ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ [1]

Такой чрезвычайно интересный и весьма важный в теоретическом отношении аспект структурно-фонетического и семантического сдвига тюркского слова, как дивергенция грамматических формантов, является, по-видимому, одним из источников появления фонетической инновации.

Рассматривая это явление, необходимо, как нам представляется, учитывать значение метатезы в истории тюркских языков, повлиявшей на преобразование ряда аффиксальных морфем.

С большой долей вероятности можно предположить, что на определенной ступени развития древнетюркских языков метатеза в аффиксальном элементе была, по-видимому, одним из живых фонетических явлений. Этим объясняется, в частности, наличие «новых» и «старых» форм слов, общих для многих тюркских языков. К их числу можно отнести ряд междиалектных, а также межтюркских фонетических параллелизмов, которые в прошлом могли иметь единую первооснову не только в фонетическом, но и семантическом плане. Позднее, в результате различных изменений, происшедших в древнетюркских языках, из некогда единой основы слова и грамматических формантов могли развиться метатезированные варианты слов с иным оттенком значения [2. С. 156—159]. Например: *-bif*—*-fy* (с фонетическими вариантами): др. *қыныф* — ср. уйгур. *қаңқа*, *чаңқа* от *қаңқимақ*, *чаңқимақ* 'жаждать, испытывать жажду'; азерб. диал. *біліг*—*білгі*, *білгә* 'знание, наука' [3. С. 246], *жізіг*—*жізгі* 'линия, черта, штрих, полоса, борозда' [3. С. 261]: *-уқ*—*-қы*: др. *қонуқ*—*қонқы* 'пристанище' [4. С. 416]; *-үг*—*-гү*: др. *көрүг*—*көргү* 'красота, красивый', *йөрүг*—*йөргү* 'толкование сна' [4. С. 389]; *-үр*—*-рү*: *эвүр*—*эврә* 'вращать' [5. С. 27]; *-ут*—*-та*: *мақут*—*мақта* 'хвалить' и т. д.

Исходя из возможных звуковых соответствий, а также из направлений звуковых изменений в истории тюркских языков, допустимо предположить происхождение некоторых словообразующих и формообразующих аффиксов из старых, более древних форм аффиксов и их разновидностей путем не только контактной метатезы звуков, но и чередования консонантного элемента. Такое предположение вполне согласуется с общепринятым мнением ученых о том, что в долгой истории тюркских языков с превращением полнозначных слов в аффиксы образовывались новые аффиксы за счет имеющихся в языке старых форм. Например, древнетюркский аффикс имени действия на *-bif* претерпел значительные формальные преобразования. Так, Н. А. Баскаков [6. С. 80], говоря о словообразовательных парадигмах функционально-грамматических

форм, отмечает субстантивные формы (имена действия) на *-ув*, *-ыс*, *-мақ* и *-ғы* в тюркских языках:

ал—ув	} ‘взятие’ (с различными видовыми и модальными оттенками)
ал—ыс	
ал—мақ	
ал—ғы	

На наш взгляд, имена действия на *-ув*, *-ыс* и *-ғы*, отмеченные Н. А. Баскаковым, по-видимому, в далеком прошлом могли восходить к единому первоисточнику *-ығ* с фонетическим вариантом *-ig*. При этом аффикс имени действия на *-ғы* — результат происходившего в поздний период развития языка процесса метатезы. В другой работе, говоря о смысловой дифференциации отдельных аффиксов в истории каракалпакского языка, ученый указывает на аффикс имени действия *-ығъ/-уғъ* — *-гъы/-гъу* > к.-калп. *-ув* > кирг. *-уу* > алт. *у*, соответствующий аффиксу имени действия *-ғу/-гү* уйгурского языка [7. С. 40]. Сюда же с полным основанием можно отнести также форму имени действия на *-ығ/-ев*, а также на *-у* и *-ү*, нередко употребляющуюся параллельно с формой на *-иш*, *-ыш* и *-еш* в говорах и диалектах татарского языка.

Приведенные выше разновидности аффикса имени действия в каракалпакском и татарском языках позволяют предположить, что один из указанных аффиксов произошел от старой формы. Такой производной формой является форма с неприкрытой консонантным элементом слоговой структурой *-гъы/-гъу* в каракалпакском языке, появившаяся, как и в уйгурском, в результате контактной метатезы древнетюркской формы аффикса *-ығ* в *-ғы*. Таким образом, современные аффиксы имени действия *-ғу* и *-(у)в* узбекского языка, выделенные учеными как различные аффиксы имен действия и в каракалпакском языке, восходят к единому источнику *-ығ*.

Определяя статус имени действия на *-(у)в* в узбекском языке «как сравнительно новую и не вполне укоренившуюся инновацию» [8. С. 65], которая, как и в чагатайском, полностью отсутствует в современном уйгурском языке, Г. Ф. Благова справедливо, на наш взгляд, замечает, что «мы не должны закрывать глаза на имеющиеся существенные расхождения в этой области, и каждая деталь, каждая подробность этих расхождений не может не быть весьма значимой для истории языка» [8. С. 65].

Одна из таких деталей расхождения или, наоборот, схождения близкородственных уйгурского и узбекского языков — это наличие специфических форм имени действия на *-(у)в* в узбекском и на *-ғу* — в уйгурском языках, имевших некогда единый источник аффикса *-ығ*.

С точки зрения генезиса и сохранения «старых» черт микросистемы имен действия, особо выделяются тюркские языки кыпчакской группы и кыпчакские говоры узбекского языка. В противоположность уйгурскому, в указанных языках сохранилась исконная форма имени действия на *-ығ (-уғ)*; разница лишь в том, что в этих языках увулярный [ғ] в финале перешел в дентолабиальный или билабиальный звук, в указанной позиции не характерный для уйгурского языка. С закреплением в кыпчакских языках формы имени действия на *-ув* отпадала необходимость приобретения еще и «явно уйгурской по происхождению» [9. С. 173] разновидности показателя имени действия на *-ғу* с метатезой или без нее. Пожалуй, только этим и можно объяснить непризнание формы на *-ғу* именем действия в кыпчакских тюркских языках, хотя и с оговоркой [8. С. 69—70].

Все это позволяет, как нам кажется, усомниться в правомерности

гипотезы о существовании в тюркских языках двух различных аффиксов имени действия: на *-ув* и на *-гу*. Если же принять ее, то современную форму имени действия на *-ув* в узбекском языке нельзя считать поздней кыпчакской инновацией, как это полагают некоторые исследователи [10. С. 3]. Ибо, по справедливому замечанию Г. Ф. Благовой, «подобная контаминация форм не имела бы под собой основания, если бы гнездо форм, производных от *-гу*, не было бы издавна присуще узбекскому языку» [8. С. 61].

Следует признать, что форма имени действия на *-ув* действительно является преимущественно кыпчакской. Однако всякое фонетическое развитие увулярного [ɣ] или заднеязычного [ɢ] в сторону спиранта [в] или [й], как нам кажется, вряд ли можно отнести к числу кыпчакских инноваций. Нам представляется более оправданным рассматривать такое чередование согласных в узбекском и уйгурском языках как их специфические особенности. Дело здесь, разумеется, в степени проявления этой закономерности в каждом конкретном случае. По этой причине мы склонны отнести форму *-ув* имени действия в узбекском языке к числу собственно узбекских, ибо, как отмечалось выше, фонетическое развитие [ɣ]—[в], [ɢ]—[в]—[й] характерно для истории почти всех тюркских языков. Поэтому вряд ли возможно доказать, например, кыпчакское происхождение современных узбекских [11. С. 145], а также уйгурских отглагольных имен на *-эв* типа *бирэв* 'кто-то', *тэргэв* 'дознание, допрос', *қоршав* 'окружение, осада' [12. С. 29—30; 11. С. 191] и т. д. Такая постановка вопроса не противоречит общепринятому в тюркологии мнению о том, что чередование [ɣ]—[в] характерно почти для всех так называемых новых тюркских языков [13. С. 140—141], в том числе и узбекского. В сочинении «Хибатул хакаи» Адиба Ахмеда Югнаки, относящемся к XII—XIII вв., например, sporadически отмечается такое чередование звуков не только в инлауте (ср.: *йуғса/йувса*), но и в ауслауте (ср.: *йуғ/йув*) [14. С. 62].

Рассмотрим генезис имени действия на *-ув* в узбекском и уйгурском языках.

Весьма возможно, что в древних языках, входивших в карлукочигило-уйгурскую группу тюркских языков, фонетическое развитие древнетюркской формы имени действия на *-ығ* шло по линии не только позиционного чередования [ɣ]—[в], но и перестановки контактных звуков в финале отдельных словоформ — *-уғ* в *-гу*. Можно предположить, что такое развитие конечного [ɣ] могло осуществиться в указанных языках также путем качественной редукции увулярного [ɣ] или [к], заднеязычного [ɢ] или [к] и замещения их аффрицированным [ч] и еще более слабым звуком — проточным [ш]. Это предположение основано прежде всего на реальном факте возможного чередования [к], [к]—[ч], [ш] и наличии формы имени действия на *-ыш* в каракалпакском [7. С. 417—418], туркменском [15. С. 335—336], татарском [16. С. 18], ногайском [17. С. 89] и, конечно, в уйгурском и узбекском языках. Эта форма имени действия встречается также в памятниках древнетюркской письменности [18. С. 96], например:

*Кишикә кәрәк тәгмә йәрдә билиш,
Билиш бирлә әтлүр қамуғ түрлүг иш!*

‘Для человека во всех случаях нужно знание,
Со знанием делаются различные работы’ [4. С. 250].

Здесь древнетюркское слово *билиг* выступает в форме *билиш*. Аналогичные примеры звукового перехода [к], [к]—[ч], [ш] можно встре-

тить во многих словоформах современного уйгурского, узбекского и других тюркских языков: др. *охшағ* [5. С. 25] 'похожий', ср.: совр. уйгур. *охшаш*, каз. *ұқсас*; др. *сынағ* 'испытание', ср.: совр. уйгур. *синақ*, *синаш*, каз. *сынақ*; др. *уруғ* 'семена', ср.: совр. уйгур. *уруқ*, диал. *уруч*; др. *барығ*, *барғу* 'хождение', ср.: совр. уйгур. *бериш*; др. *алығ*, *алғу* 'долг', ср.: совр. уйгур. *елиш*, например: *Ала қағида елишиң, болса, алтинчи айда аларсән* (посл.) 'Если пестрый ворон твой должник, то получишь его в шестой месяц' и т. д.

Если согласиться с мнением Э. Н. Наджипа с тем, что узбекская форма слова *одош* восходит не к *отдош* 'тезка', а к совр. *одоқ* 'конец' в составных глаголах типа *одош булмоқ* 'иссякать, исчерпывать', *одош қилмоқ* 'исчерпывать, израсходовать' [19. С. 165], то в приведенном выше примере из узбекского языка мы вправе видеть результат чередования [қ] с [ч], [ш]. Это же можно сказать и о показателе отглагольного имени *-ас(-ес)*: *илясь*—ср.: уйгур. *елиш* 'брат', *килясь*—ср.: уйгур. *келиш* 'приходить' в чувашском языке [20. С. 6], употребляющемся в составе марийского инфинитива на *-аш*, заимствованного, по мнению ряда ученых, из чувашского языка [21. С. 130].

По всей вероятности, происхождение формы имени действия на *-иш*, свойственное в основном уйгурскому и узбекскому языкам, так или иначе связано с древнетюркской формой имени действия на *-ығ*. Пожалуй, только на этой основе можно признать функционирующую в узбекском общенародном языке форму *-иш* «в качестве сравнительно „молодой“, не вполне развившейся как таковая... или же в качестве сравнительно недавней инновации» [8. С. 75].

Таковы сходства и различия в употреблении старой формы имени действия на *-уғ*, которая, по словам Г. Ф. Благовой, «не может не быть весьма значимой для истории языка» [8. С. 65].

Появлению форм *барғу*, *алғу*, *барыш*, *алыш* вместо *барығ*, *алығ* способствовал целый ряд факторов, действовавших в разные периоды истории уйгурского и узбекского языков. Постепенно оставалось все меньше и меньше возможностей для сохранения древнеуйгурской формы имени действия на *-ығ*. Процесс деформации древнеуйгурской формы имени действия на *-ығ*, *-ғу*, *-ыш* происходил не на почве какого-то одного фонетического изменения, метатезы или чередования увулярного согласного в финале с шипящим [ш] или губным спирантом [в]. Можно полагать, что это стало возможным в результате различных изменений не только фонетического облика, но и фонематического состава, семантики слов.

С самого начала изменение древнетюркской формы имени действия коснулось ограниченного круга слов и их форм. Поэтому весьма трудно дифференцировать причины, приведшие к различным результатам — метатезе или чередованию. Деграция древнеуйгурской формы имени действия на *-ығ* с самого начала шла, по-видимому, и по линии перестановки и по линии чередования — сообразно особенностям языка различных древнетюркских племен.

Изучение происхождения имени действия на *-ыш* в уйгурском и узбекском языках и их диалектах представляется задачей нелегкой, нередко требующей изучения целого комплекса явлений: истории диалектных фонетических изменений различных грамматических показателей, условий их осуществления, ареала и т. п. Предварительное рассмотрение звуковых изменений, связанных с деформацией древнеуйгурской формы имени действия на *-ығ* и охватывающих как фонетические процессы, так и морфологию, дает неожиданные результаты общетюркологического теоретического характера. Исследование деформации древне-

тюркской формы имени действия на *-ыг*, выяснение ее причин, приводящих к изменению фонетического облика слова, позволило выявить значительные структурные изменения в древних диалектах и говорах, служивших основой для образования уйгурского и узбекского языков в раннем средневековье. По всей видимости, фонетическое явление, связанное со структурным изменением древнетюркского аффикса *-ыг* в *-гу*, а также в *-ыш*, первоначально охватило незначительное количество слов с указанным аффиксом. Позднее, вероятно, это фонетическое изменение распространилось также и на другие случаи аффиксации с указанным показателем.

Априори можно полагать, что глубокое и всестороннее изучение вопроса фонетической деформации древнетюркского аффикса *-ыг* в истории не только уйгурского и узбекского, но и других тюркских языков позволит вплотную подойти к решению одного из важных вопросов тюркологии — уточнения направления изменения ряда слов и грамматических формантов в тюркских языках.

Сложный путь изменения древнетюркского показателя *-ыг* привел в истории уйгурского языка к своеобразному качественному скачку, кардинально изменившему структуру указанного аффикса. При этом, вероятно, тенденция к образованию неприкрытого слога оказалась доминирующей, именно благодаря этому стало возможным возникновение совершенно новой, ранее неизвестной разновидности глагольного аффикса *-гу* в уйгурском языке, что не только обусловило появление новых слоговых отношений в слове, но и определило общие тенденции развития диалектных систем. В этом смысле фонетическая обусловленность изменений внешнего облика аффикса или слова, по мнению ученых, — только кажущаяся [22. С. 21—22], ибо в изменении фонетического облика аффикса или слова мог участвовать целый ряд факторов не только фонетического, но и грамматического характера. Поэтому совершенно прав был И. А. Бодуэн де Куртене, когда писал, что «действительные „законы“ законы причинности, скрыты в глубине, в запутанном узле самых различных элементов» [23. С. 208]. В самом деле, изменение фонетического облика древнетюркского аффикса *-ыг* стало возможно благодаря совокупному воздействию многих условий и факторов. При этом тенденция к унификации неприкрытого аффикса остается постоянной и в достаточной мере действенной на протяжении всего периода развития диалектов и говоров уйгурского языка. Тяготение к структуре неприкрытого слога, зародившееся, по-видимому, еще на ранней стадии развития тюркских языков, усилилось в более позднее время. Эта тенденция была свойственна и другим тюркским языкам, но по сравнению с древнеуйгурским протекала менее интенсивно. Однако билабиальный [в] в составе аффикса имени действия на *-ув* в тюркских языках кыпчакской группы, не говоря уже о киргизском *-уу* и алтайском *-у*, также отражает промежуточную ступень развития древнетюркского аффикса *-ыг* в неприкрытый слог в истории указанных тюркских языков.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Статья написана на основе выступления автора в чтениях, посвященных памяти В. М. Наделяева и А. Н. Поповой (25 дек. 1986 г. ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска).

² Талипов Т. Т. Структурно-фонетическая модификация древнетюркского аффикса *-ыг* в истории тюркских языков: (на материале уйгурского языка) // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.

- ³ Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М., 1966.
- ⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
- ⁵ Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974.
- ⁶ Баскаков Н. А. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках//Сов. востоковедение. 1957. № 1.
- ⁷ Он же. Каракалпакский язык. М., 1952. Т. 2: Фонетика и морфология.
- ⁸ Благова Г. Ф. Имена действия в тюркских языках Среднеазиатского региона: (опыт ареально-типологического сравнительного изучения)//Тюркологические исследования. М., 1976.
- ⁹ Наджип Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Саран и его язык. Алма-Ата, 1975. Ч. 1.
- ¹⁰ Мухтаров Дж. История развития причастных форм в узбекском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1971.
- ¹¹ Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.
- ¹² Кайдаров А. Т. Некоторые аспекты взаимодействия уйгурского языка с казахским//Местные особенности в казахском языке. Алма-Ата, 1973.
- ¹³ Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки//Изв. АН СССР. Отд-ние яз. и лит. 1952. Т. 11, вып. 2.
- ¹⁴ Махмудов Қ. Аҳмад Юғнакийнинг «Ҳибатул ҳақойиқ» асари ҳақида. Тошкент, 1972.
- ¹⁵ Грамматика туркменского языка. Ашхабад, 1970. Ч. 1: Фонетика и морфология.
- ¹⁶ Хайрулдинова Т. Х. Говор златоустовских татар: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980.
- ¹⁷ Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.; Л., 1940.
- ¹⁸ Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
- ¹⁹ Наджип Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. М., 1979. Кн. 1.
- ²⁰ Федотов М. О. «Инфинитивы» в тюркских языках//Сов. тюркология. 1981. № 3.
- ²¹ Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- ²² Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая фонетика немецкого языка. М.; Л., 1965.
- ²³ Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

Х. КОРОГЛЫ

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Древние тюрки представляли собой различные племена, обитавшие на обширном пространстве между Алтаем и Туркестаном. Они то складывались в крупные племенные объединения, принимавшие название сильнейших племен, то вновь распадались. Так было, например, с огузским племенным объединением, вобравшим в себя уйгуров, кыпчаков, печенегов и другие тюркоязычные народности.

Сохранившиеся до наших дней древнейшие тюркские письменные памятники были полижанровыми, — это историко-эпические произведения, любовная лирика, элегия, панегирик, спор-состязание типа позднейшей муназира, написанные руническим письмом, и этико-дидактические стихи, при создании которых использовалось уйгурское письмо, восходящее к древнесогдийскому (арамейскому). С принятием тюрками ислама стало распространяться арабское письмо, вытеснившее постепенно уйгурское.

Это общее представление о тюркской письменной литературе. Установить же ее точную хронологию, этническую дифференциацию и авторство очень трудно. Так, дошедшая до нас литература на древнетюркском языке, относящаяся к VI—X вв., за редким исключением, не сохранила имен своих создателей, хотя ни у кого не вызывает сомнения, что, например, эпитафические памятники тюркской древности писались грамотными авторами на соответствующем в ту эпоху литературном языке.

Древнетюркские письменные памятники, созданные в разное время и на разных территориях, различались между собой столь незначительно, что мы имеем все основания предполагать о сложении единого тюркского литературного языка Центральной и Средней Азии в VIII в. — в эпоху, когда было написано большинство этих памятников. Характерны их простота и доходчивость стиля. Как показал весьма беглый стилистовый анализ некоторых текстов, в них явно ощутимы элементы эпоса. Некоторые ученые (Ф. Корш, И. Стеблева и др.) выступают за стихотворную структуру памятников, но есть и противники этой концепции (В. М. Жирмунский и др.). Споры вызывает вольная форма стиха, допускающая различное количество слогов в тирадах. Алтаевед С. С. Суразаков в докторской диссертации утверждает, что на стиль поэзии орхонских памятников большое влияние оказали народные плачи, которые сохранились на Алтае и по сей день. Действительно, содержание некоторых текстов полностью подтверждает мысль, высказанную С. С. Суразаковым. В эпоху орхоно-енисейской письменности, очевидно, бытовали песни, воспевающие подвиги вождов, но материал памятни-

ков весьма конкретен, касается одной личности в определенных исторических условиях. Здесь еще нет синтеза целого ряда образов, выражающих общественный идеал мужества, героизма и храбрости. С другой стороны, какой бы конкретный исторический материал не лежал в основе древнетюркской письменности, она в своей основе воспринималась как литературное произведение назидательного характера, которое, по существу, было разновидностью устно-поэтического творчества с его идеализацией героев, присущей почти всем орхонским памятникам. Письменные памятники с устной словесностью связаны композиционной схемой, стилистическими особенностями, техникой изображений, характеристикой образов, т. е. во многом повторяют устные повествования, а это свидетельствует о том, что они еще не успели отойти от развитой фольклорной традиции.

Становление тюркской государственности (основная тема орхонских памятников) способствовало расцвету рунической письменности и созданию благоприятной почвы для формирования героического эпоса будущего, так как героические деяния отдельной личности приобрели общеплеменное, а затем и общегосударственное значение: героизм, богатырские подвиги прославленного вождя-полководца совершались ради блага и процветания своего народа, племени, рода.

Важным источником изучения древнетюркской немусульманской культуры, в том числе литературы, является «Словарь тюркских наречий» («Диван-и лугат ит-тюрк») Махмуда Кашгари, составленный, очевидно, во второй половине XI в. Наряду с обычной для словаря лексикой автор включил в него образцы устно-поэтического творчества и главное — письменной (авторской) поэзии: обрядовые песни, отдельные строфы и группы строф песен тюркоязычных племен; явно литературным стилем обладают лирика и отрывки эпического содержания. Большая часть материалов книги Махмуда Кашгари имела авторов (т. е. народное творчество кем-то литературно адаптировалось), например, эпические отрывки о войне тюрков-мусульман (очевидно, Караханидов, принявших ислам еще в X в.) против уйгуров-буддистов. Авторская речь присутствует в каждой строке фрагментов «Битва с тангутами», «Битва с ябаку». Отрывки носят характер хроники, где кроме рассказа о битвах даются исторические имена, топогидронимические реалии; описание событий ведется от лица автора. К сожалению, мы не располагаем достаточными сведениями по истории многих тюркоязычных племен юга Сибири, о которых, очевидно, и сообщается в этих отрывках. Имена героев, упоминаемых в фрагментах Словаря, не подсказывают нам ничего определенного. Вот некоторые из них: Катунсини, которого «хан тангутов обманул... нанес смертельный удар»; «Будрач, к которому собираются множество мужей»; «...имеки с реки Иртиш и басмылы и чомулы»; «Утар, поднявшийся с горы, будучи раненным»; Арслан, перед которым «от страха кружатся головы басмылов»; Алп Ая и др. На литературное происхождение фрагментов указывает и рифмовка правильных восьмистрочных стихов — а а а в. К литературным памятникам относятся и две элегии на смерть, видимо, очень популярных древнетюркских полководцев — Алп Эр Тонга и Алп Ая. Первый упомянут и в орхонских эпитафиях. Махмуд Кашгари и его современник Баласагуни отождествляют его с древнетюркским правителем Афрасиабом, который в «Шах-наме» Фирдоуси и в других древнеиранских памятниках проходит как хаган тюрков. Фрагмент об Алп Эр Тонге — философского содержания. Из десяти четверостиший, включенных в

Словарь, больше половины представляют собой абстрактные рассуждения о деяниях рока — властителя жизни, перекликающиеся с жалобами на судьбу, которые в средние века составляли значительную часть дидактической литературы Востока и Запада. Здесь, очевидно, больше типологического сходства, чем влияния, хотя нельзя отрицать и последнее, тем более что среди древних тюрков была широко распространена дидактическая манихейская и буддийская литература.

Второй полководец — Алп Ая был, видимо, беком племени, а Алп Эр Тонг — беглярбеком (бек беков), что аналогично иранскому титулу шахиншах. Эта должность у древних тюрков была наивысшей после ханской. Тон элегий свидетельствует о величии Алп Эр Тонга, известие о его смерти «потрясло всех беков тюркских племен».

По данным Большой орхонской надписи в честь Кюль-Тегина. Алп Эр Тонг был сражен в межплеменном бою. Это событие можно датировать не позднее чем VIII в. Через триста лет Махмуд Кашгари записал элегию, сочиненную, по всей вероятности, неизвестным поэтом. быть может, в IX—X вв. Об этом свидетельствуют строфическая конструкция стихотворения, равносложные четверостишия с рифмами а а а в в конце стиха (рифмы конечного стиха всех четверостиший идентичны «...рат» и заканчиваются редифом «дур»). Такую строгую систему в древнетюркском стихосложении можно наблюдать лишь в Словаре Махмуда Кашгари и в сочинении Юсуфа Хасс Хаджиба Баласагуни «Кутадгу билиг» (XI в.). Ранее этой даты подобное явление не установлено. Элегию на смерть Алп Эр Тонга связывает с орхонско-енисейскими памятниками еще одна деталь. На похороны героя приехали все беки тюркского государства и подчиненных ему племен. Аналогичная картина описана и в древнетюркских эпитафических памятниках. Так, в Большой надписи в честь Кюль-Тегина перечисляются все «стонущие и плачущие» беки и шады, которые приехали на похороны предводителя тюрков («беки загнали своих коней», «горе их изнурило»), указывается на присутствие здесь всех беков. Сам автор скорбит о смерти Алп Эр Тонга:

Он зажег мое сердце,
Разбредил зажившие раны.

Чрезвычайно ценные сведения приводит Махмуд Кашгари об интимной лирике древних тюрков. Известные науке древнетюркские памятники сохранили в основном лишь образцы эпической поэзии. Отдельные фрагменты из Словаря свидетельствуют о том, что содержащаяся в них лирика по образности не уступает творениям прославленных поэтов последующих веков. В интимной лирике наряду с известными всей восточной поэзии образами («колдовские глаза», «лицо — полная луна», «исцелила раны моего сердца», «я бережил раны своего сердца», «поймав меня в сети, уже не бросайте», «мой истекший (слезами) глаз — море», «она разбила мое сердце» и т. п.) есть и характерные для тюркской поэзии эпитеты: «обширные равнины», «высокие горы», «холмы» (взяты из привычного природного окружения тюрка-кочевника). В восточной лирике довольно популярен образ соловья, а в древнетюркской — лебедя и птицы Симрук. Примечательны еще два образных сравнения, специфичных для древнетюркской поэзии: кудри возлюбленной уподобляются ветвям можжевельника, а стан — иве.

Древним тюркам не чужд был, очевидно, и панегирик. Одно такое двустихие приводит Махмуд Кашгари в своем Словаре.

Итак, на основании изложенного без всякого сомнения можно утверждать, что древние тюрки имели широко развитую литературу,

берущую начало в глубокой древности. Например, в древнекитайских источниках обнаружены тюркские стихи, переведенные на китайский язык еще во II в. до н. э. Те же китайские источники сохранили для нас легенду об убийстве гуннским царевичем Модэ своего отца с целью захвата власти. Это случилось во II в. до н. э. Как нам представляется, этот исторический факт впоследствии превратился в огуз-наме об Огузхане. Такую же устно-письменную основу имеют легенды, связывающие происхождение гектюрьков с мальчиком-гунном и волчицей.

Распространение ислама среди тюрков X—XII вв. открыло новую эру в истории древнетюркской литературы. Приобщение к мусульманской культуре и тесный контакт с ираноязычным населением Средней Азии дали новый толчок к развитию совершенно новых общественных отношений между тюркоязычными народами, заселявшими обширное пространство, называемое Туркестан. Наметились и новая линия художественной литературы. Со временем из среды тюрков выйдут блестящие поэты, которые обогатят мировую художественную мысль.

Доисламская тюркская литература не подпала под влияние арабско-персидской культуры. Первым тюркским поэтом, обогатившим свое поэтическое творчество иноязычной (персидской) лексикой, был знаменитый Юсуф Хасс Хаджиб Баласагуни. Его знаменитая поэма «Кутадгу билиг» стоит в одном ряду с другими знаменитыми дидактическими произведениями Ближнего Востока. Известно, что поэма Баласагуни написана тем же размером, что и «Шах-наме» Фирдоуси, — мутакарибом метрической (квантитативной) системы (аруза). Само это заимствование способствует проникновению чужой лексики в тюркскую речь.

Хотя дидактический жанр не был для тюрков нововведением (большое количество дидактической литературы дошло до нас на уйгурском языке), тем не менее в новых условиях и он стал другим — приспособился к этике новой веры, новой среде.

Другой особенностью нового периода тюркской литературы является проблема авторства. Теперь мы редко встречаем анонимные произведения (разве что только уйгурское «Огуз-наме» и подобные ему произведения). Поэты той эпохи сами называют язык своих сочинений «тюркй», что также объясняется определенной конкретизацией. Известно, что в доисламский период мы знали лишь один литературный язык — уйгурский. Остальные письменные памятники в языковом отношении не конкретизированы. Новая тюркская литература очень быстро адаптируется в новых условиях и становится частью так называемой общемусульманской культуры. Тюрки во многих случаях пишут на двух, а то и на трех языках (тюркском, персидском и арабском), что раздвигает рамки узконациональной культуры и создает большие возможности для приобщения к мировому литературному процессу. Поэтов, пишущих на тюркском языке, теперь можно встретить повсеместно от Средней Азии до Египта.

Однако, говоря о ранней послеисламской тюркской литературе, мы должны иметь в виду, что хотя она и создавалась в определенной этнической среде (в Средней Азии, Туркестане или в Поволжье) и принадлежала в первую очередь определенному этносу, тем не менее являлась наследием всех тюркоязычных народов. Во-первых, как отмечалось выше, вся эта литература написана на языке тюркй, не подвергшемся еще национальной дифференциации, во-вторых, связь между различными тюркскими племенами была прочна, и часто то или иное племя входило в состав вновь образуемых объединений или государственных образова-

ний. Так, например, обстояло дело с огузским племенным объединением, включавшим в себя кыпчаков и печенегов; ранние же тюркские мусульманские государства Караханидов, Газневидов, Сельджукидов опирались на помощь многих тюркских племен, чьи культуры синтезировались в общетюркскую.

Общетюркскими памятниками литературы смело можно считать творения таких великих тюркских поэтов послесламского периода (XI—XV вв.), как Юсуф Баласагуни, Махмуд Кашгари, Ахмад Югнаки, Али (автор «Юсуфа и Зулейхи»), Рабгузи, Кутб, Сейфи Сараи и др. Второе место в дидактическом жанре после Баласагуни занимает поэт XII в., автор книги «Подарок истин» («Хибат ал-хакаик») Ахмад Югнаки, о котором сохранились весьма скудные сведения. Известно, что полное имя поэта — Ахмад ибн Махмуд из города Югнак (отсюда его нисба Югнаки), расположенного в окрестностях Самарканда. Поэт был слепым от рождения. Во введении к его книге, которая сохранилась в фрагментах, отмечено, что она состояла из 14 глав. Однако дошедший до нас экземпляр содержит семь глав: 1 — о пользе знаний и вреде темноты; 2 — сохранении языка и других нравов; 3 — о пользе щедрости и вреде скупости; 4 — о неверности мира и изменении натуры; 5 — о принятых нравах и соблюдении их; 6 — стихи на различные темы; 7 — приношение извинения и конец.

Как во всех древних памятниках этого жанра, в начале поэмы прославляются бог и четыре великих халифа, а затем уж — меценат. В центре внимания Югнаки, как и его предшественника Баласагуни, — просвещение. Только знания могут управлять бытием. Немалое значение придает автор вопросам этики и морали. Он наставляет быть вежливым в обращении, следить за своей речью, дабы нечаянно не обидеть собеседника необдуманно сказанным словом. Будь правдивым, умеи хранить чужую тайну, борись против несправедливости и зла, не завидуй чужому счастью, будь щедрым и т. п. Только обладая этими качествами, говорит автор, ты будешь вправе называться человеком.

Одной из религиозных тенденций в ранней тюркской литературе стал суфизм, первым представителем которого среди тюрков был мусульманский проповедник шейх Ахмед Ясави (ум. 1165). О его жизни сложено много легенд, однако достоверные сведения очень скудны. Произведение Ясави «Сборник философских высказываний» («Хикмет») носит мистико-философский характер. Философские воззрения Ахмеда Ясави, сложившиеся на базе среднеазиатского суфизма, оказали в дальнейшем огромное влияние и на мистико-философскую литературу западных тюрков, в том числе Турции.

Обращают на себя внимание еще два произведения XIII—XIV вв. на библейско-кораническую тему. «Повесть о Юсуфе и Зулейхе» — о популярности этого сюжета среди тюрков говорит тот факт, что из 117 сочинений на эту тему на арабском, персидском и тюркском языках с X по XX в. 45 принадлежат перу тюркоязычных авторов. Разумеется, эти произведения не повторяют в прямом смысле ни Коран, ни Библию, они — поистине художественные произведения. Приведем пример. Одной из ранних версий этого сюжета на тюркском языке является включенный в книгу Рабгузи «Кысас ал-анбия». В Коране события излагаются фрагментарно, в расчете на то, что читатель уже знаком с сюжетом легенды. Книга Рабгузи дополняет каждый фрагмент Корана яркими подробностями и характерными деталями. В Коране обращенная к отцу просьба сыновей Якуба отпустить с ними Юсуфа изложена крайне скупое: «Пошлите его поиграть с нами, мы будем охранять его» (сура 12). Рабгузи эту же просьбу дополняет ярким описанием весны,

пробуждения природы: «О, отец! Наступил весенний день. Сегодня Султан на коне покинул зимовье под названием хут. На коне и отправился на летовку, называемую хамал; высокое небо плачет, а земля смеется, дожди льются из очей туч, цветы рвут свои бутоны, тюльпаны разры-вают на себе ворот, земля украшена всеми цветами; розы подвели свои глаза сурьмой, ночи напудрились светом дня, деревья распустили свои кудри, певчие птицы запели, горлинки заворковали, попугай заговорил, устроив веселый пир...». Примечательно, что эта тирада, как и вообще вся прозаическая часть книги, написана автором широко применяв-шейся в литературе и фольклоре персо-тюркоязычных народов ритми-ческой прозой.

К сожалению, замечательное художественное произведение Рабгузи, как и Ахмеда Ясави, и Ахмада Югнаки, и тех поэтов и писателей, чьи творения в какой-то мере связаны с исламом и его культурой, преданы забвению, игнорируются научной общественностью, не доводятся до широкого читателя. А ведь этим произведениям по 700—800 лет! Они—наше прошлое, наша история, наша память. Можно ли так относиться к культуре, питавшей наших предков, которая является и будет являть-ся гордостью нашего и будущего поколений? Думается, пора нигилизма давно прошла. Эти памятники, взглянув на них с позиций историзма, необходимо вернуть в жизнь. Это наш долг.

ИРЭН МЕЛИКОФФ

О СРЕДНЕАЗИАТСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ СУФИЗМА АНАТОЛИИ

Изучение истории возникновения и распространения суфизма в Анатолии предполагает широкие разносторонние исследования. В данной статье рассматривается народный суфизм, который, вобрав в себя учение Ахмеда Йасави и его последователей [1] и субстрат доисламского шаманизма и реминисценции уйгуров-буддистов, зародился в Средней Азии.

Большинство ученых согласны с тем, что *ата* или *баба*, распространившие исламское учение среди тюркских народов, долго оставались верными доисламским понятиям и традициям. Это хорошо показал Ф. Кепрюлю [3; 4].

Ислам, распространившийся среди крестьян и кочевников Анатолии, сохранил свои архаические черты, ибо принявшие его не отказались от своих древних верований, а их новые учителя, *деде* или *баба*, были преемниками прежних *кам-озанов*. В народе, неграмотном, сильно подверженном суевериям, не были готовы принять новое учение и просветительскую деятельность *медресе*. Люди продолжали жить согласно своим вековым традициям, с которыми они, вероятно так и не порывали. Подтверждением этого является тот факт, что так называемые «алевиты» до наших дней сохранили свои древние обычаи, как, например, похоронный обряд. Даже если покойник был погребен в другое время года по местным законам, погребальный обряд возобновлялся ранней весной, как это водилось в доисламский период у тюркских народов [5. С. 388]. К сохранившимся древним верованиям можно отнести также веру алевитов в существование женского демона-людоеда *Ал*, угрожающего новорожденным и роженицам [5. С. 387—388]. Упомянем и праздник «Хызыра» в феврале, соответствующий «Белому празднику», описанному Марко Полом, т. е. Новому году, отмечавшемуся у древних тюрков по китайскому календарю [5. С. 388; 6. С. 275—276], и, наконец, обряд *Ахирет кардаши* или *Мусахиба*, «брата потустороннего мира» [5. С. 385—386; 7. С. 62]; этот последний обряд вызвал целый ряд предположений, хотя подобная традиция описана Махмудом Кашгари [8].

Религиозные вожди анатолийских крестьян и кочевников, *деде* или *баба*, оказывали на массы огромное влияние, которое не утратило своего значения и в наши дни.

Обратимся к тем временам, когда империи Сельджукидов — Руму угрожало восстание Баба'и — к 1239—1240 гг. Вожди Баба'и, Баба Ишак и Баба Илиас, предок историка Ашик-паши [11. С. 199—206; 12.

С. 234—239; 13], были духовными наследниками древних *кам-озанов*. Их верования были близки к верованиям их преемников — шейха Джунейда или шейха Хайдара, которые также верили в перевоплощение и в явление божества в человеческом облике [16]. Баба Ишак был прозван *Баба Расулуллах*; впоследствии шейх Джунейд и его преемники считали себя воплощением пророка Али, т. е., по крайним шиитским понятиям, проявлением божества. Это рассматривается как реминисценция «культа Солнца»: Али — бог Солнца, древнетюркский *Гек Тенгри* в исламском обличье [5].

Хаджи Бекташ, давший свое имя ордену бекташи, представлялся также как «Тайна Али». На ладонях у него знак Али; *йешил Бен* 'зеленая родинка'; на лбу у него сияет тот же знак, что украшает лоб Али. Все это описано в «*Вилайет-наме*» *Хаджи Бекташа Вели* [17. С. 7].

Народную религию Анатолии представляют главным образом бекташизм и уникально названные «алевиты», которых Ф. Кепрюлю более справедливо называет «деревенскими бекташи» [18].

Другими словами, народный ислам связан с Хаджи Бекташем Вели, который сам был близок к Ахмеду Йасави [17. С. 9—20; 20. С. 92] по агнографическим традициям.

Из исторического источника — летописи Ашик-паши известно, что Хаджи Бекташ принял участие в восстании Баба'и и был одним из сторонников Баба Илиас-и Хорасани [14]. Это подтверждено более древним памятником — «*Менакиб-наме*» *Баба Илиас-и Хорасани*, агнографической поэмой, написанной в первой половине XV в. Эльваном Джеджеби, внуком Баба Илиаса и предком Ашик-паши [21]. По этому источнику, Хаджи Бекташ был учеником *Баба Илиаса*, и, следовательно, можно думать, что его религиозные воззрения не отличались от воззрений Баба'и.

Период между победой сельджукидских войск над Баба'и в 1240 г. и религиозно-политическим подъемом шейха Джунейда в 1449 г. был равен двум векам. За это время в народную религию проникли внешние элементы, которых не было ни при Баба'и, ни в те годы, когда Хаджи Бекташ жил отшельником в Солуджа Кара Ейюк. К ним относились положения учения хуруфи Фазлуллаха [22. С. 58—62, 148—158] и слияние различных диссидентских течений с бекташизмом; к ним относились движения Абдалан-и Рума [23. С. 23—56], тюркская форма иранских календеров [22. С. 32, прим.; 24. С. 205—207], а также гильдии ахи. Во времена Сефевидов шиитские идеи проникли в бекташизм. К вере в перевоплощение и явление божества в облике человека прибавилась вера в божественность Али. Деде не только наделен божественными свойствами, как Баба Ишак или Баба Илиас, которые были исламизированными древними *кам-озанами*, но и становится воплощением Али, который — сам божество, принявшее образ человека.

Малая Азия в эпоху Сельджукидов официально была суннитской империей, какой впоследствии стала и империя Ак-Койунлу. Наверное, так и было в городах, где царил персидская культура и распространялось влияние медресе. Но в среде неграмотных крестьян и кочевников дело обстояло иначе.

Побывав в Алании, Ибн Баттута (XIV в.) отмечал, что женщины там не носят чадру [25. С. 136—137]; «обитатели этой страны, — пишет он, — сунниты, но едят гашиш» [25. С. 137]. Люди, несомненно, продолжали жить так, как жили их предки, хотя и были официально магометанами и суннитами. Они считали вполне естественным, что женщины не закрывали лицо, употребляли гашиш, который приводил их в экстаз во время шаманских обрядов.

Сравнивая Хаджи Бекташа со своим предком *Баба Илиасом*, Ашик-паша не считает его еретиком, хотя и признает, что Хаджи Бекташ не всегда следовал правилам ислама [11. С. 204—205; 12. С. 237—238]. Но он и не сближает его с шейхом Джунейдом или Хайдаром. В одной из глав своей летописи под заглавием «О том, как при султানে Байазиде-хане суфи из Ардебиля прибыли в страну Рум и что из этого произошло» [11. С. 264—265; 12. С. 249—251] автор приписывает Садреддину Коневу следующие слова о Джунейде: «Цель шейха Джунейда не есть суфизм, он удалился от шариата». Среди близких к шейху Джунейду людей Ашик-паша называет Симавна Кадысьюглу, сына Бедридина и его сторонников [11. С. 266; 12. С. 250]. Следовательно, во времена Ашик-паши народный ислам в Анатолии не был еще захвачен крайне шиитскими идеями, привнесенными диссидентским течением шейхов Сефевидов. Центральной фигурой народной религии был Хаджи Бекташ, который, несомненно, был ближе к Баба'и, чем к будущим *кызылбашам*. Так, на наш взгляд, можно объяснить полное сближение Хаджи Бекташа с Ахмедом Йасави в традиции и в легендах [2].

В период монгольского нашествия, когда захватчики разрушали культурные центры Хорезм и Мавераннахр, дервиши бежали в Рум. Их путь проходил через Хорасан и Азербайджан. Беженцев из Хорасана называли «Хорасан эренлери». Хаджи Бекташ, как и Баба Илиас, носил имя «Хорасани». Ставшее потом традиционным, оно несомненно связано с названием дороги, по которой шли беженцы [24. С. 204]. Дервиши ввели в Анатолии культ Ахмеда Йасави, который был связующим звеном между Малой и Средней Азией [24. С. 204—205; 2]. Эта связь еще была жива в начале XX в., когда паломники из Туркестана посещали святилище бекташи в Сейид Гази, в Анатолии [26. С. 93]. Бекташи считались духовными наследниками Ахмеда Йасави. Так, для Ф. Кепрюлю Хаджи Бекташ является дервишем Йасави, переселившимся в Анатолию; по его мнению, оба тариката, Накшибендиййа и Бекташиййа, происходят от Йасавиййа [4. С. 39—44, 93—96].

Нам неизвестна точная дата смерти Хаджи Бекташа, скончавшегося, по некоторым сведениям, в 1270—1271 гг. [17. С. 25; 22. С. 40—51]. Но известно, что в 1239—1240 гг. он со своим братом Минташем был учеником Баба Илиас-и Хорасани и что они приняли участие в восстании, во время которого Минташ был убит [11. С. 204—205; 12. С. 237—238]. Можно было бы предположить, что оба брата прибыли из Хорасана с Баба Илиасом, который мог быть связан с Йасавиййа, но доказательств этого нет.

Вернемся к легендарным датам, приведенным в «Вилайет-наме». По преданию, Хаджи Бекташ родился в Хорасане, в Нишапуре. Он был потомком восьмого имама—Али Рза, а род его восходил к Али полинии Хусейина, тогда как род Ахмеда Йасави также восходил к Али, но по линии Мухаммеда ал-Ханефийа.

По «Вилайет-наме», учителем Хаджи Бекташа был ученик Ахмеда Йасави по имени Локман Паренде («летучий Локман») [17. С. 5—7]. Абдулбаки Голпинарлы упоминает троих людей, носивших это имя: первым был шейх Локман-и Сарахси, скончавшийся в 1048 г., вторым — шейх, живший в Герате при Хусейне Байкара, умерший в 1492—1493 гг. и похороненный там же, третьим—Локман Паренде, живший в Ардебиле в XIV в. и похороненный в турбе Сефевидов; надгробие на его могиле воздвиг шейх Садреддин Муса (1334—1392), сын шейха Сафийуддина [17. С. 101—104; 20. С. 40—42]. Казалось бы, последний — наиболее подходящий из трех, так как связь между бекташи и кызылбашами тесная. Остановимся на термине *паренде* 'летучий'. Это назва-

ние было дано также одному суфию, члену бродячего ордена календеров — Шамс-и Тебризи. Эфлаки пишет, что Шамс обладал свойством передвигаться *би сер ю на* 'без головы и без ног' и поэтому был назван Шамс-и Паренде «летучий Шамс» [27. С. 85; 28. С. 69]. Шамс обладал даром вездесущности, присущим только святым и великим мистикам. Хаджи Бекташ был наделен этим свойством, как и другие святые бекташи, особенно известный Пир Султан Абдал, который являлся в разных местах после своей кончины. Говорили, что Баба Расул также обладал этим даром, и поэтому его последователи не верили в его смерть [29. С. 53—64].

Это восходит к другому свойству, известному среди древних тюрок, — способности оборачиваться птицей и летать. Ахмед Йасави обладал даром превращения в *турна*, журавля [17. С. 14—15; 20. С. 26]. Журавль играет большую роль в фольклоре бекташи-алевитов потому, что он — символ Али. Пир Султан пишет в прекрасных стихах:

*Hazret-i Şah'in avazi
Turna derler bir kuşa dir...*

Голос его Величества шаха

Заключен в птице по имени «журавль»... [30; 31].

По «Вилайет-наме», дервиши Хорасана захотели пригласить Ахмеда Йасави и послали к нему семь дервишей, которые обернулись журавлями и полетели в Туркестан. Ахмед Йасави и его *халифы* также превратились в журавлей и полетели им навстречу [17; 20]. А Хаджи Бекташ принимает обличье голубя и летит в Рум [17. С. 18—19].

Орнитологический символизм был распространен в шаманизме [34. С. 136—137]. Перед камланием шаман, или *кам-озан*, надевал платье, сделанное из птичьих перьев, и старался походить на птицу. Люди верили, что в этом платье он становится птицей и сможет улететь в потусторонний мир [34. С. 350—352; 358—359; 35. С. 258—260].

Этот обычай связан с понятием магического полета—свойства, приписываемого чародеям и знахарям во всех шаманских верованиях. М. Элиаде считает, что вера в способность человека летать восходит к древнейшим мифологическим представлениям о душе, имеющей облик птицы, уносимой тоже птицами [34. С. 372—375; 36. С. 322—325; 35. С. 255—260]. Понятие о душе-птице было знакомо и древним тюркам в доисламскую эпоху; оно не исчезло после их обращения в ислам и продолжало жить в народной религии. Магический полет был выражением экстаза и транса, необходимых для укрепления авторитета *кам-озана*, а потом *деде*. Одним из способов достижения состояния транса был экстатический пляс. Обрядовые пляски бекташи-алевитов носят орнитологический характер: участники их подражают полету журавля [32].

Напомним, что свойство летать, быстро преодолевать большие расстояния, показываться и исчезать по своей воле приписывается также индийским святым [34. С. 350; 59; 36. С. 274—275].

По нашему мнению, термин *паренде* относится к свойству полета, которым обладает учитель Хаджи Бекташа Локман. Подчеркивается, что Локман получил *паренделик* 'дар полета' от своего учителя Ахмеда Йасави. Абдулбаки Голпинарлы видит в слове *паренде* интерпретацию слова *перване* 'мотылек'; *перване* в ритуале бекташи — одна из 12 ступеней (*хизмет*) обряда *Аин-и Джен* [22. С. 178—180]. Мы считаем более правочерным сблизить *паренде* с прозвищем Шамс-и Тебризи у Эфлаки, так как и Ахмед Йасави и Хаджи Бекташ, как и иные святые бекташи, владели тайнами орнитологических культов.

Рассмотрим употребление выражений *Туркестан эренлери*, *Хорасан эренлери*, *Рум эренлери*. Эти три выражения имеются в «Вилайет-наме». Ахмед Йасави назван *Туркестан'ин доксан докуз бин пиринин пири* 'учитель 99 тысяч учителей Туркестана' [17. С. 5, 14, 19]. Хаджи Бекташ — *пир всех Хорасан эренлери*, число которых только 77 000; они, по-видимому, зависят от пира Туркестана. Когда *Хорасан эренлери* приглашают Ахмеда Йасави и его *халифов*, они встречаются «на окраине Самарканда, на берегу реки Аму (Дарья)». *Хорасан эренлери* кланяются в ноги шейху Ахмеду Йасави [17. С. 14—15].

В *текке* Ахмеда Йасави сохранялись священные принадлежности: *тадж* (головной убор), *хирка* (платье), *чераг* (шандал), *сафра* (покрывало для стола), *алем* (хоругвь), *седжаде* (молитвенный ковер). Эти принадлежности были даны богом пророку, затем Али Муртузу и от него перешли ко всем имамам до восьмого Али Рза, который передал их Ахмеду Йасави. Ахмед Йасави поручит их Хаджи Бекташу, который полетит из Хорасана в Туркестан. Давая ему эти знаки, Ахмед Йасави напутствовал: «Иди, мы тебя отправляем в страну Рум, даем тебе Сулуджа Кара Ейюк как место обитания, назначаем тебя начальником *абдалов* Рума. В стране Рум много людей доброй воли, много святых и провидцев. Не отставай. Спеши». [17. С. 16].

Сразу обернувшись голубем, Хаджи Бекташ полетел в страну Рум и стал на месте, указанном зажженным и брошенным пиром в воздух факелом [17. С. 18—19].

В стране Рум было 57 000 Рум эренлери. Их начальником — гезджу был Караджа Ахмед [17. С. 18]. Число дервишей Рума достигало 57 000, они имели строгую иерархию: Туркестан—Хорасан—Рум. Дервиши Рума стремятся препятствовать полету нового пришельца. Они посылают халифа Хаджи Догрула, пришедшего из Ирака, в Рум (поэтому можно предположить иное происхождение дервишей Рума, которое объяснило бы враждебное отношение к новому вождю-чужеземцу). Хаджи Догрул обернулся соколом [17. С. 18—19], чтобы настичь голубя. Голубь, присев в Солуджа Кара Ейюк, превратился снова в человека и поймал сокола, который поклонился ему в ноги. Хаджи Бекташ ему сказал: «Я пришел к тебе в виде голубя. Если бы существовало еще более мирное обличье, я бы его принял. А ты пришел ко мне в жестоком обличье» [17. С. 19]. Затем он его отправил обратно к Рум эренлери, которые ему поклонились. «Я — один из *Хорасан эренлери*, — сказал он им, — я пришел из Туркестана. Мой мюршид (господин) — начальник 99 тысяч пиров Туркестана, Ахмед Йасави. Мой род происходит от Мухаммед-Али, и я был посвящен самим богом». Вернувшись к Караджа Ахмеду, дервиши Рума сказали: «Ахмед Йасави послал нам исполина» [17. С. 19—20].

Эти три категории: *Туркестан эренлери*, *Хорасан эренлери* и *Рум эренлери*, по-видимому, составляют духовную иерархию, во главе которой стоит пир Туркестана. *Хорасан эренлери*, которые являются связующим звеном между Туркестаном и Румом, принесли в Малую Азию культ и учение Ахмеда Йасави, но столкнулись с некоторой враждебностью со стороны *Рум эренлери*.

Ашик-паша упоминает четыре ордена, контролирующих политическую и культурную жизнь страны: *Газийан-и Рум*, *Абдалан-и Рум*, *Ахийан-и Рум*, и женскую группу *Баджийан-и Рум* [11. С. 204—205; 12. С. 237]. По «Вилайет-наме», Хаджи Бекташ был главой абдалов Рума [17. С. 16].

Абдалы и ахи слились с орденом бекташи. Последними — но не по

значимости — присоединились кызылбаши — тюркские последователи Сефевидов [37. С. 203 sq; 38. С. 8—9].

Когда Тамерлан (Тимур) прошел после похода через Ардебиль в Анатолию — по просьбе шейха Хаджи Али или султана Али (1392—1427), он дал свободу анатолийским пленникам, а также приказал правителям Рума не притеснять мюридов шейха и не отказывать им в посещениях Ардебиля [39. С. 42]. Шейх отправил своих халифов в Малую Азию. Потомки пленных были известны под именем Суфийан-и Рум; к концу XV в. они жили в окрестностях Ардебиля, в Махалле-и Румийан [39. С. 44]. Когда Тимур поддерживал учеников шейха, учение его было вполне ортодоксальным, и султан посылал ему подарки. Сефевидские шейхи не были шиитами до ухода Джунейда из Ардебиля в 1449 г. Джунейд начал активную пропаганду своего учения среди тюркских племен Анатолии, и только тогда крайне шиитские элементы, слившись с доисламским субстратом, обрели подходящую почву.

По сведениям венецианских путешественников, большинство населения Малой Азии составляли в XV—XVI вв. шииты [40. С. 34—35]. Даже если эти данные преувеличены, несомненно, что эти племена были достаточно сильны, чтобы обеспечить победу Сефевидам Ардебиля; султан Селим I начал против них священную войну; и гонения [41. С. 34; 42], которым подвергались бекташи-алевиты, еще живы в памяти людей. Ф. Сюмер и О. Эфендиев показали, что голова сефевидского движения была в Персии, но тело его было в Анатолии и в Азербайджане [38. С. 2—14; 39. С. 57—58; 43. С. 24—33]. С того времени бекташи соединились с кызылбаши и отошли от ортодоксальности. Итак, религиозный орден суфиев возник на основе учения Ахмеда Йасави и зародился в Средней Азии: затем он пришел в упадок в Анатолии и превратился в еретическое движение.

Перевод с французского
Белкис Филоненко-Саяр

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. нашу работу: [2. С. 83—94]

² *Melikoff I. Ahmet Yesevi and Turkic Popular Islam//Utrecht Papers on Central Asia. Utrecht Turkological Series. Utrecht. 1987. № 2.*

³ *Influence du Chamanisme Turco-Mongol sur les Ordres Mystiques Musulmans//Mémoires de l'Institut de Turcologie de l'Université de Stamboul. Nouvelle série. Istanbul. 1929. 1.*

⁴ *Türk Edebiyatında İlk Mutasavvıflar. Ankara, 1966.*

⁵ *Melikoff I. Recherches sur les composantes du syncrétisme Bektachi-Alevi//Studia Turcologica Memoriae Alex Bombaci Dicata. Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici. Series Minor. Napoli. 1982. 19.*

⁶ *Eadem. Notes sur les Coutumes des Alevis: à propos de quelques fêtes d'Anatolie Centrale//Quand le crible était dans la paille, Hommage à Pertev Naili Boratav. Paris, 1978.*

⁷ *Eadem. Le problème Kizilbaş//Turcica. 1975. 6.*

⁸ Подобный случай у Махмуда Кашгари [9. С. 71]—слово *biste* 'брат'. Мы обсудили это в [10]; будет напечатано в *Turcica*.

⁹ *Divan-i Lugat-it-Türk/Ed. Besim Atalay. 3.*

¹⁰ *Melikoff I. A Bektashi-Alevi Problem: the custom of Musahip//Second International Conference of Turkic Studies. Indiana University. 1987. May 14—16.*

¹¹ *'Ashikpashazade. Idem. Tevarih-i Al-i Osman/Ed. 'Ali. Istanbul, 1332.*

¹² *Idem. Osmanlı Tarihleri. I Ed. Çiftçioglu N. Atsız. Istanbul, 1949.*

¹³ О восстании Баба'и см.: [14. С. 47—54]. О двух Баба и их роли в восстании см.: [15. 136—137].

¹⁴ *Çelebi Elovan. Manāsib'l-Kudsiyya fi Menasib'l-Unsiyye (Baba İlyas-i Horasanî ve şüalesinin menkabevi tarihi)/Ed. by İsmail E. Erünsal a. A. Yaşar Ocak. Istanbul, 1984.*

- ¹⁵ *Cahen Claude*. Pre-Ottoman Turkey. London, 1968.
- ¹⁶ Мы изучили верования кызылбашей в [7; 5].
- ¹⁷ *Gölpınarlı Abdülbâki*. Manakib-i Hacı Bektâş-i Velî «Vilâyet-Nâme». Istanbul, 1958.
- ¹⁸ См. начало [7; 19].
- ¹⁹ *Köprülü Fuat*. Influence du Chamanisme Turco-Mongol sur les Ordres Mystiques Musulmans.
- ²⁰ *Idem*. İlk Mutasavvıflar.
- ²¹ Единственная рукопись этой поэмы, написанная в 733/1332—1333, находится в б-ке Mevlana Museum в Конье; она была издана И. Е. Эрюрсалом и А. Иашар Оджаком [14].
- ²² *Birge John Kingsley*. The Bektashi Order of Dervishes. London; Hartford; Conn., USA, 1937.
- ²³ *Köprülü Fuat*. Abdal//Türk Halkedebiyatı Ansiklopedisi. Istanbul. 1935. 1.
- ²⁴ Гордлевский В. А. Избранные сочинения. М., 1960. Т. 1.
- ²⁵ *Ibn Battûta*. Voyages/Trad. C. Defremery et B. R. Sanguinette. Paris, 1982. 2.
- ²⁶ *Menzel Th.* Das Bektashi Kloster Sejjid-i Ghâzi. Berlin, 1925.
- ²⁷ *Al-Aflâkî Shams al-Din Ahmad*. Manakib al 'Arifin/Ed. Tahsin Yazisi. Ankara. 1959. 1.
- ²⁸ Les Saints des Derviches tourneurs/Trad. Clément Huart (Tradition islamique—5). Paris. 1978. 1.
- ²⁹ *Cahen Claude*. Baba Ishaq, Baba Ilyas, Hadjdji Bektash et quelques autres//Turcica. 1969. 1.
- ³⁰ См., например, [31]. Турна часто воспевается в бекташи-алевитских песнях: это один из символов Али. В других стихах Пир Султана Абдала приводится журавль как символ Али:

Yemen ellerinden beri gelirken
 Turnalar Ali'mi görmediniz mi... [32. С. 95].
- ³¹ Pir Sultan Abdal, hayati ve şiirleri/Derleyen S. Y. Istanbul, 1972.
- ³² Pir Sultan Abdal/Ed. Cahit Öztelli. Milliyet yayınları, 1971:

Seversen Ali'yi Şah'i Imam'i
 Ötme turnam ötme gönül şen değil [33. С. 118].
- ³³ Pir Sultan Abdal, hayati, sanati eserleri/Hazırlayan Abdülbâki Gölpınarlı. Istanbul, 1953.
- ³⁴ *Eliade Mircea*. Le Chamanisme et les techniques archaïques de l'extase. Paris, 1968.
- ³⁵ *Biès Jean*. Chamanisme et Littérature//Cahiers de L'Herne: Mircea Eliade. Paris, 1978.
- ³⁶ *Idem*. Le Yoga, immortalité et liberté. Paris, 1954.
- ³⁷ Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии//Избранные сочинения. М., 1960. Т. 1.
- ³⁸ *Sümer Faruk*. Safevî Devletinin Kuruluşu ve Gelişmesinde Anadolu Türklerinin Rolü. Ankara, 1976.
- ³⁹ Эфендиев Окрай. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку, 1981.
- ⁴⁰ *Babinger F.* Marino Sanudos Tagebücher als Quelle zur Geschichte der Safawiyya. Cambridge, 1922.
- ⁴¹ *Tansel Selâhattin*. Yavuz Sultan Selim. Ankara, 1969.
- ⁴² См. в конце книги факсимильное изд. фетва: Шейхулислам Хамза против кызылбашей.
- ⁴³ *Efendiye O.* Le rôle des tribus de langue turque dans la création de l'Etat Safavide//Turcica. 1975. 6.

М. З. НАГИЕВ

О РУКОПИСЯХ СОЧИНЕНИЙ ХАТА'И

В истории азербайджанского языка и литературы XVI столетие занимает особое место. Достаточно отметить, что в этом веке жил и творил такой великий мастер слова, как Физули. Одним из видных азербайджанских поэтов данной эпохи является выдающийся государственный деятель, основатель могучего Сефевидского государства шах Исма'ил Хата'и (1486—1524). С именем Хата'и связан не только расцвет азербайджанского языка и возведение его до уровня государственного, но и невиданное развитие азербайджанской литературы и искусства, в частности искусства перевода и рукописной книги.

Созданная Хата'и огромная Тебризская дворцовая библиотека рукописных книг в XVI в. считалась основным центром искусства и культуры стран Среднего Востока. Благодаря личной заботе и покровительству Хата'и в ней были сосредоточены самые видные художники-миниатюристы эпохи, каллиграфы, позолотчики по рукописной книге, специалисты по восточному книжному орнаменту, переплетчики. Великий художник Кемаледдин Бехзад, прославленный как «Рафаэль Востока», также был среди бессмертных мастеров книжного искусства. По указу Хата'и в 1522 г. Бехзад был назначен главой Тебризской библиотеки [1. С. 19]. Одним из видных мастеров средневекового книжного искусства, работавших в этой библиотеке, был знаменитый дворцовый каллиграф Шах Махмуд Нишапури. В известной легенде говорится о том, что шах Исма'ил перед тем, как отправиться на Чалдыранскую битву, дал указание спрятать Шах Махмуда и Бехзада, чтобы в случае поражения они не попали в руки врагов [1. С. 18—19; 2]. Хотя исследователями указано на то, что эта легенда не соответствует действительности и создана с целью пропаганды заботы правителей о деятелях искусств [1. С. 18—19; 2], однако упоминание ее впервые в 1587 г. в книге «Манагиби-хунарваран» («Жизнеописание деятелей искусства») Мустафы Аали доказывает [2. С. 18], насколько был заботлив шах Исма'ил по отношению к художникам и каллиграфам. С другой стороны, упоминание имени Шах Махмуда рядом с именем знаменитого Бехзада свидетельствует о его большой популярности как каллиграфа. До нас дошло свыше двадцати лицевых рукописей, написанных рукой Шах Махмуда, прозванного в свое время «остади-зарринкалаи» (мастер золотого пера).

Одной из ценнейших рукописей, переписанных им, является, несомненно, Ташкентский список дивана Хата'и из собрания Института востоковедения АН Узбекской ССР. Данная рукопись, переписанная

через 11 лет после смерти Хата'и, считается самой полной среди списков дивана. Богато оформленная рукопись открывается двусторонним фронтисписом; все листы ее украшены заставками и усыпаны золотым крапом. В конце списка указана дата завершения (1535) и имя переписчика — Шах Махмуд Нишапури. Текст дивана переписан в середине листов в два столбца, на полях же — месневи «Дех-наме» в один столбец наискось. Как и все другие рукописи, переписанные пером Шах Махмуда, данный список написан изящным бисерным почерком наста'лик. При составлении научно-критического текста сочинений Хата'и использованы всего восемь рукописей. Следует отметить, что изучением и публикацией рукописей сочинений Хата'и занимались такие видные отечественные и зарубежные ученые, как Ю. В. Чемензеинли, С. Мумтаз, В. А. Гордлевский, В. Ф. Минорский, А. Голпинарлы, С. Эргюн, Г. Араслы, М. Аббаслы [3. С. 24—28]. Специалистами особо отмечены заслуги проф. Т. Ганджеи, впервые подготовившего научное издание дивана Хата'и в 1959 г. в Неаполе на основе пяти рукописей [3. С. 27; 4. С. 116—127]. Несомненно, самая большая работа по собиранию, изучению и публикации рукописей сочинений поэта проделана А. Мамедовым, который впервые составил научно-критический текст всего богатого поэтического наследия Хата'и [5. С. 62—79].

Рукописей Хата'и немного; к восьми из них, использованным А. Мамедовым, можно добавить лишь несколько вновь обнаруженных списков. В каталогах рукописей, вышедших из печати за последние годы в Иране, зарегистрированы три рукописи сочинений Хата'и, которые до сих пор не изучены. Рукопись дивана Хата'и из собрания библиотеки «Салтанат» Тегерана переписана в 1677 г. [6. С. 21—23]. Основным достоинством этой роскошной рукописи, на наш взгляд, является то, что она по сравнению с Ташкентским списком более объемиста. В Ташкентском списке всего 87 листов, в Тегеранском же — 112. Количество строк в листе в обеих рукописях одинаково — 12, следовательно, в Тегеранском списке бейтов примерно на 300 больше, чем в Ташкентском. Изучение данной рукописи, несомненно, может выявить неизвестные стихотворения поэта.

Еще два списка дивана Хата'и хранятся в библиотеке Милли Маджлис Тегерана [7. С. 73—74]. Один из них, написанный в XVII в., — с дефектом; в нем не хватает начала и конца. Второй список также неполный, и в нем отсутствуют начало и конец. Однако данный список, как наиболее древний, заслуживает особого внимания. Прежде всего следует отметить, что в данной рукописи имеется одна восточная миниатюра. Ни один из списков сочинений поэта, использованных в научно-критическом тексте и известных научному миру до недавнего времени, не иллюстрирован. Составитель каталога — видный иранский ученый А. Мунзави отмечает, что на миниатюре изображен царевич, у которого на левой руке сидит сокол. На скатерти напротив него — графин, бокал и фрукты [7. С. 73—74]. Хотя А. Мунзави ничего не сообщил о личности царевича, однако, на наш взгляд, это не кто иной, как молодой шах Исма'ил. Факты о его большом увлечении охотой говорят в пользу этого мнения. В описании рукописи А. Мунзави указывает, что в начале газелей Хата'и помимо традиционного арабского выражения «ва лаху...» ('у него есть еще...') имеются такие предложения, из которых видно, что автор в момент составления рукописи был жив [7. С. 73—74]. Ниже приводим одно из этих предложений: Ла зала лисанаху ал-балигу ал-байана маурид ал-хакайик ал-ирфан... зайяда доулатаху ва шаукатаху ва салтанатаху ('Его красноречивый язык, который яв-

ляется источником правды познания, продолжаст излагать. Да будет увеличено его богатство, могущество и правление!').

Очевидно, что подобные выражения, как правильно заметил А. Мунзави, могут быть использованы только по отношению к поэту, который был жив при написании его газелей [7. С. 73—74]. Это мнение подтверждает еще тот факт, что на имеющемся конечном листе рукописи написана газель Джами, перед именем которого подобные выражения отсутствуют. Мы считаем, что эта рукопись, озаглавленная как диван Хата'и, написана при жизни самого поэта. К сожалению, в ней всего 11 листов. На наш взгляд, данную рукопись нельзя назвать диваном Хата'и, так как, во-первых, она содержит и стихотворения А. Джами, а во-вторых, как и в Ташкентском списке, на ее полях написано месневи «Дех-наме». Следовательно, эти 11 листов находились в рукописном сборнике, основную часть которого, по-видимому, составляли сочинения Хата'и. Следует добавить, что указанные 11 листов написаны красивым бисерным наста'ликом, размер листов, количество строк в середине листа — 12 и на полях — 22 совпадают с аналогичными данными Ташкентского списка.

Любопытно, что еще один подобный список сочинений Хата'и обнаружен недавно известным филологом, профессором Лондонского университета Т. Гянджеи в библиотеке Бриганского музея [8]. Этот список, так же как и Тегеранский, представляет собой лишь небольшую часть огромного поэтического наследия Хата'и. В рукописи всего 19 листов, в середине которых написаны газели Хата'и, а на полях — месневи «Дех-наме». Прежде всего отметим, что в обнаруженном списке имеются 6 миниатюр, на которых, по мнению азербайджанских ученых А. Заманова и Г. Пашаева, изображен шах Исма'ил [9]. Т. Гянджеи, по-видимому, была неизвестна рукопись из собрания библиотеки Милли Маджлис, ибо он называет выявленную им рукопись единственным иллюстрированным списком сочинений Хата'и [8]. Т. Гянджеи, обратив особое внимание на некоторые арабские выражения в начале стихотворений, полагает, что рукопись написана при жизни Хата'и [8].

Мы внимательно изучили почерк, которым написаны 22 строки из «Дех-наме», приведенной на полях одной из миниатюр и перепечатанной вместе со статьей Т. Гянджеи [8]. Оказалось, что этот текст — 22 строки — без каких-либо изменений и в той же форме написан и на полях Ташкентского списка сочинений Хата'и (л. 69а). Но главное — оба почерка совершенно одинаковы, что подтверждается не только написанием одних и тех же слов, но и вставленными точками, соединением букв и т. д. Для наглядности мы приводим обе страницы — из списка, обнаруженного в Британском музее (рис. 1), и из Ташкентского (рис. 2).

На основании изложенного мы считаем, что недавно обнаруженная рукопись и Ташкентский список сочинений Хата'и написаны одной рукой — знаменитым каллиграфом XVI в. Шах Махмудом Нишапури, чем подтверждается предположение Т. Гянджеи о том, что Лондонский список мог быть составлен при жизни самого Хата'и. Убедительным доказательством этого является то, что арабские выражения, употребленные в Лондонском списке, отсутствуют в Ташкентском списке, перепи-санном спустя 11 лет после смерти Хата'и. На наш взгляд, Тегеранский список сочинений также написан Шах Махмудом, так как, во-первых, при жизни Хата'и его стихи мог переписать только самый искусный каллиграф столичной библиотеки государства Сефевидов, каковым и был знаменитый мастер почерка наста'лик родом из Нишапура.

77	
نم اول برودیم گنجی شش در	الو اول کام گنجی شش در
اکه نشینا به کتب کنه	الو جنبه بارم گنجی شش در
سن اول حسه و چون لب پیا	چند و کف نام گنجی شش در
اول بری قیز که سنه و	نم تازه بهارم گنجی شش در
غمیز شغف بهند و سن اول	همیشه شطرم گنجی شش در
سنی سببی جلدت بخند	بروشن روز کام گنجی شش در
به حساب شش و سن اول	که در صبر و دارم گنجی شش در
78	
برم جوش خندنی بر سپه	نکته جوی تیر کین اول البرهان سپه
ما که هم دم شغف که کف بخند	چون اینک سبک دل و کف سپه
چرخه جنبه و چون سبک	جور و قند که کف لطف از سپه

Рис. 1.

Рис. 2.

Во-вторых, даже по самым скудным сведениям, содержащимся в описании каталога А. Мунзави и в небольшой статье Т. Гянджеи, между ними выявляется немало общего: в обоих списках перед стихотворениями Хата'и имеются аналогичные по содержанию арабские выражения, на основе которых и А. Мунзави и Т. Гянджеи пришли к единому мнению о времени их написания. Оба списка являются единственными иллюстрированными рукописями. Кроме того, совпадает количество строк в листах и на полях, вид почерков, использованные краски. На основе этого можно сделать вывод, что 11 листов Тегеранского и 19 листов Лондонского списка представляют собой части одной и той же рукописи и когда-то находились в одном переплете. Специалистам по средневековой рукописной книге хорошо знакомы такие факты, когда одна и та же рукопись разрывалась на две части, каждая из которых отдельно вновь переплеталась в виде разных томов или частей одной книги. Естественно, этот вопрос может быть окончательно решен лишь после практического изучения обеих рукописей.

После внимательного изучения трех миниатюр, опубликованных вместе со статьей Т. Гянджеи [8], у нас невольно возник такой вопрос: кто мог быть автором миниатюр из Лондонского и Тегеранского списков? Иллюстрации Лондонского списка, по сообщению Т. Гянджеи, изучены искусствоведом Н. Титли, который считает, что они созданы в XVI в. «под сильным воздействием Тебризской миниатюрной школы» [8]. Так как Н. Титли не было известно, что переписчиком данной рукописи мог быть Шах Махмуд, то небольшая неточность в его рассуждениях вполне естественна. Однако, учитывая, что Шах Махмуд в правление шаха Исма'ила и его сына шаха Тахмаспа (1524—1576) жил и творил в Тебризе, у нас нет сомнений в принадлежности этих миниатюр представителям Тебризской школы миниатюрной живописи. Хотя мы не являемся специалистами по средневековой восточной книжной рукописи, однако даже при беглом сравнении миниатюры из Лондонского списка с другими известными миниатюрами данной эпохи можно смело сказать, что они созданы искусными мастерами этого искусства, каковыми могли быть Бехзад, Султан Мухаммед или их талантливые коллеги. На наш взгляд, это можно объяснить и таким общеизвестным фактом, что рукопись, выполненную выдающимся каллиграфом, должны были украшать миниатюры самых знаменитых художников-миниатюристов. Достаточно вспомнить хорошо известную рукопись «Хамсе» Низами Гянджеви, изготовленную в 1539—1543 гг. в Тебризе для шаха Тахмаспа и ныне хранящуюся в том же Британском музее. Как известно, большая часть этого списка «Хамсе», считающегося шедевром средневекового книжного искусства, переписана Шах Махмудом. Его листы иллюстрированы миниатюрами таких выдающихся мастеров Тебризской школы, как Султан Мухаммед, Мир Сейид Али, Мир Мирза Али, Музаффар Али Ага, Мир Мусаввер [10].

Следовательно, Лондонский список также был иллюстрирован миниатюрами самых искусных мастеров. Специалисты по средневековой азербайджанской миниатюре должны высказать свое мнение по данному вопросу.

Еще в двух источниках, изданных в Иране, имеются сведения о рукописях дивана Хата'и [11. С. 298; 12]. Видный иранский ученый Ага Бозорг Техрани в своей известной книге «Аз-Зариа» пишет, что в Тебризской библиотеке Султан-ал-Гараи хранится рукопись дивана Хата'и, переписанная в 1546 г. Йари Ширази, учеником знаменитого каллиграфа Султан Мухаммеда Хандана [11. С. 298]. По сообщению азербайджанского ученого Хаджи Хусейна Нахчевани, в его личной библиотеке име-

ется древний список дивана Хата'и [12]. К сожалению, другими данными об этих рукописях мы не располагаем. Вновь обнаруженные рукописи Хата'и, безусловно, заслуживают специального изучения. Это, несомненно, поможет выявить новые, еще неизвестные научному миру стихотворения великого поэта.

Большинство рукописей сочинений Хата'и, оформленных очень богато, представляет собой прекрасные образцы средневековой тюркской рукописной книги. География их распространения довольно обширна. Достаточно напомнить, что рукописи сочинений поэта хранятся в библиотеках и музеях Парижа, Лондона, Берлина, Ватикана, Каира, Стамбула, Тегерана, Тебриза, Кабула, Мазари-Шарифа, Ленинграда, Баку, Тбилиси и Ташкента [5; 3]. Среди них своим художественным оформлением и полнотой текста выделяется рукопись из Парижской национальной библиотеки, переписанная в 948/1541 г. Хотя в конце ее не указано имя переписчика, однако по языковым особенностям и по сходству почерков можно предположить, что она переписана талантливым азербайджанским переписчиком и каллиграфом XVI в. Мухаммедом Катибом Нишати (см.: [13]). Кстати, следует отметить, что им переведена с персидского на азербайджанский язык книга «Сафват ас-сафа» («Чистой частью чистоты») Ибн аль-Баззаза, рассказывающая о жизни предка Сефевидов шейха Сафияддина Ардабили (см.: [13]). Рукопись перевода, выполненная самим переводчиком, хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР [14]. Лондонские, Ватиканские, Стамбульские и Мазари-Шарифские списки дивана Хата'и относятся к XVII столетию [5].

Самыми древними рукописями сочинений поэта являются вышеуказанные Лондонский и Тегеранский списки. Последний был переписан известным азербайджанским писателем Ю. В. Чеменземинли в Париже в 1923 г. В настоящее время он хранится в Институте рукописей АН Азербайджанской ССР (шифр Д-392). Привлекает внимание и рукопись дивана, входящая в поэтический сборник известных узбекских и персоязычных поэтов (составлена по указанию хивинского хана в 1907 г.) [5]. Данная рукопись из собрания Института востоковедения АН Узбекской ССР [5. С. 62] свидетельствует о популярности Хата'и и в Средней Азии.

Две рукописи дивана Хата'и, хранящиеся в Ленинграде, связаны с городом Ардебилем, откуда родом шах Исма'ил. В одной из них, переписанной в 1629 г., кроме стихотворений Хата'и, имеются также газели других азербайджанских классических поэтов [5]. Рукопись была преподнесена шахом Аббасом I (1587—1629) в дар мавзолею шейха Сафи в Ардебиле.

Вторая рукопись переписана с первой в 1829 г. в Ардебиле, о чем свидетельствует запись. Она была приобретена известным ученым-востоковедом В. Ф. Минорским в 1904 г. и подарена Ленинградскому отделению Института востоковедения в 1960 г. [5]. Отдельные стихотворения Хата'и встречаются также в рукописных сборниках и средневековых поэтических антологиях (тезкире).

ЛИТЕРАТУРА

1. Керимов К. Султан Мухаммед и его школа. М., 1970.
2. Акимюшкин О. Легенда о художнике Бехзаде и каллиграфе Махмуде Нишапури//Народы Азии и Африки. 1963. № 6.

3. *Маммадов Ә.* Шаһ Исмајыл Хатаинин әсәрләри//Шах Исмајыл Хатаи. Әсәрләри. Бақы, 1966. 1 ч.
4. *Щербак А. М.* К изучению старотюркской и персидско-таджикской литературы: (Обзор работ Турхана Гянджеи)//Сов. тюркология. 1987. № 5.
5. *Мамедов А.* Издание сочинений Хатаи, описание использованных рукописей и принципы составления критического текста//Шаһ Исмајыл Хатаи. Әсәрләри. Бақы, 1970. 2 ч.
6. *Бәдри Атабәј.* Феһрест-е диванһа-је хәтти-је кетабхане-је Сәлтәнәти. Тегһран, 1355. Чәлд-е әввәл.
7. Феһрест-е кетабхане-је Мәчлес-е Шура-је Мелли-Тәһрир вә чап тәвәссот-е Әһ-мәд Монзәви. Тегһран, 1345. Чәлд-е јаздәһом.
8. *Кәнчәи Т.* Шаһ Исмајылын иллүстрасијалы әлјазмасына даир гејдләр//Әдәбиј-јат вә инчәсәнәт. 1986. 4 дек.
9. *Заманов А., Пашајев Г.* Хәтаишүнаслыға јени төһфә//Әдәбијјат вә инчәсәнәт. 1987. 4 дек.
10. *Казиев А. Ю.* Миниатюры рукописи «Хамсе» Низами 1539—1543 гг. Баку, 1964.
11. *Аға Бозорг Тегһрани.* Әз-зәриә ила тәсаниф әш-шиә. Тегһран, 1332. Чәлд-е нон-һом.
12. *Һаң Һусејн Нәхчевани.* Фәрмани әз шаһ Есмәил//Нәшријје-је Данешкәде-је Әдәбијјат. Тәбриз, 1339. Шомареје доввом.
13. *Әлизадә С.* «Шүһәданама»дә адлар (исим, сифәт, сај, әвәзлик): Канд. дис., Бақы, 1965.
14. *Садыхов Ә.* «Шејх Сәфи тәзкирәси»нин дили: (лексика): Канд. дис. Бақы, 1973.

Б. А. БАЙТАНАЕВ

ТРАДИЦИИ ПОВТОРА В КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Устное бытование искусства слова обусловило формирование в недрах народного творчества целого ряда специфических признаков, среди которых повтор как одна из композиционных конструкций занимает заметное место и является одним из устойчивых элементов казахской литературы.

В повторе можно увидеть заданность, — стремление убедить, доказать явились первопричиной выделения повтора. С течением времени, когда окружающая действительность начала осознанно воссоздаваться человеком через художественные образы, вместе с развитием устной поэзии первоначальные элементы приемов и средств повтора слова приобретают эстетическую содержательность и воспринимаются слушателями совершенно оторванно от первоначальной заданности.

Плач отца Кобланды Токтарбая из эпоса «Кобланды», где уже формальным признаком повтора в каждом цикле служит глагол *айрылдым* 'лишился', замыкающий смысл и содержание предыдущих слов, далек от заклинания [1. С. 6—7]. Каждый из циклов, заканчиваясь словом «айрылдым», по-новому осмысливает одно и то же явление, углубляя эмоциональное воздействие на слушателей.

1
Келелі түйем ішінде
Қайырлы бураға ұқсаған
Қайырлы тұған Қоблан
Ботам, сенен айрылдым

2
Алалы жылқы ішінде
Көзге түсер тұлпардай,
Тұяғы бүтін сұңқардай
Құлыным, сенен айрылдым!

3
Ай мүйізді қошқардай
Тілеп алған, жалғызым
Қозым, сенен айрылдым!

4
Көл айнала шандатқан
Байламаса, тынбаған
Көк ала бұқаға ұқсаған
Мен бұзаудан айрылдым [2.
С. 155—156]

1
Среди множества верблюдов (моих)
Ты на самого лучшего верблюда похож,
Добром рожден ты, Кобланды,
Верблюжонок мой, я лишился тебя!

2
Среди множества пегих коней
Ты — приметный конь-скакун,

Ты — словно сокол с несломанными когтями,
Жеребенок мой, я лишился тебя!

3

Ты — с изогнутыми, как месяц, рогами, кошкар,
Вымоленный мной, единственный мой,
Ягненок мой, я лишился тебя!

4

Ты — словно поднявший у озера пыль
(Бычок), что не успокоится, пока на привязь не возьмут.
На такого серого бычка похож,
Теленочек мой, я лишился тебя! [2. С. 316—317].

Выделенный отрывок состоит из четырех повторяющихся частей, в которых одна и та же мысль выражается в нескольких вариантах. «Содержание эпической тирады, вышедшей, по всей видимости, из народной обрядовой поэзии — жанра жоктау — определяется, — как отмечает Ж. Бектуров, рассматривая данный отрывок из эпоса, совокупным действием всех смысловых групп» [3. С. 68], но концовка каждой смысловой группы подготавливает последующую смысловую группу тирады. И повтор в смысловых группах выражается не только лексическим повтором или употреблением одинаковых синтаксических конструкций и грамматических форм, что очень часто встречается в казахской народной и профессиональной поэзии, но и описанием явления сюжета или героя, которые раскрываются при этом все глубже. Возьмем, к примеру, отрывок из толгау средневекового поэта Доспамбета (вторая половина XV—первая четверть XVI в.):

Тоғай, тоғай, тоғай-су

Тоғай қондым, өкінбен,
Толғамалы алабалта қолға алып,
Топ бастадым, өкінбен,
Тобыршығы биік жай салып,
Душпан аттым, өкінбен

Тоғынды сарты нар жегіп,
Көш түзедім, өкінбен,
Ту қуйрығы бір тұтам
Тұлпар міндім өкінбен,

Туған айдай нұрланып
Дулыға кидім, өкінбен,
Зерлі орындық үстінде
Ақ шымылдық ішінде

Тулымшағын төгілтіп
Ару сүйдім, өкінбен,
Бүгін, сонды өкінбен,
Өкінбестей болғанмын,
Ер Мамайдың алдында
Шахид кештім, өкінбен! [4. С. 36]

Что в прибрежных ночевал

тугаях

У реки холодной, не жалею.
Что топор в своей руке сжимал,
Войско удалое возглавляя,
Шел я в бой с врагами,

не жалею.

Что стрелую острою, крылатой
Поражал я насмерть супостата,
И об этом тоже не жалею.
Что, навьючив острогорбых

наров,

Кочевал я долго, не жалею.

Что седлал могучего тулпара
И степями мчался, не жалею.
Что я шлем стальной, с луною

схожий,

Надевал не раз, я не жалею.

Что красавиц целовал, на ложе
Распустивших косы, не жалею.

Жизнь свою сейчас припоминая,
Ни о чем прожитом не жалею.

Умирая воином Мамай,

Я, шахид, о смерти не жалею...

Формирование поэтического образа в творчестве казахских жырау протекало в тесной связи с особенностями уклада их жизни. Жырау видел смысл художественного изображения прежде всего в сопоставлении ряда предметов и явлений окружающего мира. Лишь через сравне-

Толгау средневекового поэта Доспамбета и стихотворение О. Сулейменова близки по содержанию: и смертельно раненный знатный воин, и бедняк-поэт перед казнью подводят итоги своей жизни. В обоих произведениях встречаются смысловые повторы. Отдельные обстоятельства жизни не могут раскрыть характер героя, и только в совокупности, в соотнесенности друг с другом они дают полную картину.

Повтор, излюбленный прием жырау, не случаен в поэзии О. Сулейменова, национальные поэтические традиции являются почвой для новаторства и художественных исканий современного поэта.

В наши дни эстетическое значение повтора меняется в соответствии с задачами литературы. Тематическое единство народной поэзии уступает место целостному художественному обобщению, и поэтому повтор и его формы становятся элементами структуры произведения, влияющими на его сюжет, жанр, стиль.

Повтор занял определенное место и в казахской художественной прозе. Яркий пример этого — использование повтора в структуре романа М. О. Ауэзова «Путь Абая». Определенное место в композиции произведения отводится истории Кодара (условное название), которая периодически повторяется в узловых моментах повествования.

История Кодара, периодически повторяясь, высвечивается разными гранями. Подобно повторам в казахской поэзии, где одна и та же мысль для решения целого выражается в нескольких вариантах, история Кодара каждый раз углубляется и осмысливается по-новому автором и читателем, подводя итог или подготавливая последующие события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стеблева И. В. Поэзия тюрков VI—VIII вв. н. э. М., 1965.
 2. Кобланды-батыр. М.: Наука, 1975.
 3. Бектуров Ж. Ж. Художественно-композиционные особенности поэзии жырау и акынов: Рукоп. дис. Алма-Ата, 1980.
 4. Мағауин Мұхтар. Қобыз сарыны. Алма-Ата, 1968.
 5. Байтанаев Б. А., Бектуров Ж. Ж. Эстетика устного повтора в казахском фольклоре и литературе // Фольклор и литература Казахстана. Караганда, 1983.
-

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. Ш. МАМАТОВ

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ НОМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

Понятие «номинализация» используется во многих современных работах для обозначения довольно широкого круга объектов [1. С. 3—5]; при этом зачастую подразумевают операции синтаксического характера, т. е. процессы содержательного и формального преобразования предикативного синтаксического построения (предложения) с целью включения его в именную позицию (отсюда и название «номинализация») в составе предложения более высокого ранга сложности [2. С. 19; 3. С. 30; 4. С. 106, 122]. В последнее время этот термин стали употреблять и в стилистике, имея в виду развитие так называемого «именного стиля» [5. С. 105].

Существует понимание «номинализации» и как явления морфологического, а именно словоизменительного. Такую точку зрения отстаивает В. Г. Гузев [6. С. 56—64; 7. С. 23, 27, 306—328; 8. С. 40, 104—105], который для объяснения некоторых словоизменительных процессов разработал концепцию «вторичной репрезентации». Основные моменты этой концепции сводятся к следующему:

— в тюркских языках имеются формы, оперативно представляющие то или иное мыслительное содержание в образах предмета, признака или обстоятельства;

— функционирование таких форм сопровождается стандартными мыслительными операциями по преобразованию одной семантики в другую;

— подобные семантические операции осуществляются окказионально, т. е. эпизодически, при наличии коммуникативной потребности;

— глагольные значения тоже способны переосмысляться в сознании носителя языка; образы действий путем сопряжения их с классифицирующими грамматическими значениями, характерными для именных частей речи (т. е. предметности, качественности, обстоятельственности), могут представляться в качестве предметов, признаков или обстоятельств;

— глагольными средствами «вторичной репрезентации» являются ряды форм (категорий): 1) имена действия (глагольные субстантивные формы), 2) причастия (глагольные адъективные формы), 3) субстантивно-адъективные формы, 4) деепричастия (глагольные адвербиальные формы); все эти частные категории объединяются под общим названием «именные формы глагола», или «глагольные имена».

Поскольку в основе вторичной репрезентации в глагольной сфере лежит представление действий в виде предметов, признаков или обстоя-

ятельств, т. е. в виде образов, составляющих содержание классифицирующих грамматических значений именных частей речи (существительных, прилагательных и наречий), то, по мнению В. Г. Гузева, есть основание именовать все три семантические операции номинализацией действия.

На первый взгляд может показаться, что предложенная рубрикация именных форм глагола ничем не отличается от существующих. На самом деле их выделение и обоснование в качестве словоизменительных форм строится на совершенно новом подходе, предусматривающем сам процесс их порождения, который происходит окказионально, на основе «мыслительных операций», и за каждой функциональной формой «стоит некая разработанная языковым мышлением, типизированная семантическая операция» по преобразованию образа действия. Такое решение вопроса, насколько можно судить по доступной нам литературе, предпринимается в тюркологии впервые.

Вопрос об именных формах глагола представляет собой один из наиболее важных вопросов, разрабатываемых в тюркологии многими поколениями лингвистов. Несмотря на известное количество работ, затрагивающих эту проблему прямо или косвенным образом, все же многое остается еще дискуссионным и нерешенным. Достаточно вспомнить, что сами категории «имя действия», «причастие», «деепричастие» понимаются неоднозначно, нечетко определяются их границы, нет единства во мнениях относительно их состава. Требуют более углубленного изучения вопросы о морфологической природе, грамматическом значении и языковой функции именных форм.

Указанные параметры именных форм довольно убедительно истолкованы В. Г. Гузевым в его концепции, и можно полагать, что сделан важный шаг в направлении решения проблем, связанных с этой категорией. Настоящая статья представляет собой попытку осмыслить природу именных форм глагола узбекского языка через призму теории вторичной репрезентации.

1. Имена действия (субстантивные формы, масдары)

Категория имен действия — это совокупность форм, объединяемых общим значением «опредмеченного» действия, т. е. действия, окказионально представляемого как предмет [7. С. 310]. Представление действия в качестве предмета имеет следствием то, что имена действия способны присоединять аффиксы именных словоизменительных категорий и используются в субстантивных синтаксических функциях; в функциональном отношении они родственны именам существительным.

1. 1. Форма с показателем *-моқ*. Способна выступать вне форм именных категорий. В приводимых примерах соответствующая словоформа выступает в функции подлежащего (1) и в качестве компонента составного сказуемого (2): 1. *Шундай халқ билан бирга қурилиш барно қилмоқ, яратмоқ қандай яхши, ҳузур* (О.) 'Как хорошо, какая благодать с таким народом воздвигать строительство, созидать'. 2. *Унинг суйган иши — дала айланмоқ, ғўзани парвариш қилмоқ эди* (О.) 'Его любимым делом было пройтись по полям, выращивать хлопчатник'. Она может принимать показатель принадлежности (в примерах соответственно 1-го и 3-го лица множественного числа): *Бу ишда янги ғалабаларга эришмоғимиз керак* (О.) 'В этом деле мы должны достичь новых успехов'. *Орқадагилар олдиндагиларни қувиб етишга жон-дили билан курашмоқлари керак* (О.) 'Отстающие должны со всей силой стараться догнать тех, кто впереди'.

Отмечается использование в различных падежах, например, дательном (1), винительном (2) и исходном (3): 1. *Хатто кичкинагина электростанция ҳам қурмоққа тайёрланган эдик* (О.) 'Мы подготовились даже построить маленькую электростанцию'. 2. *Ўз қизининг бахтли тўйтамошасини кўрмоқни юракдан орзу қилган ҳамма оналар каби ...* (О.) 'Как и все матери, от сердца мечтающие увидеть счастливую свадьбу своей дочери ...'. 3. *Аширматга қуда бўлмоқдан чўчир эди она* (О.) 'Боялась мать вступать в родственные отношения с Аширматом'.

Встречаются сочетания с послелогоми, управляющими основным падежом (другие не отмечены): *Ўзим аскар болаларни кўрмоқ учун узоқ-яқин жойларга борганман* (О.) 'Сама я ходила в окрестности увидеть солдат'. ... *Колхознинг кундалик ишлари, қийинчиликларни бартараф қилмоқ ҳақида яна суҳбат қилиб кетди* (О.) '...Вновь оживилась беседа о ежедневных делах колхоза, об устранении трудностей'.

Необходимо подчеркнуть, что *-моқ* как словоизменятельный показатель относится к числу малоупотребительных и значительно уступает в количественном отношении показателю *-иш* в передаче аналогичного содержания, на что указывается в специальной литературе [9]. Во всех приведенных примерах *-моқ* может быть заменен на *-иш* без особого ущерба для смысла.

1. 2. Форма с показателем *-(и)ш* является самой производительной, функционирует как вне категории принадлежности, так и с показателями этой категории. Вне форм именных категорий: *Соли уста билан ишлаш* *Колянинг айни муддаоси эди* (Р. Ф.) 'Работать с мастером Сали было страстным желанием Коли'. Выступает в формах косвенных падежей: 1. *Аммо ... халқ фарзандлари ... уни деб курашдан, курбон беришдан қайтмадилар* (Й. Ш.) 'Но ... сыны народа ... не остановились ради него перед борьбой, жертвами'. 2. *Абдуҳафиз ... заводни тиклашда қатнашди* (Р. Ф.) 'Абдухазиз ... участвовал в восстановлении завода'. 3. *Аваз ўзи Хулкарни тоққа олиб кетишни ўйлаб юрар эди ...* (П. Қ.) 'Аваз сам думал о том, чтобы увезти Хулкар в горы ...'. 4. *Умуман у болалигида ҳам тунда ташқарига чиқишига ақўрқарди* (Ҳ.У.) 'Вообще, он и в детстве боялся выходить ночью на улицу'.

В приведенных примерах действия представлены в обобщенном, «нелокализованном» (в пространстве и времени) виде и, более того, как абстрактное обозначение соответствующего явления в виде некоего типового процесса (особенно примеры 1, 2, 4).

При использовании в формах категории принадлежности, вызванном коммуникативной потребностью, положение меняется: появляется возможность указать на конкретного исполнителя определенного действия. Кроме того, действие, обозначенное основой, может относиться к любому временному плану, например, к прошедшему (1), настоящему (2, 3) или будущему (4, 5). Индифферентность формы на *-(и)ш* к временным характеристикам передаваемых действий свидетельствует, что она не имеет собственного временного значения: 1. *Худди шу пайтда катталарнинг мактабдан келиши яхши бўлди* (Р. Ф.) 'Очень кстати было то, что в этот момент подошли взрослые из школы'. 2. *Унинг эпчиллик билан ... натир ясаши, ўртасига чакич, чеккасига калит уриши, ... гардишига кунгира солиши, зрини фронтгамас, курортга кузатаётган келинчакнинг ҳаракатларига ўхшарди* (Р. Ф.) 'То, что она с ловкостью ... делает слоеную лепешку, обрабатывает ее специальными инструментами ... по краям делает узоры, было похоже на

действия невестки, которая провожает своего мужа не на фронт, а на курорт'. 3. *Саттор Жўравойнинг ёмон ўқиши, нуқул синфда қолишини ўйлаб шундай деди* (Ҳ. Ҳ.) 'Саттар сказал это, подумав о том, что Джурабай плохо учится и все время остается на второй год'. 4. *Уста Қамбар кўктошликларнинг ҳадемай Ойкўлга бостириб келишини билар эди* (П. Қ.) 'Уста Камбар знал о том, что кукташцы скоро нападут на село Айкуль'. 5. *Буни кўрган Хонов машинанинг ёниб кетишидан кўрқиб кетди* (Қ. Қ.) 'Хонов, увидевший это, испугался, что машина может загореться'.

1. 3. Формы с показателями -ганлик, -ётганлик зарегистрированы только в формах категории принадлежности: 1. *Ниҳоятда шошганлиги хатидан билиниб турибди* (Р. Ф.) 'По его письму заметно, что он очень спешил'. 2. *Чойхона ҳувиллаб қолгани билан барибир ҳамма нарса ўз жойида турарди. Турарди-ю, одам қўли тегма-ётганлиги ҳам шундоқ билиниб, кўзга ташланарди* (Р. Ф.) 'Несмотря на то, что чайхана опустела, все вещи стояли на своих местах. Стояли, но было заметно, бросалось в глаза также и то, что до них не дотрагивается человеческая рука'.

Рассматриваемые формы предстают как производные от *-ган, -ётган* (см. пп. 3.1, 3.2), характеризуются возможностью параллельного функционирования с последними, причем только в их субстантивном использовании. В них сохраняется временное значение, присущее формам на *-ган* и *-ётган*: предшествование (1) и одновременность (2) по отношению к временному плану сказуемого.

Существует мнение, что аффикс *-лик* в составе формы на *-ганлик* указывает на агенс действия, является формальным средством преобразования значения агенса действия в значение самого действия [10. С. 122]. Не всегда, однако, отсутствие *-лик* сигнализирует об отсутствии агенса действия, обозначенного формой на *-ган*. Языковой материал показывает, что форма на *-ганлик* (как и *-ётганлик*) малоупотребительна и, более того, не характеризуется синтаксической полифункциональностью. При таком положении естественно полагать, что выражение агенса действия осуществляется зачастую также и формой на *-ган-и, без -лик*.

1. 4. Форма с показателем -маслик называет «опредмеченное действие» [7. С. 310; 11.] с отрицательным значением; она выступает в формах категории принадлежности и вне ее, используется в различных падежах: *Айни пайтда Саттор Турдиевичнинг... билмаслиги уни изтиробга соларди* (Ҳ. Ҳ.) 'Ее мучило одновременно то, что Саттар Турдиевич... не знает'. *Сизни ҳеч қачон хор бўлмаслигингизни... улар жуда яхши билишади* (Қ. Қ.) 'Они очень хорошо знают... что Вы никогда не пропадете'. *Хулкар.. қайнанасига сездирмасликка тиришиб...* (П. Қ.) 'Хулкар... стараясь, чтобы не заметила свекровь...'

1. 5. Форма с показателем -(у) вступает в формах категории принадлежности в различных падежах: 1 *Ойисига ўхшайдими?! Адашув мумкин эмас* (С. А.) 'Похожа на свою мать?! Не может быть, чтобы заблудилась (ошиблась)'. 2. *Кўрмайтурган кўзга қандай зарар стув мумкин?—деди* (А. Қ.) 'Какой вред может быть [от него] глазу, который не видит? — сказал он'. 3. *Нури ўз режасининг бундай қулай амалга оширидан ҳадсиз севинди* (О.) 'Нури чрезмерно обрадовалась тому, что ее план так легко осуществился'. 4. *Кўзибойишга аралашувини ҳам, чиқиб кетувини ҳам билмай қолди* (Х. Н.) 'Кузибай не знал: не то вмешаться, не то уйти'. (Примеры из [13. С. 191; 14. С. 399]).

О словоизменительном характере рассматриваемой формы свидетельствует то, что она, во-первых, функционально близка к масдару на *-(u)ш*; во-вторых, способна образовываться также и от составных глаголов с устойчивой связью компонентов (ср. примеры 2, 3). Кроме того, не все случаи использования формы с показателем *-(u)в* фиксируются в узбекской лексикографии в качестве самостоятельной лексической единицы. Если иметь в виду способность, по-видимому, всех глаголов выступать в этой форме, то практика включения в словарь лишь отдельных из них свидетельствует о том, что подавляющее большинство интересующих нас образований истолковывается лексикографами как словоизменительные. Опираясь на указанные признаки, мы включаем форму с показателем *-(u)в* в ряд масдаров, хотя не исключаем, что дальнейшие наблюдения могут привести к иному решению, тем более, что отмечается ее «малопродуктивность» [14. С. 117] и возможность замены «во всех случаях ее использования аффиксом *-(u)ш*» [13. С. 191].

2. Причастия (адъективные формы)

Причастия обозначают признак, содержанием которого является действие, или, иными словами, действие, «окказионально представляемое в виде признака» [7. С. 313]. Необходимо подчеркнуть, что причастие, как и любое языковое средство, называющее признак (например, прилагательное), способно субстантивироваться, т. е. передавать в речи предмет — носитель признака. Этот хорошо известный в языкознании коммуникативный прием нельзя смешивать с явлением вторичной репрезентации, в частности с представлением действия в виде предмета, т. е. с опредмечиванием самого действия (см. выше об именах действия). Из сказанного следует, что случаи окказиональной субстантивации причастий и субстантивно-адъективных форм (а не субстантивного использования их) не имеют отношения к теме настоящей статьи и поэтому здесь не рассматриваются.

2. 1. Формас показателем -увчи; (вариант -овчи). В узбекском языке, по-видимому, только она обладает агентивным значением: называет действие, совершающееся в настоящий момент (1), или же действие, которое должно произойти в будущем (2): 1. *Ўқтам ... пахтакорликнинг ривожини кўрсатувчи диаграммаларга тикилди* (О.) 'Ўқтам ... посмотрел на диаграммы, показывающие развитие хлопководства'. 2. *Комилаёрдам учун келувчи юздан ортиқ кишиларни кутиб олмоқ масаласини ёйлар эди* (О.) 'Камила думала о проблеме, как встретить свыше ста людей, которые придут на помощь'.

Одним из свидетельств в пользу того, что рассматриваемую форму следует трактовать именно как причастие, а не как отглагольное прилагательное, является то, что она способна функционировать в формах категории залога (ср.: *ёзувчи бола* 'пишущий мальчик', *ёздирувчи киши* 'человек, который побуждает писать', *ёзилувчи хат* 'письмо, которое (на) пишется', *ёзишувчи бола* 'мальчик, который участвует (с кем-то) в процессе писания'). Однако эта форма не может функционировать в категории отрицания на *-ма*. С ней активно конкурирует производительная форма на *-диган* (см. ниже), что, по-видимому, сужает сферу функционирования формы на *-увчи*. Например, для обозначения указанных темпоральных значений (в приведенных примерах) она без ущерба может быть заменена формой на *-диган*, и, судя по количественному соотношению примеров, можно предположить, что современный язык отдает предпочтение последней [13. С. 176].

2. 2. Форма с показателем *-диган* называет в виде признака действие, которое совершается в настоящем (1) или же наступит в будущем (2): 1. *Девдаранинг тубидан оқиб ўтадиган сув ёзда... катта бўлади* (П. Қ.) 'Вода, протекающая по дну Девдары, летом ... увеличивается'. 2. *Эшелон жўнайдиган станция перрони фронтга кетаётганлар, кузатгани чиққанлар билан тўла* (Р. Ф.) 'Перрон станции, от которого отъедет эшелон, был полон уезжающими на фронт и теми, кто вышел провожать'. По-видимому, форма на *-диган*, в отличие от форм на *-ган* и *-ётган*, не обладает способностью передавать определенное действие.

Форма на *-диган* представляет теоретический интерес в том отношении, что она свидетельствует о принципиальной возможности существования причастий, лишенных агентивного значения или—шире—каких-либо залоговых значений вообще. Представляя собой образование сравнительно молодое [14. С. 238], форма на *-диган* обретает специфическое название — обозначать действие, совершаемое в настоящем или ориентированное на будущее [15. С. 244]. Закрепившись в этой функции, она стала широко употребляться и постепенно вытеснять формы на *-увчи* и *-ажак*, которым также свойственна передача настоящего и будущего времени. Более того, она «почти совершенно вытеснила» форму на *-а(р)* [16. С. 108], которая выражает те же темпоральные характеристики действия.

Материал убеждает в том, что сущностным признаком причастий является их коммуникативное предназначение выражать действие, представленное как признак. Наличие или отсутствие какого-либо залогового значения, в том числе и агентивного, следует признать их второстепенным признаком.

3. Субстантивно-адъективные формы

Эта категория представляет собой совокупность таких форм, которые объединяются, по всей видимости, не одним, а двумя категориальными значениями: 1) действия, окказионально представляемого в качестве предмета, 2) действия, представляемого в виде признака. Эти значения роднят их соответственно с именами действия и с причастиями (см. выше) [7. С. 315].

3. 1. Форма с показателем *-ган*. 3. 1. 1. В случаях субстантивного использования [17] она функционирует преимущественно в формах категории принадлежности, передавая действие, одновременное с действием сказуемого (1, 2) или предшествующее ему (3, 4, 5): 1. *Ичкаридан Лесянинг чинқириб йиғлагани эшитилди* (Р. Ф.) 'Изнутри было слышно, как громко плачет Леся'. 2. *Аваз унинг жиддий ва илтимоскорона қараб турганини пайқади* (П. Қ.) 'Аваз почувствовал, что он смотрит серьезно и умоляюще'. 3. *Саттор Турдиевич... костюмини кийганига энди ичидан севинди* (Ҳ. У.) 'Саттар Турдиевич... теперь внутренне обрадовался тому, что надел свой костюм'. 4. *Шу хонадонга келганидан энди няхат афсусланди* (Ҳ. У.) 'Теперь он очень сожалел о том, что пришел в эту семью'. 5. *Тепаликдан ошгандан кейин қиз ёлғиз қолди* (О.) 'После того, как перешла холм, девушка осталась одна'.

Как свидетельствуют приведенные примеры, в формах категории принадлежности и склонения (падежи могут уточняться также и послелогами) рассматриваемая форма обладает синтаксической полифункциональностью и выступает в роли подлежащего (1), прямого дополнения (2), косвенного дополнения (3, 4) и обстоятельства (5).

3. 1. 2. В атрибутивной функции форма на *-ган* также содержит в своем значении сему одновременности (1, 2) и предшествования (3, 4) по отношению к временному плану всего высказывания: 1. *Улар ўтирган баландликдан жилгадаги сурув яхши кўринади* (П. Қ.) 'С высоты, где они сидят, хорошо видна отара, которая находится внизу'. 2. *У... хатни ўқиб турган Витяни пайқамасди* (Р. Ф.) 'Он... не замечал Витю, который читал письмо'. 3. *Саттор кеча Махбуба қайтариб берган дафтарни варақлаб бошлади* (Ҳ. Ҳ.) 'Саттар начал листать тетрадь, которую вчера вернула Махбуба'. 4. *Текисликнинг узок четидан чиқиб келган юк машинаси шу тоққа қараб жадаллаб боряпти* (П. Қ.) 'Грузовая машина, вышедшая из дальнего края равнины, быстро направляется к этой горе'.

3. 2. Форма с показателем *-ётган* обладает всеми особенностями, характерными для субстантивного и атрибутивного использования формы с показателем *-ган*. Единственное отличие заключается в том, что эта форма передает действие, только одновременное с действием сказуемого предложения.

3. 2. 1. Субстантивное использование: *Лекин Саттор Турдиевич ниманидир қаттиқ ўйлаётгани ва айни вақтда аниқ бир қарорга келишда хийла қийналаётгани шундоқ авзойидан сезилиб ўтирди* (Ҳ. Ҳ.) 'То, что Саттар Турдиевич о чем-то напряженно думает и одновременно мучается в принятии конкретного решения, было заметно по его лицу'. *Аммо ҳозир Давлатбеков унинг фикрини билишга чиндан қизиқаётганини сезди* (П. Қ.) 'Но он заметил то, что Давлатбеков сейчас на самом деле интересуется узнать его мнение'. *Кечадан бери уларни ўйламаётганига ўзи ажабланди* (Ҳ. Ҳ.) 'Сам удивился тому, что со вчерашнего дня не думает о них'. *У ерга қараб келаётганидан қизни кўрмади* (Р. Ф.) 'Он не увидел девушку из-за того, что шел опустив голову'.

3. 2. 2. Атрибутивное использование: *Йигит қора қушлар нашлаётган томонга қараб чонди* (П. Қ.) 'Парень побежал в сторону, куда снижались черные птицы'. *...Ўйларига қараб келаётган Аваз... бошқа нарсани ўйламасликка тиришади* (П. Қ.) '...Направляющийся домой Аваз... старается больше ни о чем не думать'.

3. 3. Форма с показателем *-ажак*. Как свидетельствует А. Н. Кононов, эта форма была введена в узбекский язык решением Орфографической комиссии в 1929 г., но «не получила в литературном языке развития и встречается очень редко» [14. С. 386]. В узбекской грамматической традиции наблюдается неоднозначное отношение к этому показателю. В одних случаях о нем вообще ничего не говорят [9], в других случаях, хотя он и фигурирует среди причастных форм, однако не подкрепляется примерами из художественной литературы [18. С. 191]. Есть и другая крайность. Например, в монографии К. Мелиева, посвященной причастиям в тюркских языках, *-ажак* причисляется к разряду форм, «встречающихся часто» [10. С. 18], но в соответствующем разделе эта форма не обсуждается и не приводится ни одного примера.

3. 3. 1. В субстантивном использовании имеет в своем значении сему будущего времени, которая в приводимом примере подкрепляется обстоятельством времени *эрта* 'завтра'. Отмечена только в форме категории принадлежности: *Кун қоронгилашгач, пойкорлар жар солиб, бугунги ишининг тугаганлигини, эрта ҳар ким ишга келмаса, ёки кечикиб*

келса огир «боқипули» (жарима) тўлая жағини ҳашарчиларга эълон қилиб, уларни тарқалишга рухсат бердилар (Й. Ш.) 'С наступлением темноты надзиратели объявили рабочим о том, что сегодняшняя работа закончена, что если завтра кто-нибудь не придет или опоздает, то будет платить тяжелый штраф, затем разрешили им разойтись'. Форма на -ажак представляет собой в данном случае архаизм, использованный автором явно для поддержания исторического колорита, создаваемого в контексте предложения так же архаичными словами *пойкор* 'надзиратель', *боқипули* 'штраф'.

На способность данной формы представлять действие в качестве предмета, т. е. на ее субстантивную роль, нигде, кроме как в грамматике А. Н. Кононова, не указывается [14. С. 386]. (В книге А. Н. Кононова примеры приведены в связи с развернутыми членами предложения).

3. 3. 2. В атрибутивном использовании имеет сему будущего времени: *Астахов... яқин бир неча йил мобайнида амалга оширилajak буюк қурилиш манзарасини содда, равшан, аниқ бир йўсинда тушунтириб берди* (О.) 'Астахов... просто, ясно, коротко обрисовал картину великой стройки, которая осуществится в ближайшие несколько лет'. Форма на -ажак здесь может быть заменена на -диган и, по-видимому, современный язык, как уже было отмечено, отдает предпочтение последней. Ср. следующий пример, где в одном предложении одновременно употребляются формы на -ажак и -диган, которые, обладая тождественной семантикой (называют действие, ориентированное в будущее), легко могут быть заменены одна другой: *Фарғонада қурилагajak янги корхоналар, сув омборлари, гидростанциялар ва чўлларда яшнай диган ўрмонлар, боғлар чолни қувонтирди...* (О.) 'Новые предприятия, водохранилища, гидростанции, которые будут построены в Фергане, леса, сады, которые расцветут, обрадовали старика...'

3. 4. Форму с показателем -(а) р, как и форму на -ажак, исследователи справедливо считают архаичной. Отмечается ее малоупотребительность и «пассивность с точки зрения образования причастных форм» [13. С. 175], а также то, что она «встречается, главным образом в произведениях народного творчества и в некоторых литературных произведениях со стилизованной под архаичность речью» [14. С. 386]. Более того, «отдельные слова, образуемые с этим аффиксом, стоят ближе к прилагательным, нежели к глаголу» [13. С. 175]. Противоположной точки зрения придерживается К. Мелиев, который относит -(а)р к числу «продуктивных формантов, образующих причастие» [19. С. 114], и причисляет к ним случаи использования ее «в предикативной позиции, т. е. в качестве личной формы глагола» [19. С. 115]. Приводимые им примеры, однако, носят явный отпечаток «стилизованности под архаичность».

3. 4. 1. Субстантивное использование: *Муқбил нима қиларини билмай...* (Ү. Э.) 'Мукбил, не зная что делать...'. *Чўпон бечора нима қиларини билмапти* (Ү. Э.) 'Бедный пастух не знал что делать'.

3. 4. 2. Атрибутивное использование: *...Келар йили акам билан бирга битта легковой машина ҳам оламиз* (О.) '...На следующий год мы вместе с братом купим одну легковую машину'.

Как показывают факты, субстантивно-адъективные формы называют в виде признака действие, которое может находиться в самых разных отношениях с предметом — носителем признака [20]. Важно подчеркнуть при этом, что предмет, называемый определяемым вводи-

мых субстантивно-адъективными формами конструкций, может быть также и производителем действия, передаваемого глагольной основой. Возможно, что именно такие случаи использования рассматриваемых форм для передачи «агентивных» отношений между предметом и действием способствовали распространению мнения, что подобные глагольные имена представляют собой причастия. Однако необходимо сознавать, что агентивное использование — лишь одно из многочисленных возможных употреблений этих форм.

4. Деепричастия (обстоятельственные или адвербиальные формы глагола)

Категория деепричастий представляет собой совокупность форм, объединяемых однородными значениями действий, окказионально представляемых в виде разного рода обстоятельств [7. С. 321].

В значениях большинства деепричастий имеются временные семы, содержащие таксисную временную информацию: передаваемые обстоятельственными формами действия соотносятся с тем временным планом, в котором протекает уточняемое действие.

4. 1. Деепричастие на -(и) б характеризуется чрезвычайно широкой употребительностью и способностью передавать фактически «любое сопутствующее действие» [21. С. 77], одновременное (1, 2) или предшествующее (3, 4): 1. *Шофер... Зулайхога қувониб қаради* (П. Қ.) 'Шофер... посмотрел на Зулейху радостный (букв.: радуясь)'. 2. *Онахон... қалтираб ўрнидан турди* (А. М.) 'Онахон... дрожа встала с места'. 3. *Жуман машинани кўриб ҳайрон бўлди* (А. М.) 'Джуман удивился, увидев машину'. 4. *Кеч кириб, ҳавонинг тапти қайтди* (С. А.) 'Наступил вечер, и жара спала'.

4. 2. Деепричастие на -а/-й отмечено в нашем материале лишь в втором употреблении [22; 13. С. 181]. В отличие от предыдущей формы, оно представлено ограниченным кругом глаголов и выражает незаконченное, длительное действие или состояние, одновременное с действием, обозначенным сказуемым предложением: *Турсунбойнинг... хатини... йиғлай-йиғлай ўқиб чиқди* (С. А.) 'Письмо... Турсунбая... прочла плача'. *Шоқосим бу нарсани... севина-севина қабул қилди* (О. Ё.) 'Шакасым принял это... радуясь'.

4. 3. Деепричастия на -май и -масдан [24] имеют в своем значении отрицательную сему, обозначают действие, одновременное (1) или предшествующее (2) действию сказуемого: 1. *Собир индамасдан улардан нарироққа ўтди-да...* (О.) 'Сабир молча прошел подальше от них...'. 2. *У ичмай жойига ўтирди* (Ў. У.) 'Он, не выпив, сел на свое место'.

4. 4. Деепричастие на -ганча не во всех учебных и научных грамматиках узбекского языка признается в качестве отдельной деепричастной формы. Лишь у А. Н. Кононова мы встречаем замечание о том, что деепричастие на -ганча является «грамматическим синонимом деепричастия на -гунча» [14. С. 244]. Между тем языковой материал показывает, что деепричастие на -ганча представляет собой вполне самостоятельную разновидность деепричастных форм, образуется в основном от глаголов, семантика которых допускает их употребление для обозначения непродолжительного действия в значении «совершая что-либо», «пребывая в таком-то состоянии», которое отсутствует у -гунча: *Меҳриниса унга тикилганча ўтирарди* (Р. Ф.) 'Меҳриниса сидела, уставившись на него'. *У... ерга чўккалаганча ҳикояга қулоқ солиб*

ўтирган экан (А. М.) 'Он...оказывается, сидя на корточках, слушал рассказ'.

В отличие от предыдущих форм, эта форма может иметь в своем составе показатель категории принадлежности, который указывает на исполнителя действия (такой способностью обладает также и *-гунча*): *Ўғлининг бошини силаганича туриб колди* (Р. Ф.) 'Остановилась, поглаживая голову сына'. Использование категории принадлежности наблюдается чаще всего в случаях отсутствия лексически выраженного подлежащего; при наличии такового присутствие аффикса принадлежности носит факультативный характер.

4. 5. Деепричастие на *-гунча* (с алломорфами *-кунча, -жунча*) обозначает действие, выступающее как конечный временной предел действия сказуемого: *Трамвай йўлига чиққунча... бўлиб ўтган воқеаларни кўз олдига келтирди* (Р. Ф.) 'Он представлял все произошедшее... до тех пор, пока не вышел на трамвайную линию'. *Оққўргонга етгунча Норинисо овозининг борича йиғлади* (Й. С.) 'Норинисо рыдала во весь голос до тех пор, пока не доехали до Аккургана'.

Использование в форме категории принадлежности регулируется теми же условиями, которые были упомянуты в связи с формой на *-ганча*.

4. 6. Деепричастие на *-гани* имеет значение супина; действие, обозначенное сказуемым предложения, совершается для (ради) исполнения действия, названного формой на *-гани*: *Марфа ювингани ариқ лабига ўтирди* (Р. Ф.) 'Марфа села возле арыка для того, чтобы умыться'. *Мен кузатгани келаман* (Қ. Қ.) 'Я приду провожать'.

4. 7. Деепричастие на *-гач* (с алломорфами *-кач, -қач*) обозначает действие, предшествовавшее действию сказуемого: *Келувчилардан икки кишини қабул қилгач, соатиға қаради* (Қ. Қ.) 'Приняв двух посетителей, он посмотрел на часы'. *Вокзалдан чиққач... уйига қўнғироқ қилди* (Қ. Қ.) 'После того, как вышел из вокзала... позвонил домой'.

4. 8. Деепричастие на *-ганда* передает временное соотношение между действиями и употребляется в формах категории принадлежности и вне ее: *...Хар гал саҳрони қўрган имда, геолог касбини танламаганимга афсусланаман* (Қ. Қ.) '... Каждый раз, когда вижу пустыню, сожалею о том, что не выбрал профессию геолога'. *Уктам армияга кетганда, синглиси ўн бир яшар... эди* (О.) 'Когда Уктам уехал в армию, его сестре было одиннадцать лет'.

4. 9. Деепричастие на *-аркан* обозначает действие, «на временном фоне которого разворачивается действие основной глагольной формы» [21. С. 78]: *...Брезент қўлқопни ечаркан, Сатторга томон юрди* (У. У.) '... Снимая брезентовые рукавицы, он направился в сторону Саттара'. *Меҳриниса самоварга тараша ташларкан, Останинг гапини ўйларди* (Р. Ф.) 'Растапливая самовар, Меҳриниса думала о словах Остапа'. Заметим, что *-аркан* не рассматривается в грамматиках в качестве формы, образующей деепричастие. У А. Н. Конова мы встречаем ее как «сочетание основы будущего предположительного времени + (э)кан» [14. С. 419].

4. 10. Деепричастие на *-гудай/-гудек* признается не всеми, за исключением А. Ходжиева [13. С. 185—188]. Например, Қ. Мелиев считает его «причастной формой настоящего-будущего времени» [19. С. 14]. Имеет значение «словно», «как будто»: *Дадам хуфтон намозидан ярим кечада йиғлагудек хафа қайтадилар* (Й. Ш.) 'Отец мой возвращается с вечернего намаза в полночь расстроенным, словно сейчас за-

плачет'. *Панжалари билан юзини тимдалагудай, орқасига чопиб кетди* (Р.Ф.) 'Побежала назад, будто сейчас исцарапает свое лицо'.

Основные выводы: 1. С функционально-семантической точки зрения, все именные формы узбекского глагола на основе однородности значений и общности коммуникативного предназначения — передавать номинализованное действие — объединяются в единую общую категорию номинализации действия, распадающуюся на четыре частные категории. Состав и парадигма этой общей категории:

- 1) имена действия (масдары) — формы на *-моқ, (-у)в, -(и)ш, -ганлик, -ётганлик, -маслик*;
- 2) причастия — формы на *-увчи (-овчи), -диган*;
- 3) субстантивно-адъективные формы на *-ган, -ётган, -ажак, -(а)р*;
- 4) деепричастия на *-(и)б, -а/-й, -май* и *-масдан, -ганча, -гунча, -гани, -ганда, -гач, -аркан, -гудай/-гудек*.

II. Материал показывает, что в содержание понятия «масдар» не следует (в отличие от точки зрения В. Г. Гузева) включать утверждение о наличии или отсутствии темпорального значения: масдар на *-ганлик* явно обладает значением не будущего времени, на *-ётганлик* — значением настоящего времени. Иными словами, наличие или отсутствие темпорального значения не является сущностным признаком масдара.

III. Выяснилось, что для узбекских причастий наличие залогового значения не может рассматриваться как их сущностный признак.

IV. Сущностной характеристикой именных форм является вторичная репрезентация, стоящая за каждой из форм, — репрезентация действия в виде предмета, признака или обстоятельства.

V. Было предложено уточнение категориальной принадлежности ряда глагольных форм узбекского языка.

СОКРАЩЕНИЯ

А. М. — Асқад Мухтор
А. Қ. — Абдулла Қаҳҳор
И. С. — Йўлдош Сулаймон
И. Ш. — Йўлдош Шамшаров
О. — Ойбек
О. Ё. — Одил Ёкубов
П. К. — Пиримкул Қодиров

Р. Ф. — Рахмат Файзий
С. А. — Саид Ахмад
С. А. — Суннатилла Анорбоев
У. У. — Уктам Усмонов
У. Э. — Узбек халқ эртаклари
Қ. Қ. — Қурбондурди Қурбонсохатов
Ҳ. Н. — Ҳаким Назир

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Абрамов Б. А. К вопросу о номинализации // Коммуникативно-прагматический аспект предложения в немецком языке. М., 1984.

² Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск, 1984.

³ Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

⁴ Махмудов Н. М. Ўзбек тилидаги содда гапларда семантик-синтактик асимметрия. Тошкент, 1984.

⁵ Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М., 1983.

⁶ Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория на материале староанатолийского и турецкого языков // *Turcologica*: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976.

⁷ Он же. Система тюркских словоизменительных категорий в функционально-семантическом аспекте на материале староанатолийско-тюркского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1986.

- ⁸ Он же. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя: На материале старобалканско-тюркского языка. Л., 1987.
- ⁹ Узбек тили грамматикаси. Тошкент, 1975. 1 т.: Морфология.
- ¹⁰ Иванов С. Н. О соотношении узбекских форм на *-ган* и *-ганлик*//Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1958. № 4.
- ¹¹ Известна также принадлежащая А. М. Пешковскому формулировка «определение процесса» [12].
- ¹² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- ¹³ Ходжиев А. Фел. Тошкент, 1973.
- ¹⁴ Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., Л., 1960.
- ¹⁵ Ходжиев А. Тўлиқсиз фел. Тошкент, 1970.
- ¹⁶ Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка: (форма на *-ган* и ее производные). Л., 1959.
- ¹⁷ Способность форм на *-ган* и *-ётган* выступать «и в атрибутивной, и в субстантивной функциях» отмечается А. Ходжиевым (см.: [15. С. 243]).
- ¹⁸ Турсунов У., Рахматуллаев Ш., Мухтаров Ж. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Тўлдирилган иккинчи нашри. Тошкент, 1975.
- ¹⁹ Мелиев К. Ҳозирги туркий тилларда сифатдошлар. Тошкент, 1974.
- ²⁰ Эти отношения были показаны С. Н. Ивановым (см.: [16. С. 49—50]).
- ²¹ Иванов С. Н. Курс турецкой грамматики. Л., 1977. Ч. 2.
- ²² Ср. по этому поводу замечание А. М. Щербак: «Широкое самостоятельное неударное употребление указанной формы не характерно ни для одного из тюркских языков» [23].
- ²³ Щербак А. М. Деепричастие на *-а* в тюркских языках//Вопросы грамматики. М., Л., 1960.
- ²⁴ По А. Н. Кононову, *-май* является отрицательной формой деепричастия на *-а/-й*, а деепричастие на *-масдан* «соответствует по значению отрицательной форме деепричастия на *-(и)б*» [14. С. 241—242]; А. Ходжиев считает их обе отрицательной формой деепричастия на *-(и)б* [13. С. 180].

С. Г. АЛИЗАДЕ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ О ЯЗЫКОВОМ СТИЛЕ И СТИЛЯХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В азербайджанской филологии о стиле как в аспекте истории литературы (литературоведения), так и языкознания написано немало. Однако можно смело утверждать, что данная проблема по-прежнему относится к числу дискуссионных проблем нашего исторического языкознания. На первый взгляд, смысл терминов «стиль» и «литературный стиль» ясен, и при исследовании литературного языка речь должна идти не вообще о стиле и литературном стиле, а о функциональных стилях литературного языка [1]. Однако в ряде исследований научное содержание языкового стиля как бы ослабевает и термин «стиль» опускается до уровня общеупотребительного слова; в лучшем случае стиль литературного языка смешивается либо отождествляется с литературным стилем и течением, с индивидуальным стилем писателя (включая и его индивидуальный языковой стиль), с литературным видом, жанром, формой и т. д.

Один из исследователей научной истории азербайджанского литературного языка, А. Демирчизаде в современном литературном языке выделяет три стиля (художественный, научный, общественно-политический) [3. С. 31], А. Магеррамов — шесть (художественный, научный, печати, официальных документов, личной переписки, профессионально-технический) [4. С. 9], А. Гурбанов первоначально [5. С. 19] четыре (художественный, научный, научно-публицистический, официальный), а позднее — пять (добавлен эпистолярный стиль) [6. С. 21—22], А. Багиров в письменной форме литературного языка — четыре (деловой, или официальный, художественно-литературный, публицистический, научный) [7. С. 5], К. Алиев — шесть (научный, художественный, печати, официально-деловой, ораторский, бытовой речи) [8. С. 16], Т. Эфендиева, опираясь на В. В. Виноградова [9. С. 6], — пять (разговорно-бытовой, научный, официально-деловой, публицистический, художественно-беллетристический) [10. С. 15].

Такой разноречивой в трактовке стиля обусловлен скорее предметом, нежели объектом исследования, ибо авторы рассматривают проблему то в рамках языковедческой стилистики, то с позиций истории литературного языка, то как одно из направлений стилистики. С другой стороны, он может быть и результатом противоречивости решения данных проблем в русском советском языкознании 50—60-х годов. Так, А. И. Ефимов указывал на наличие шести стилей: художественно-беллетристического, общественно-публицистического, научного, профессионально-технического, официальных документов, эпистолярного [11. С. 11], В. П. Мурат — семи: литературно-разговорного, публицистиче-

ско-газетного, официально-делового, научного, поэтического, профессионально-технического, упрощенно-фамильярного [12. С. 20], А. И. Гвоздев — восьми: практического, художественной литературы, научно-популярного, торжественного, официального, интимного, юмористического, сатирического [13. С. 13—21], Г. В. Степанов — одиннадцати: художественно-литературного, научного, публицистического, печати, научной литературы, делового, ораторского, телеграфного, радиопередач, устно-официального общения, бытового общения [14. С. 10].

Вполне естественно, что указанные противоречия в учении о стиле объективно обуславливались динамическим развитием русского литературного языка в современную эпоху и расширением поля его социально-исторической деятельности. Однако они объясняются еще и тем, что исследователи нередко подходили к проблеме с субъективными критериями.

Источник путаницы в азербайджанском историческом языкознании коренится в неточном определении характера азербайджанского литературного языка на первом этапе его развития, в недифференцированности таких понятий, как «литературный язык» и «письменный язык», «литературный язык» и «художественный язык» [15—17]. Мало что изменилось в этом вопросе и в последние годы. Исследователи по-прежнему не принимают во внимание то, что если художественный язык выступает на правах литературного, выполняя социально-исторические функции, то неверно среди его стилей выделять стиль художественный, подчеркивая тем самым ведущий характер последнего [18. С. 4]. При функционировании художественного типа литературного языка стилизация имеет свою специфику. Следовательно, несмотря на превращение под воздействием исторических традиций и экстралингвистических факторов художественного языка в литературный, в ту или иную эпоху либо на той или иной стадии дифференциация стилей литературного языка не должна отождествляться с разветвлением жанровых форм в художественной литературе. Говоря о проблеме стиля, нельзя художественную систему истории литературы (поэтики) полностью распространять на литературный язык и функциональные стили. Если в силу необходимости языковой стиль все же носит название того или иного жанра или формы, то эти относительность и условность не должны быть забыты, ибо, хотя некоторые языковые элементы по требованию литературного жанра либо формы и превращаются в отличные от них элементы и даже создают микросистему, это свойство, выдаваемое за «стиль», не поднимает до уровня функционального стиля явление столь лингвистическое, сколь и литературное, имеющее эстетический и психологический характер. Например, если в газели какие-то языковые средства служат одним, а в гошме другим эстетическим либо эмотивным целям, то это не значит, что мы имеем дело с различными языковыми стилями, так как подобные процессы, протекающие в жанрах и формах, не выходят за сферу художественного стиля. Значит, при определении стиля в художественном типе литературного языка необходимо путем обобщения выявить, образуют ли в различных жанрах и формах средства языка в виде стилеобразных элементов определенные системы, превращаются ли они в направления, влияющие на развитие литературного языка. В той или иной области деятельности языковые факторы проявляют себя в качестве признаков различных стилей. Однако если эти признаки, объединившись, не составляют внутри литературного языка двух или более оппозиционных систем, то в этом случае трудно говорить о наличии отличающихся друг от друга самостоятельных функциональных стилей. По нашему мнению, именно эти вопросы ока-

зались недостаточно учтенными А. Демирчизаде. Вот что он пишет о стилях, исторически присущих азербайджанскому языку: «Если в XIII—XIV вв. азербайджанский литературный язык охватывал 2 направления в стиле (стили религиозной и светской литературы), то в XV—XVIII вв. письменный литературный язык охватывает в основном четыре стиля: 1. Стиль классического стиха (поэзии) — стиль произведений типа газели, месневи и т. д. 2. Высокий стиль (касыда, на'т, минаджат, проза с „саджем“ и т. д.). 3. Стиль стиха религиозно-пропагандистского (стиль „нафас“, „бахариййа“). 4. Научный стиль. В XVIII в. и начале XIX в. к этим стилям прибавился и оформившийся стиль письменного литературного языка „гошма“» [15. С. 37].

Хотя в этой классификации и чувствуется тенденция к обобщению, тем не менее, по существу, в ней основными атрибутами языковых стилей являются литературоведческие понятия (жанр, форма и др.) и поэтические термины. Слово «стиль», потеряв научный объем и смысл, воспринимается как обычное общепотребительное слово. Подобная классификация стилей литературного языка не может быть приемлема по следующим причинам:

1. В выражении «религиозное и светское направления литературных стилей» стиль характеризуется только по художественно-социальному смыслу и идейно. Между тем и в религиозной и в светской литературе можно указать на различные художественные виды, жанры и формы.

2. В отдельных произведениях типа месневи и газели, относящихся к классической поэзии, употреблялись гитъэ, мухаммас, таркиббанд, тарджибанд и др.

3. Товхид, фахриййа и письма также писались в «высоком стиле».

4. Непонятно, на каком основании бахариййа относится к религиозно-пропагандистской поэзии.

5. Утверждается, что стиль гошма сформировался в XVIII—нач. XIX в., тогда как в устном литературном языке эта форма стиха достигла совершенства уже в XV—XVII вв., — гошма ашугов Гурбани и Аббаса не отставала от гошмы Вагифа, Видади и Закира. Неясно, к какому стилю относятся герайлы, баяты.

6. Крупнообъемные прозаические переводные произведения остаются вне представляемых стилей.

Наша классификация стилей XVI в. основана на классификации А. Демирчизаде, правда, с определенными отступлениями от традиций. По нашему мнению, литературный язык XVI в. охватывает пять стилей: 1 — классической поэзии; 2 — народной поэзии; 3 — высокий; 4 — религиозно-пропагандистской прозы и поэзии; 5 — научный [17. С. 12]. Позднейшие исследования показали, что подобная классификация стилей не дает точного отражения подлинного состояния (по количеству и с точки зрения терминологии) функциональных стилей в то время [19. С. 123—124].

А. Демирчизаде позднее высказал ряд новых, причем не соответствующих друг другу суждений: «На первом этапе периода (XII—начала XV в.) азербайджанский письменный литературный язык в основном имел только один художественный стиль с двумя разновидностями: а) стиль любовной поэзии; б) стиль духовно-мистической поэзии. На втором этапе (XV—XVIII вв.) художественный стиль складывается в основном из следующих разновидностей: а) слог любовной поэзии; б) слог любовного повествования; в) высокий поэтический слог; г) слог религиозной поэзии; д) слог рифмованной прозы. В это время

оформляется своеобразный официально-юридический стиль с двумя разновидностями: а) летописно-хроникальный слог; б) научно-учебный слог» [20. С. 257].

Автор зарождение азербайджанского письменного литературного языка почему-то датирует XII в. и считает, что на первой стадии развития литературный язык имел один стиль (художественный) с вариантами: «стиль ашугской поэзии», «религиозно-мистический», «поэтический». Напрашивается вопрос: если эти стили были присущи письменному литературному языку, то каковы были стили азербайджанской письменной поэзии на той же стадии? Основное возражение вызывает то, что письменный литературный язык представляется как порождение одного стиля. Отождествление же категорий «народный язык» и «литературный язык» создает впечатление о «действующем в письменной форме народном языке».

Представление письменного литературного языка в качестве единственного стиля противоречит исторической и лингвистической сущности функциональной стилизации литературного и письменного языков. Чтобы можно было говорить о функциональном стиле в литературном языке, общенародный язык должен либо в устной, либо в письменной, либо параллельно в обеих формах по требованию и под воздействием экстралингвистических факторов использоваться и специализироваться минимум в двух значительных областях общественной жизни и быть ясно «осознан» (В. В. Виноградов) общающимися на том языке в качестве противостоящих систем признаков.

Горячо защищающий в своих работах идею о предшествовании устного литературного языка письменному, А. Демирчизаде в приведенных выше суждениях о стилях как бы обходит стороной роль устной формы литературного языка. Поэтому как на первой стадии (до начала XV в.), так и на последующей (XV—XVIII вв.) при определении стилей за основу берутся направления литературно-художественного творчества и почерки, варианты стиля, такие, как «любовная поэзия», «любовный пересказ», «высокий поэтический стиль», «религиозная поэзия», «рифмованная проза», по существу, не выходящие за пределы художественного мышления, и отличающиеся оттенками эмоциональности и экспрессивности ответвления литературного стиля. Как мы уже отметили, если эти особенности считать критерием, то можно говорить о стольких различных стилях, сколько видов, жанров, форм имеет творческий процесс (классическая литература и фольклор), выражающий литературно-общественную мысль средневекового Азербайджана. Если для выявления языкового стиля указанных признаков вполне достаточно, то наше современное языкознание в отношении к проблеме стиля не продвинулось дальше средневековых научных представлений, ибо и Физули в предисловии к своим «Диванам» сознательно употреблял носящие характер термина такие выражения, как «стиль газели», «стиль месневи», «наука о муамма», «форма касыды». Говоря о газели, Физули подчеркивал, что «в стиле газели сокрытие содержания, непонятные слова ни в ком не вызовут волнения... у газели свой, присущий ей язык и определенный мир слога». О касыде поэт пишет так: «В действительности касыда — это арена скрытых выражений и обитель твердых смыслов» [21. С. 87].

Свободно обращаясь со стилями литературного языка и их названиями, А. Демирчизаде допускает ряд неточностей. Считая, что на начальной стадии формировались стили классической поэзии — газели и «религиозно-пропагандистской поэзии» [16. С. 156—158], он, говоря о языке Насими, пишет: «Язык его произведений связан в основном с

художественным стилем. Однако часть этих произведений с точки зрения содержания более связана с *религиозно-философским стилем*... Как известно, религиозно-философский стиль связан с цепью научных и общественно-политических стилей» (курсив наш.—С. А.) [16. С. 156—158]. Однако понять по этим суждениям, о чем идет речь — о стиле литературного языка или литературном творчестве, весьма трудно. Если автор под «цепью научных и общественно-политических стилей» подразумевает единый «научный стиль», то этот «стиль» на начальном этапе должен был занять свое место среди остальных стилей литературного языка, тогда как по логике такого (художественного) творческого стиля нет. В разделе «Этап Хатаи—Физули», касаясь вопросов литературного языка XVI в., А. Демирчизаде для характеристики стилей использует тавтологические и перекрещивающиеся выражения-термины: «классическая поэзия — стиль месневи», «художественный стиль литературного языка», «стиль поэтического описания и пересказа», «классическая поэзия — стиль газели», «стиль, присущий крупным художественным произведениям», «направление художественного стиля в поэме—месневи», «басенная ветвь художественного стиля» и т. д. [16. С. 170—171, 199, 202]. Последние в литературном языке в связи с наличием функционального стиля лишены определенности.

Причина такого разнообразия терминов, с одной стороны, объясняется смещением границ литературного стиля и стиля литературного языка, а с другой — тем, что в функциональном стиле не приняты во внимание гармоничность и единство двух важных условий — внеязыкового (сфера и цель употребления языка) и внутриязыкового (стилистическая дифференциация языковых единиц). Л. Г. Барлас прав, утверждая, что «при характеристике функциональных стилей недостаточен учет только экстралингвистических факторов (например, сферы общения), как недостаточен учет только языковых факторов (например, стилистически окрашенных средств). *Необходимо учитывать и то, и другое*» (курсив наш.—С. А.) [22. С. 44]. Здесь уместно еще раз обратиться к широко распространенной в советском языкознании классификации стилей В. В. Виноградова.

В. В. Виноградов в целом стили языка определяет на основе трех важнейших социальных функций последнего: «При выделении таких важнейших общественных функций языка, как общение, сообщение и воздействие, могли быть в общем плане структуры языка разграничены такие стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)» [2. С. 6].

В рассмотренной классификации привлекает внимание прежде всего соединение в одной конкретной функции языка двух, а иногда и трех стилей, иными словами, язык каждую из своих социальных функций выполняет посредством двух или трех стилей. Об этом нельзя забывать как при объяснении сущности языкового стиля, так и при классификации стилей. Подтвердим свою мысль фактами из истории азербайджанского литературного языка XVI в.

В средние века, в частности в XVI, азербайджанский литературный язык по природе своей был синкретичным, т. е. и письменным, и литературным, и художественным; причем представлен он был как в письменной, так и в устной форме. Письменный литературный язык свои общественные функции выполнял аналитическим образом. Так, язык и Хатаи и Физули был средством не только непосредственного (письмен-

ного) общения с широкими народными массами, но и их интеллектуально-нравственного и эстетического воспитания (нетрудно представить и устную речь таких образованных личностей, как Хатаи и Физули). В переписке Сефевидских правителей политико-дипломатического содержания мысль облекалась в художественную форму, передавалась изобразительными средствами, свойственными художественному языку. Считалось, что в реализации изложенных мыслей максимальность эстетическо-эмотивных качеств художественного стиля более действенна, нежели объективные социально-исторические факторы.

Богатство и пестрота процессов, происходящих в общественной жизни Азербайджана XVI в., требовали употребимости общенародного языка в различных областях социальной деятельности: язык нашел путь и во дворец, и в армию, на нем велась личная и официальная (дипломатическая) переписка: классическая письменная литература, искусство перевода и фольклор как по объему охвата и идейному содержанию, так и по богатству поэтической структуры поднялись на невиданную высоту; создавались научные (оригинальные и переводные) произведения и т. д. Однако при этом совершенно необязательно, чтобы количество стилей литературного языка соответствовало количеству перечисленных областей. К сожалению, в азербайджанском историческом языкознании долгое время господствовало именно такое мнение. Почему-то не принимался во внимание тот факт, что если известные азербайджанские ученые и писатели (Хатиб Тебризи, Низами, Хагани, Махмуд Шабустари, Насирэддин Туси, Сафиаддин Урмави, Абдул Кадир Мараги и др.) свои научные и художественные произведения создавали на арабском и персидском языках, то, значит, научное и художественное мышление народа не только на родном, но и на арабском и персидском языках стало традицией, т. е. экстралингвистические факторы (здесь различные сферы, где может использоваться литературный язык) опережали внутриязыковые процессы (структурные изменения в системе языка и стилистическую дифференциацию). Именно поэтому в азербайджанском литературном языке XVI в., несмотря на ясное ощущение разветвления на фоне стиля, можно говорить только о двух функциональных стилях. Для того, чтобы в истории азербайджанского литературного языка произошло формирование стиля официальной переписки и науки, вне- и внутриязыковые факторы должны были обрести гармоничное единство, т. е. для формирования национального литературного языка необходимы были еще два-три столетия.

Два стиля, которые мы определили для XVI в., по объему и содержанию соответствуют стилям, которые Т. И. Гаджиев считает характерными для XV—XVI вв., — классическому (книжному) стилю и разговорно-фольклорному [20. С. 124]. Однако, на наш взгляд, более целесообразно называть эти стили классическим и разговорным. Под первым подразумевается классический письменный язык, под вторым — стиль общенародного разговорного языка. В то же время, исследуя нормы литературного языка, мы условно пользуемся и такими терминами, как «стиль классической поэзии» и «стиль народной поэзии». Классическая и народная поэзия — это в литературном языке XVI в. внутрестилевые направления, хотя одно из них — ядро классического, другое — разговорного стиля; использование этих терминов должно помочь выявлению и разъяснению в художественном языке специфических направлений: обеспечения либо нарушения нормативности; при этом они не должны быть поняты как самостоятельный функциональный стиль литературного языка.

Классический стиль в тюркских языках появился как минимум в

середине I тысячелетия; это был язык орхоно-енисейских надписей, письменный язык, запечатленный в каменных и деревянных таблицах, в многочисленных переплетенных и непереpletенных огузо-уйгурских книгах; это был принятый официально при Караханидах и названный в тюркологии «тюрки» — общий письменный язык. Со временем он превратился в образец письменного литературного языка. Свою культурно-историческую роль сыграли и разговорные языки тюркских племен и народов, которые действовали как выразители художественного мышления. Так был создан тип народного литературного языка.

Наиболее ценные памятники тюркских народов, такие, как «Манас», «Китаби Деде Коркуд», «Алламыш», и «Маадай-Кара» были созданы известными мастерами слова, в совершенстве овладевшими литературным языком народного типа. (Позже, например, в XV—XVIII вв., в азербайджанском литературном языке разговорный стиль олицетворял письменный статус «литературного языка народного типа»).

Начиная с X—XI вв. некоторые тюркские языки выступают как народные или как литературные языки, обретая свой самостоятельный путь развития. Появление дифференциальных (локальных) признаков в письменном литературном языке, формирующемся на основе общенародного языка, было результатом влияния на него наиболее глубоких пластов живого разговорного языка. Однако в этот период письменный язык, который может быть представлен как «верхний слой», пока не касался своего предшественника — общетюркского языка «тюрки»; находясь под его влиянием и сохраняя его лексико-грамматические клише, он создавал объективные условия для их употребления. Именно этим объясняется употребление в азербайджанском письменном языке периода до XVIII в. многих архаизмов, привлекавших внимание в качестве отживших свой век поэтизмов, и традиционных выражений, употребившихся сообразно этикету и превратившихся в штамп.

Разговорный стиль литературного языка явился результатом попыток волюн или произвольно-интуитивно перевести живой разговорный язык в язык письменный и обратить особенности языка фольклора в нормы письменного языка.

Какой из названных стилей занимал в XVI в. доминирующую позицию, судить трудно. Решающим в этом деле является критерий подхода к литературному языку. Так, если бы литературный язык изучался только как система художественного языка, то на примере языка Физули превалировал бы классический стиль, а на примере поэтического наследия ашуга Гурбани — разговорный.

Истина заключается в том, что классический и разговорный стили, если не принимать во внимание незначительное различие в их соотношении, характеризуются синтетизмом, т. е. каждый использует элементы другого. Если это и создает какую-то путаницу, то она выступает проявлением взаимообогащения и равноправного служения этих стилей литературному языку. В литературном языке XVI в. мы встречаемся с перекрещиванием стилей в одном и том же памятнике; разные стилевые линии в языке одного произведения наблюдались в свое время также в научной литературе [17. С. 15]; данная мысль была подтверждена и более поздними исследованиями [19. С. 124; 16. С. 210—212].

По многообразию и богатству материалов письменного языка XVI век стоит выше всех остальных стадий развития азербайджанского литературного языка вплоть до XIX в. Письменные источники этого периода явно различаются по стилистической принадлежности. Например, произведения, написанные в различных жанрах и формах литературы «Дивана», личная и официальная переписка, оригинальные научные

произведения (вступления) и другие охватывались классическим стилем, образцы фольклора, произведения, написанные в форме ашугской поэзии, переводные прозаические произведения и т. д. относились к разговорному стилю. Несомненно, в некоторых источниках наблюдается синтез обоих стилей; к их числу относятся аллегорические произведения, мураббе, «Хадис-арбеин» и «Хадигатус суада» Физули, гошма, герайлы и поэма «Дех-наме» Хатаи.

В арсенале литературного языка века имеются такие факты, которые, будучи охвачены письменным языком, не могут представлять собой лексико-грамматическую нормативность. С подобными явлениями, идущими от дословного перевода (калькирования) и просторечия, мы встречаемся в переводах Нишати и Хызра бин Абдулхади Бавазиджи «Кавамилутта бир» и др.

Орфографическая основа обоих отмеченных стилей XVI в. едина, они обладают общими чертами, без изменений воспринятыми от общенародного языка и обращенными в литературную норму. Наряду с этим, каждый из стилей обладает специфическими чертами.

Некоторые признаки, обусловившие самостоятельность классического стиля, его отличие от стиля разговорного

1. В языке классической поэзии не только в арабских и персидских словах, но по требованию размера аруза и в исконно тюркских словах: а) появление долготы гласных (поэтическая долгота); б) замена широких гласных узкими.

2. Использование незначительных фонетических явлений (ассимиляции, диссимиляции, протезы, выпадения звука), характерных для разговорного языка.

3. Употребление некоторых односложных корневых морфем в результате поэтической «фузии» в следующем виде: кей (вместо ки и ей), кол (вместо ки и ол), вэр (вместо вэ и экар) и т. д.

4. Относительное превалирование арабских и персидских слов.

5. Заимствование терминологической лексики в основном из арабского и персидского языков.

6. Широкое употребление полисемантических национальных слов и фразеологизмов.

7. Сохранение поэтизмов, традиционных эпитетов и архаизмов, т. е. наличие консерватизма, присущего старому письменному языку.

8. Медленный процесс словообразования. Ограниченное употребление в индивидуальном языковом стиле новых слов, образованных морфологическим либо синтаксическим путем.

9. Почти полное отсутствие диалектизмов.

10. Использование аффиксов, присущих старому письменному языку, в некоторых грамматических категориях (падеж, сказуемое, наклонение и время).

11. Продолжающееся заимствование из языка «тюрки» некоторых местоимений (возвратных, указательных и вопросительных) и вспомогательных частей речи.

12. Повышение интенсивности употребления изафетных конструкций из двух и более слов; превращение их в норму письменного языка обуславливает коммуникативную сложность.

13. Употребление некоторых изафетных конструкций, имеющих лексический характер, в качестве религиозно-философских терминов.

14. Изобилие восклицательных предложений, ощущение крайне высокой интонации в обращениях, выражающих ложные эмоции в

богословской литературе, в языке писем и оригинальных научных произведений.

15. В синтаксисе сложных предложений: активизация единиц, сформированных с помощью союзов арабского и персидского происхождения.

16. Широкое включение под влиянием типологии персидского языка определительных придаточных сложноподчиненных предложений в главное предложение.

17. Высокий уровень развития сложных предложений, в том числе смешанного типа, и т. д.

Основные признаки разговорного стиля

1. Отсутствие первичной долготы гласного в словах тюркского происхождения, появление долготы гласного в аффиксальных морфемах в результате выпадения слогов; постоянная небная гармония.

2. Часто наблюдающиеся фонетические явления.

3. Преобладание общеупотребительных единиц, репрезентирующих лексикон народного разговорного языка (тюркский слой) и бытовые слова. Создание благодаря этой черте в литературном языке лексико-семантической ясности; перечисление средств описания и выражения.

4. Употребление диалектизмов и элементов просторечия.

5. Невозможность подняться до уровня классического стиля из-за отсутствия необходимой с точки зрения письменного языка отточенности полисемантических слов, фразеологизмов, а также богатой энергии, присущей общенародному языку.

6. Стремление отказаться от слов арабского и персидского происхождения.

7. Относительная активность словообразования, осуществляющегося в основном на уровне общенародного языка.

8. Орфографическо-фонетическая многовариантность, параллелизм синонимичных форм аффиксов в грамматических категориях; отдельные случаи нарушения нормативности в плане формы и содержания.

9. Наличие определенных словосочетаний, свойственных тюркским языкам; случайность изафетных конструкций, которые употребляются как художественные штампы, выполняющие эстетические функции.

10. Количественное превалирование простых предложений.

11. Интенсивное использование элементов устной речи в синтаксисе простого предложения; нарушение в ряде случаев с точки зрения литературных норм порядка слов, связей примыкания и управления.

12. Решающая роль подчинительной интонации в построении сложноподчиненных предложений.

Какова связь между функциональным языковым стилем и литературной нормой? Безусловно, органическая, но довольно относительная. Истоком нормы является устоявшийся стиль. Господствующий и мощный индивидуальный языковой стиль благодаря глубокому овладению его создателем лексическими и грамматическими возможностями языка порождает школу стиля в литературном языке. Нормативность в устно-разговорной либо литературной речи, беря начало от стилевого разграничения, развивается и оттачивается. Органичность — непосредственная связь между стилем языка и нормативностью — обязательна. Неслучайно Физули и Хатаи, создавая «тахмисы» на газели Навои, использовали не только индивидуальный стиль письма великого узбекского поэта, но и ряд особенностей чагатайского языка.

Относительность межстилевой нормативности, а также нормативности между устной и письменной формами литературного языка про-

является в том, что особенность, являющаяся нормой для одной, в другой выходит за ее пределы.

Только те особенность, форма, закон и правило являются нормой, которые объединяют в равновесие два или более функциональных стиля. Эта норма кажется всем естественной и верной, все ее принимают и подтверждают.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ По акад. В. В. Виноградову, функциональный стиль литературного языка — «это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка соотносительно с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [2. С. 19].

² Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

³ Демирчизаде Э. Азербайжан дилинин услубијаты. Баку, 1962.

⁴ Мәхәррамов А. Азербайжан әдәби дилинин совет дөврү. Баку, 1961.

⁵ Гурбанов А. Мүасир Азербайжан әдәби дили. Баку, 1968.

⁶ Он же. Мүасир Азербайжан әдәби дили. Баку, 1985.

⁷ Бағыров Э. Әдәби дилин услублары һағында. Баку, 1967.

⁸ Азербайжан бәди дилинин услубијаты: (очеркләр). Баку: Елм, 1970.

⁹ Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М.: Высш. шк., 1981.

¹⁰ Әфәндијева Т. Азербайжан дилинин лексик услубијаты. Баку, 1980.

¹¹ Ефимов А. И. Об изучении языка художественного произведения. М., 1952.

¹² Мурат В. П. Об основных проблемах стилистики. М., 1957.

¹³ Гвоздев А. И. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952.

¹⁴ Степанов Г. В. Основные понятия стилистики. М., 1966.

¹⁵ Демирчизаде Э. Азербайжан әдәби дилинин инкишаф јоллары. Баку, 1958.

¹⁶ Он же. Азербайжан әдәби дилинин тарихи. Баку: Маариф, 1979. I һ.

¹⁷ Әлизаде С. XVI әср Азербайжан әдәби дили. Баку, 1966.

¹⁸ Азербайжан әдәби дили тарихи: (совет дөврү). Баку: Елм, 1982. 3 ч.

¹⁹ Һачыјев Т. Азербайжан әдәби дили тарихи. Баку, 1976.

²⁰ Демирчизаде А. М. О периодизации истории азербайджанского литературного языка // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971.

²¹ Сејидов Ј., Әлизаде С. Классик Азербайжан шаирләри сөз һағында. Баку: Кәһчлик, 1977.

²² Барлас Л. Г. Русский язык: Стилистика. М.: Просвещение, 1978.

Н А С Л Е Д И Е

ТАДЕУШ КОВАЛЬСКИЙ

К ВОПРОСАМ ФОРМАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЭЗИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Настоящее исследование представляет собой составную часть обширной монографии, охватывающей весь комплекс вопросов, относящихся к формам народного стихосложения. Прежде всего, я постараюсь определить главные особенности самобытной версификации и показать затем, как она видоизменяется у каждого из народов.

Сборники современного тюркского фольклора (сост. Радлов, Кунош, Балинт, Лекок и др.) послужили основой для настоящего исследования.

В первой главе этой работы рассматриваются методологические вопросы, выделяются характерные черты турецкой поэзии. Во второй главе исследуются их формирование и развитие в соответствующих лингвистических условиях и в русле существовавших стилистических и поэтических традиций. В четырех последующих главах содержатся описание и детальный анализ поэтических форм, используемых четырьмя народностями, обитающими почти на границах всего тюркского ареала, — турками-османами, казанскими татарами, тюрками из Турфана в китайском Туркестане и, наконец, тюркскими племенами, живущими на Алтае и прилегающих к нему территориях.

ГЛАВА I (с. 5—40)

Труды, посвященные формам тюркского народного стихосложения, весьма немногочисленны. Это трактат Т. Корша «Древнейший народный стих турецких племенъ» (Записки Восточного отделения Импер. Рус. арх. о-ва: XIX, II—III, с. 139—167, С.-Петербург, 1909), статья В. Радлова в Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft IV 85—114, Berlin, 1866, назв. Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren, работа Б. Фабо «Ритм и мелодия турецкого стиха» в Kelefi Szemle VII (1906), относящаяся только к османским песням, небольшая статья, посвященная стихам, в *تورك ادبياتى تاريخى* турецкого ученого Кёпрюлю-заде Мехмет Фуата (Константинополь, 1920) и, кроме этого, отдельные замечания в различных работах Куноша, Радлова и других, в частности в предисловиях к сборникам народных текстов. Трактаты, посвященные формам, которые приняла у тюрков персидско-арабская метрика, рассматриваются здесь нами лишь как имеющие косвенное отношение к предмету.

После краткой характеристики стран, где поселились тюрки, их миграций, значения их культуры и в особенности влияния, оказанного

народным искусством и литературой на соседние народы, мы переходим к собственно определению целей работы. Наша задача состоит в том, чтобы решить следующие четыре проблемы: 1 — создали ли тюркские народы свой собственный принцип версификации, и если да, то каковы основные его черты; 2 — как объяснить их возникновение и развитие, т. е. каким образом они связаны с лингвистическими особенностями тюркских языков (фонетическими, морфологическими и синтаксическими), а также с укладом жизни и обычаями этих народов; 3 — каким изменениям подвергается этот общий принцип версификации у той или иной народности; 4 — как соотносится между собой характерные особенности чисто тюркской поэзии и принципы персидско-арабского стихосложения, каково, наконец, их взаимное влияние.

При решении этих задач, в особенности первой, я стремился использовать сравнительный метод. Систематически сравнивая формы стиха, подобранные по жанру, распространенные у современных тюркских народов, мне удалось выявить общие для всех них черты и отделить их от черт, присущих той или иной группе, более или менее многочисленной. Первые — это комплекс наиболее характерных особенностей, которые необходимо рассматривать как основу тюркской версификации, несомненно, восходящую к глубокой древности.

Простое сравнение рассматриваемых явлений у современных тюркских народов позволяет, при известной осторожности, идти от настоящего к прошлому. Это подтверждается наличием основных черт современного стихосложения в древнетюркских поэтических памятниках. Среди них можно назвать образцы поэзии, богато представленные в *Divanü lügat-it türk*, составленном Махмудом б-ал-Хуссейном аль-Кашгари в 466=1073 гг., великолепные стихотворные вставки из *Codex cumanicus* (1303 г.), народные ритмизованные произведения первых тюркских мистиков, например, Ахмеда Йасави (ум. в 562=1166/7), хотя „Диван-и Хикмет“, приписываемый ему, вероятно, был основательно переписан в более позднее время; см.: Кёпрюлю-заде Мехмет Фуат.

تورك ادبياتنده ايلك منصو فلى

а также и Юнус Эмре (XIII в. н. э., см.: Кёпрюлю-заде. *Op. cit.* § 45). Напротив, так называемые народные стихи в орхонских памятниках, а именно в заключительной части надписи Кюль-Тегина (см.: Томсен. *Расшифрованные Орхонские надписи*, с. 120 ИСЭ), открытые якобы Коршем, а затем турецкими учеными Зеки Велиди, Кёпрюлю-заде Мехмет Фуатом, кажутся нам весьма сомнительными.

Учитывая невозможность детального изучения всего обширного тюркского ареала, я счел возможным ограничиться, в порядке эксперимента, пока четырьмя вышеназванными территориями. Главы III—VI содержат подробный анализ распространенных там поэтических форм. Общие результаты, напротив, были выделены и приведены отдельно как попытка решения первой из сформулированных выше фундаментальных проблем.

Считаю основными, присущими изначальной форме тюркского стиха и общими для всех языков этой семьи следующие черты: 1 — ритмическая ударно-силлабическая система (силлабо-тоническая метрика); 2 — строфическая структура; 3 — рифма; 4 — аллитерация. Все эти четыре особенности сводятся к дихотомической структуре тюркской строфы, т. е. ее простейшей форме. Именно этому посвящена вторая глава.

Под силлабо-тонической системой мы понимаем принцип расчленения стихотворного произведения определенного размера (по количеству слогов), а стиха — на части, исходя из определенного количества слогов. То, что эти две тенденции до некоторой степени сочетаются, происходит

вследствие того, что в тюркских языках локализация ударения весьма схематична. Безусловно, существуют произведения, структура которых кажется основанной на чистом силлабизме, со стихами, лишенными постоянной цезуры, и с четким вспомогательным ритмом, и тем не менее у этих стихов всегда есть характерный финал $\angle - \angle$ (где $\angle$ обозначает относительно сильный слог, а $-$ относительно слабый). Не считая этого, вышеупомянутый тип является скорее исключением. Большинство стихов подчиняется правилу, определенному не только для длины стиха, но и требующему подчинения его внутренней структуры неизменной норме. В тюркском стихосложении количество слогов не играет никакой роли.

В ритмических сегментах, границы которых, как правило, совпадают с границами слов, требуется словоударение. Так, прочитанное вслух стихотворение с нормально расставленными ударениями выявляет его ритмическую структуру. Нормальное ударение часто перемещается, легко переходя в энклитику. Кроме того, в поэзии еще больше, чем в прозе, и это особенно чувствуется, существует ритмическое ударение, выражаемое некоторым колебанием голоса с упором на слоги.

Таким образом, ритм тюркского стиха бывает то восходящим (т. е. ямба), то нисходящим (трохей). После главной цезуры ритм иногда меняется с восходящего на нисходящий. Характерными являются концевые сегменты стиха, в большинстве своем трехсложные, реже — состоящие из четырех или пяти слогов.

Наиболее распространенный размер — гептасиллабический, который Корш не без основания рассматривал как один из наиболее древних размеров, восходящих к эпохе общности. К древнейшим временам восходят также восьми- и одиннадцатисложные стихи, распространенные на всей тюркоязычной территории. Что касается последнего размера, то есть основания сомневаться, является ли он исконно тюркским по происхождению или возник под влиянием одиннадцатисложных персидско-арабских размеров. Вместе с тем сравнение сути этих двух явлений говорит в пользу исконного происхождения. Аналогия с персидско-арабскими размерами, состоящая только в одинаковом количестве слогов при различной внутренней структуре, возможно, побудила тюрков к использованию собственного одиннадцатисложного размера в подражаниях персидской поэзии. Такие подражания имеют различные степени. В крайних случаях авторы шли на замену всей ритмической структуры, стремясь заместить ударно-силлабический принцип количественным. Средние варианты встречаются в таких произведениях, как «Сельджукские стихи» из «Ребаб-наме» Султана Веледа (1226—1312), а также в части «Ферах-наме» Ибн Хатиба (829—1425/6), опубликованных М. Неметом в *Le Monde Oriental* XIII (1919).

Другая непременная черта тюркской версификации — это строфическая структура. Необходимо подчеркнуть, что самым древним видом строфы был дистих — непосредственный результат дихотомической структуры поэтических фраз. Архаические по характеру сочинения, такие, как пословицы, загадки, стихи, посвященные животным, шаманские заклинания и магические формулы, имеют, как правило, форму двустишия.

Двустиие развивалось путем дихотомического деления двух частей на четыре и превращения в четверостишие, ставшее сегодня основной формой тюркской строфы. Простейшее расположение рифм в четверостишии следующее: а в с в, и это убедительно свидетельствует о его происхождении из двустиия. В процессе его эволюции возникают

новые формы: а а в а, распространенная на юго-западе (у османских турков) и а в а в, распространенная на северо-востоке (особенно у алтайских народов). Из тетрастиха типа а а в а мог возникнуть, путем удаления нерифмованного стиха (возможно, под влиянием единой рифмы газели), терцет, столь распространенный в народной османской поэзии. Более короткие размеры (по 9 слогов), как правило, объединяются в строфы из четырех стихов, более длинные (больше 9 слогов) — в строфы из трех стихов. У тюркских народов мы не встречали ни завершенных строф, насчитывающих более четырех стихов, ни строф, состоящих из стихов отчетливо неравной длины.

Рифма—это, по сути дела, механическое следствие дихотомической структуры. Две фразы, входящие в примитивную композицию каждой строфы народной поэзии благодаря параллелизму синтаксической структуры, соблюдаемому весьма педантично, — два ряда параллельных грамматических форм, идентично сгруппированных. В результате как в середине, так и в конце стиха возникают рифмы, естественно, грамматические благодаря идентичности суффиксов. Лингвистические и конструктивные особенности тюркской поэзии избавляют от поисков рифмы, напротив, избежать ее довольно трудно. Констатация такого положения убедительно доказывает автохтонность тюркской рифмы, впрочем, одной из самых примитивных. Со временем случайные рифмы невольно совершенствуются, что проявляется в основном во включении в рифму конечных звуков тематического слога, в то время как этот слог не принимает никакого участия в изначальной рифме. Возможно, это усовершенствование рифмы и одновременное ослабление значения аллитерации является следованием образцам персидско-арабской поэзии с развитыми рифмами и без аллитерации. Подтверждением этому может служить поэзия тюркских племен, мало или вовсе не подвергавшихся влиянию мусульманской цивилизации, например, алтайских народов, в языках которых самые примитивные формы берут верх над хорошо развитыми аллитерированными формами.

Сам факт установления автохтонности и древности рифмы у тюркских народов имеет большое значение для всей истории рифмованной поэзии. Тем самым мы констатируем, что еще до того, как рифма получила распространение в европейской поэзии, в Азии, причем за пределами и независимо от арабских стран, уже существовал источник рифмованной поэзии. В незаконченной еще дискуссии о происхождении рифмы в Европе, т. е. византийской и латинской постклассической рифм, необходимо также учитывать тюркскую рифму (по другим аналогиям ее связывают с некоторыми явлениями западной поэзии, например, ударно-силлабическим принципом версификации, выделением первых букв при помощи акростиha, использованием дистиха для создания структуры), сторонники ее восточного происхождения принимали во внимание до сих пор лишь семитскую рифму. Углубленное изучение древних тюркско-византийских связей, возможно, будет способствовать прояснению этой проблемы.

Народная тюркская поэзия обладает наряду с рифмой и другой яркой ритмической формой—аллитерацией. Она имеет два аспекта: 1 — идентичность одного (если это гласный) или двух первых звуков (начальный согласный + следующий гласный) соседних или соответствующих в строфе стихов — строфическая аллитерация, т. е. стихов между собой; 2 — идентичность одних и тех же элементов в словах или ритмических частях стиха — аллитерация слов между собой. Хотя, быть может, большинство современных тюркских народов не рассматривает аллитерацию как неперемнную черту поэтического языка, несмотря на то,

что охотно к ней прибегает как к дополнительному обрамлению стиха, и несмотря на то также, что в древних поэтических памятниках встречается аналогичная ситуация; мы тем не менее склонны рассматривать ее как одну из неотъемлемых самобытных черт тюркской поэзии. Аллитерация — это яркая и естественная разновидность ритма, используемая народами, говорящими на агглютинирующем языке, поскольку на таком языке тема воспринимается слушателем прежде всего в начале речи, свободном и неизменном, а не в конце, несколько стертом благодаря целому ряду суффиксов и претерпевающем различные фонетические изменения. Мы видим, что тюркские народы в очень малой степени или вообще не подверженные мусульманскому литературному влиянию (особенно верно это в отношении народов, сохранивших свой национальный эпос) пользуются регулярной аллитерацией. Мы находим ее также в образцах куманской народной поэзии, что было отмечено еще Бангом в трактате о загадках *Codex samanicus*. У тюрков, находившихся под сильным влиянием мусульманской цивилизации, напротив, регулярная аллитерация ослабляется. Это явление всегда сопровождается совершенствованием рифмы, и можно предположить, что, как правило, чем примитивнее рифма, тем безупречнее аллитерация, и наоборот. Таким образом, мы наблюдаем перемещение центра тяжести с начала к концу слова, ритмического сегмента, наконец, стиха. Возможно, эта тенденция первоначально выражалась в перемещении главного ударения с тематического слога (в общетюркском языке) к концу слов (см.: Корш. Древнѣйшій стихъ).

В конце третьей главы (с. 30—40) рассматриваются взаимоотношения особенностей тюркской народной поэзии с основами персидско-арабского стихосложения. Сравнительный анализ этих двух категорий свидетельствует об их коренных различиях.

Персидская и арабская поэзия, а мы говорим только о классической поэзии, не знала ни строф, ни аллитераций. Ее ритмический принцип — количественный, т. е. абсолютно отличный от тюркского ударно-силлабического. Наконец, арабская рифма, принятая также и персами, полностью отличается в своих основных проявлениях от тюркской рифмы. Таким образом, мы имеем дело с двумя комплексами совершенно отличающихся друг от друга и независимых особенностей. С течением времени эти две группы вступили во взаимодействие (по мере того, как большинство тюркских народов было вовлечено в сферу исламской культуры) и начали оказывать влияние друг на друга.

Вначале принцип тюркской версификации оказывал решительное сопротивление персидско-арабскому давлению, обусловленному более развитой культурой.

Мистическая поэзия в Турции еще долгое время использовала форму народного стиха. В то же время персидско-арабские формы стихосложения стали вытеснять тюркские народные формы в поэзии образованных классов. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить народную поэзию, возникшую в регионах, отдаленных от мусульманского влияния, с произведениями, созданными тюрками, уже давно принявшими ислам.

Вместе с тем можно задаться вопросом, существовало ли обратное влияние тюркских поэтических форм на персидское и арабское поэтическое творчество? Здесь мы позволим себе выдвинуть собственную гипотезу: персидское *гибаи*, происхождение которого до сих пор неясно, могло развиваться под влиянием тюркской народной поэзии, состоявшей в основном из четверостиший. **Рубаи** — это исключительное явление в

персидской поэзий, причем в двух аспектах. Во-первых, оно состоит из четко определенного количества стихов, обладая всеми другими особенностями строфы, в отличие от всей остальной астрофической поэзии (*газель, касыда, месневи*). Во-вторых, только **рубаи** обладает особенным персидским размером, в то время как все остальные размеры — арабского происхождения (естественно, с некоторыми видоизменениями). Если предположить, что колыбелью персидской литературы были Хорасан и Трансоксания, где в течение многих веков наблюдалось взаимопроникновение иранского и тюркского ее элементов, то можно допустить с большой степенью достоверности влияние тюркской четырехстишной строфы на возникновение рубаи. Еще в лагере Махмуда Газневи солдаты пели народные тюркские песни, по всей видимости, четверостишия (Köprülü-zade Mehmed Fuad, *Türk edebijatynda ilk mutesawwifler*, 28, сн. 1). Персы, видимо, привнесли лишь изменение ритмической силлабической системы в количественную. И, поскольку это была уже новая система, не следовавшая арабскому образцу, необходимо было создать специально для нее размер, не имевший аналога у арабов. Если будущее подтвердит справедливость этой гипотезы и, что кажется нам весьма вероятным, если не будут найдены индоиранские корни происхождения рубаи, то мы окажемся перед любопытным феноменом: персы, находившиеся на более высоком уровне культурного развития по сравнению с другими мусульманскими народами, возможно, заимствовали поэтические формы у соседних кочевых народов, юго-западных арабов-бедуинов, северо-восточных тюркских кочевых племен.

Остается также выяснить, не способствовали ли тюркские народные поэтические формы, распространявшиеся благодаря проникновению тюркских элементов на запад, появлению строфических форм народной арабской поэзии. Однако без проведения подготовительных работ этот вопрос не может быть в настоящее время решен.

ГЛАВА II (с. 40—61)

Дихотомическая структура

1. *Итерация фразы* (с. 40—52). Одна из самых выдающихся стилистических особенностей тюркской народной поэзии — это дихотомическая структура. Она заключается в том, что мысль, выраженная с наибольшей эмоциональностью, выделяется, насколько это возможно, при помощи двух симметричных с синтаксической точки зрения предложений. Нет сомнения в том, что отправной точкой был дословный или с незначительными изменениями повтор фразы, смысл которой хотели подчеркнуть. Дословный повтор развился в удвоенное высказывание, где оба члена либо идентичны, либо аналогичны, либо подобраны по контрасту. Отличительной чертой всегда остается точный синтаксический параллелизм, который никогда не видоизменяется и не сглаживается, даже в самых своих примитивных проявлениях, что доказывает необходимость рассматривать его как несомненное эстетическое достоинство.

Эта стилистическая и композиционная особенность в прозе проявляется только в эмоционально ярко выраженных пассажах, придавая прозе поэтический оттенок. Таким образом, рождаются две фразы примерно или абсолютно равной длины с повторяющимися паузами в одних и тех же местах и с грамматической рифмой как в конце, так и в середине стиха; кроме этого, в них часто встречается (при дословном повторе) простейшая аллитерация. Такие фразы имеют все признаки строфы из двух, а если есть фиксированная цезура, то из четырех стихов.

Итак, истоки строфической системы, силлабического ритма, рифмы

и аллитерации, особенностей, составляющих основу народного стихосложения, формировались в тесном взаимодействии в результате слияния двух первостепенных элементов: лингвистических, фонетических, морфологических и синтаксических условий, с одной стороны, и с другой — стилистических и композиционных традиций, берущих свое начало прежде всего в сфере художественного восприятия.

Многочисленные примеры (см. с. 43—49) помогают понять принцип дихотомической структуры, представленной в основном в виде пословиц и загадок, распространенных повсюду, где проживают тюркские народы. Особенно зримо она представлена в художественной прозе народного эпоса алтайских тюрков.

Если дихотомия в прозе встречается лишь в исключительных случаях, то в поэзии она преобладает. Поскольку она является результатом особого эмоционального состояния, то и должна чаще встречаться именно в поэзии. В самом деле, почти каждая тюркская строфа разделена на две части, причем, как правило, первая дает картину окружающего внешнего мира, в то время как вторая относится к внутреннему миру человека. По смыслу они чаще всего аналогичны или противопоставлены друг другу. Только в песнях, подвергшихся искажению, нет таких отношений между двумя частями, хотя очевидное деление тем не менее имеет место. Ввиду схематизма, присущего тюркскому стилю, строфа, как правило, делится на две фразы, представляющие собой две серии аналогичных грамматических форм. Эту строфу можно рассматривать как двустипийную или в случае, если есть четкая цезура, как трехстишие, с рифмами а в с в, отсюда развитие все более и более искусственных форм. Дихотомическое расположение в самой схематичной форме представлено у алтайских племен, создавших новую форму, заслуживающую упоминания, так называемую *kožon*, речь о которой пойдет в VI главе.

2. *Повтор слов* (с. 52—61). Точно так же, как в области синтаксиса, дихотомическое расположение является результатом более сильного, аффектированного тона, эмоциональная нагрузка определенного слова даже может вызвать его повтор — либо буквальный, либо несколько измененный. При частичном повторе сохраняется либо начало слова (аллитерирующий повтор), либо его окончание (рифмующий повтор). Все три типа повторов были нами изучены более детально с тем, чтобы показать, как широко распространен и как изыскан в тюркских языках эмоционально окрашенный ритм, наиболее развитые формы которого становятся основой для аллитерации и рифмы. Безусловно, он принадлежит к эстетической сфере, поскольку его не только не избегают, но и активно ищут.

Я привожу примеры только из османской поэзии, не имея под рукой других. Более подробно я остановился на повторах типа *kat-mat, tūjlū-tūjlū-* и других, сходных с ними, довольно обширный список которых, взятый из текстов Куноша, приводится ниже (с. 55—60). Нетрудно убедиться, что у других тюркских народностей существуют аналогичные примеры.

В заключение отметим, что турецкому народному стилю весьма свойственно употребление идентичных грамматических форм, особенно глагольных, при этом они часто располагаются рядом, в непосредственном соседстве. Естественно, что такие формы рифмуются между собой.

ГЛАВА III (с. 61—102)

1. *Народная поэзия османских турок*. Обзор форм современной народной поэзии мы начинаем с османской поэзии, поскольку располагаем здесь гораздо более обширным материалом по сравнению с любой дру-

гой областью поэтического творчества тюркских народов, а также потому, что проблема сущности и происхождения османских поэтических форм стала для нас отправной точкой для всей этой работы.

После краткого обзора литературы, посвященной данной теме (с. 62—63), в доступном для меня объеме кратко перечислены основные жанры османской поэзии (*manî, türkû*, песни *vekkî* (бекчи), солдатские песни, любовные песни, сатирические, комические и т. д.), достаточно известные из работ Куноша.

Исследуя османскую народную поэзию, мы должны учитывать многочисленные внешние факторы: прежде всего персидско-арабское влияние, затем, в зависимости от региона, греческое, армянское, кавказское, славянское и другие влияния; вместе с тем можно утверждать, что по своим истокам это чисто турецкая поэзия, продолжающая традиции, заложенные предками нынешних османов, пришедшими в середине XIII в. из Хорасана в Малую Азию.

Те, кто знает, как необычайно долго живут даже самые на вид незначительные народные произведения, не сочтут утверждение преувеличенным. Особенно это касается песен, ибо легко установить продолжительность бытования их элементов и отдельных мотивов. Менее продолжительна жизнь песни в целом как единого комплекса определенных мотивов. Когда же песня распадается, ее составные элементы, как правило, возрождаются в новых песнях. Таким образом, уже не раз бывало, что песни, возникшие недавно и связанные с событиями современной жизни, состояли исключительно из старинных мотивов. Форма долговечнее содержания, и это можно заметить, сравнив формы османской поэзии с аналогичными произведениями других, территориально отдаленных, тюркских народов, или еще лучше — с текстами памятников глубокой древности.

2. *Ритмическая структура османских песен* (с. 67—72). Главный недостаток всех диалектологических и фольклорных текстов, к которым мы вынуждены будем прибегнуть, состоит в том, что в них опускаются ударения. Насколько я знаю, не отсутствуют указания, в каком ритме должен звучать голос исполнителя. Музыкальная запись, т. е. ноты мелодии с написанным текстом, не могут удовлетворить, поскольку, как не раз отмечалось, в османских песнях существует своеобразное различие между мелодией и текстом; более подробно остановимся на этом в 8 параграфе этой главы (с. 171).

Ритмическая структура тюркских песен — как османских, так и других, принятая Коршем, вызывает некоторые сомнения там, где автор вводит кроме фактора силы количественный фактор; точно так же для сохранения ритмической схемы он допускает либо ускоренное проговаривание, либо паузы — в зависимости от количества слогов.

Османское традиционное ударение, а тем более ритмическое, играющее столь большую роль в поэзии, еще недостаточно изучено. Насколько я мог заметить при изучении значительного количества народных османских стихов, созданных в различных областях османской территории, сила голоса колеблется от слога к слогу таким образом, что сильные и слабые слоги чередуются. Последний слог стиха или ритмического сегмента играет роль регулятора такого чередования. Перемещение традиционного ударения по ритмическим соображениям часто имеет место. Было даже отмечено, что расположение сильных и слабых слогов в песнях иногда совершенно отлично от расположения их в разговорной речи (см.: Abraham u V. Hornbostel. Zeitschr. f — Ethnologie 36, 223). Учитывая все вышесказанное, следует принимать ритмическую

структуру, указанную для различных разновидностей османского стиха (с. 72—81), с некоторыми оговорками.

3. *Ритмическая структура mani* (с. 72—74). Я сохраняю название *mani*, данное Куношем коротким песенкам в форме четверостиший, хотя знаю, что это название известно не на всей османской территории. Все стихи *mani* гептасиллабические. Гептасиллабизм имеет три разновидности: 4—3, 3—4, 2—3—2, причем последняя, имеющая две цезуры, встречается редко.

Mani состоит либо из стихов одного типа, например, $4 \times (4-3)$, $4 \times (3-4)$, $4 \times (2-3-2)$, либо из смешанных. Третий — нерифмованный стих часто отличается от других; например, имеются такие четверостишия: 3—4, 3—4, 4—3, 3—4 или 4—3, 4—3, 3—4, 4—3.

4. *Ритмическая структура türkü* и общая характеристика османского турецкого стиха (с. 74—83). *Türkü* мы называем длинные песни (длиною более двух строф) подлинно народного происхождения. Их характерной особенностью, хотя вовсе необязательной, является припев, помещенный обычно после каждой строфы.

Строфы насчитывают от двух до четырех строк. Строки в строфе обычно имеют одну длину, исключение составляет припев, строки которого могут быть длиннее или короче. Строки в четырехстрочных строфах обычно более короткие, в трехстрочных — более длинные.

Стихи *türkü* могут насчитывать от семи до пятнадцати слогов. Другие типы приводятся в тексте (см. с. 75—82), где перечислены все разновидности. Кроме того, стихи рассматриваются сами по себе, независимо от роли, которую они играют в строфе. Отсюда следует, что каждая из перечисленных разновидностей необязательно является частью однородной строфы с неизменным ритмом. Так, например, из четырех восьмисложных разновидностей строфы: 4—4 (соответственно 2—4—2), 3—3—2, 3—2—3, 2—3—3 только первая и третья создают однородные строфы, т. е. $3 \times (4-4)$ ¹ или $3 \times (3-2-3)$, в то время как $3 \times (3-3-2)$ или $3 \times (3-2-3)$ вообще не встречаются. Эти две восьмисложные разновидности встречаются только в строфах, лишенных четко определенного ритма и, следовательно, чисто силлабических. Стихи, состоящие из десяти, двенадцати, тринадцати слогов, встречаются редко. Напротив, одиннадцатисложный стих (чаще всего 4—4—3 и 6—5) широко распространен. Пятнадцатисложный стих также не редкость.

Некоторые из таких разновидностей тесно взаимосвязаны. Так, стихи из одиннадцати слогов 4—4—3 берут свое начало от гептасиллабических 4—3 и возникают либо благодаря повтору первого ритмического сегмента, либо благодаря интерпретации между двумя сегментами какого-нибудь четырехсложного слова. В других случаях мы наблюдаем превращение восьмисложного стиха в одиннадцатисложный путем прибавления в конце слова трех слогов в виде рефрена. Вообще, благодаря введению между словами различных слов-паразитов, бесполезных по смыслу, таких, как *validem*, *aman*, *jaurum-da* и т. д., создается возможность для самых разнообразных и многочисленных вариаций.

Кратко резюмируя основные особенности турецкой ритмики, отметим, что законы, регулирующие длину стиха, измеряемую количеством слогов, определены наиболее четко, напротив, законы, регулирующие внутреннее построение стиха, расположение цезуры, количество и чередование сильных и слабых слогов, имеют менее жесткий характер. Однако даже в тех сочинениях, где внутренняя структура стиха не вполне

¹ Строфа, состоящая из четырех стихов 4—4.

правильна, колебания допустимы лишь в узких рамках. Если можно говорить об эволюции, то лишь в отношении ограничения слишком независимых структур и их подчинения строгим ритмическим законам, регулируемым силовым ударением.

5. *Рифма в народной турецкой поэзии* (с. 34—89). Тюркская характерная рифма — это грамматическая рифма, берущая начало в дихотомической структуре народной строфы. Согласование последних рифмующихся букв стиха происходит, таким образом, благодаря идентичности морфологических элементов, в то время как тема, как правило, не принимает никакого участия в рифме. Таково было первоначальное положение вещей.

Между тем турецкая рифма в большинстве случаев имеет уже более развитые формы, что можно не без основания приписать длительному воздействию персидско-арабской поэзии с ее ярко выраженной рифмой. Так мы встречаем, хотя и редко, слова различных грамматических категорий, рифмующиеся между собой. Другие рифмы, довольно распространенные, уже включают в себя конец тематического слога. Усовершенствование турецкой рифмы проявляется также в том, что идентичные слова вместо самих рифм используются довольно редко.

Рифмы, которым турки-османы отдают наибольшее предпочтение, состоят из двух элементов: третьего с конца рифмующего слова и последнего, идентичного ему. Это точная аналогия персидской рифмы *redif*, что, впрочем, не означает, что здесь не простая имитация. Османские (турецкие) рифмы в большинстве своем являются полисиллабическими, что соответствует их происхождению. Три идентичных слога и даже более в рифмованных концовках отнюдь не редкость.

Особое внимание я уделяю «нечистым», на первый взгляд, рифмам, анализ которых дает весьма ценный материал для изучения турецкой фонетики. Так, я привожу примеры частого чередования *m, n, ŋ, l, ɫ, ɾ* в рифмах как доказательства слабой артикуляции тюркоязычного *ɾ* (см.: Народные тюркские загадки 13/14; Bergsträßer. Zur Phonetik des Türkischen, ZDMG 72 [1918] 251), я рассматриваю рифмы типа *başu şallım — dolaşalım*, интересные я рассматриваю рифмы типа *başu* артикуляции *ɾ* и *ʒ*, чередования *j, ɣ, v*, ассимиляцию *kt-⇒tt* (*bakty — atty*), переход *ç* в *ş* в рифме типа *uçlaryjokuşlary* и, наконец, морфологические изменения, происходящие благодаря рифмам, например, *sysalyk susaryz* для рифмовки с *pusaryk*.

6. *Структура строф и связь между ними в турецкой народной поэзии* (с. 89—94).

Бесстрофные произведения полностью отсутствуют, но структура строф не дает достаточного разнообразия. В турецких строфах-четверостишиях преобладают рифмы с расположением рифмующихся строк *a в а*. Этот тип рифмы развился из технически более простого *a в с в*; явным доказательством этого факта служит обычно более четкая и полная рифмовка второй и четвертой строк по сравнению с первой и второй.

Среди других, менее распространенных, типов следует отметить перекрестную рифму *a в а в*, довольно редкую у турок, но встречающуюся все чаще и чаще по мере продвижения на восток и север тюркоязычного ареала. Некоторые отмеченные необычной рифмовкой четверостишия при внимательном анализе обнаруживают недостатки, связанные с небрежностью переписчиков.

Обычно все три стиха терцины имеют одну и ту же рифму. Песни всегда состоят из одинаковых строф в три-четыре строки-стиха равной длины.

Один или несколько стихов, повторяющихся после каждой строфы, мы называем рефреном. После терцины рефрен состоит обычно из двух стихов. Комбинации строф с различными рефренами довольно разнообразны. Естественно, что все эти произведения тесно связаны с мелодией. Иногда последняя строфа песни отличается особой структурой.

После короткой информации о композиции песен, исполняемых профессионалами, именуемыми 'āşik, и о строфах *destan's* (дастанов) я привожу несколько замечаний о песне и форме диалога. Она распространена у различных тюркских племен, поэтому нет необходимости обращаться к персидской диалогической стихотворной форме *газель*.

7. *Признаки аллитерации в турецкой народной поэзии* (С. 94—97). У турок-османов аллитерация не является неотъемлемой частью стихотворной формы; она лишь спорадически возникает в качестве особого украшения, что следует рассматривать как сохранившиеся проявления старой общей тенденции. Тему данного раздела составляют примеры аллитерации в строфах и стихах.

8. *Турецкая народная музыка* (с. 97—102). Речь идет только о соотношении текста и мелодии песни. Уже не раз отмечалась странная несогласованность слов и мелодии в турецких песнях. Число слогов не соответствует числу музыкальных тонов. Размер так же редко совпадает с ритмическими фрагментами. Одному слогу часто соответствует несколько тонов. Случается даже, что единственная гласная поется на протяжении нескольких тонов. Текст часто подчинен повторяющимся изменениям, что серьезно нарушает ритмическую структуру при стремлении следовать за мелодией. Отдельные слова видоизменяются или между ними вставляются слова-паразиты. Все вышесказанное свидетельствует о том, что текст и мелодия родились не одновременно; изначально они не имели ничего общего, но затем были искусственно соединены.

Объясняя это явление, до сих пор полагали, да и сегодня считают, что мелодии, о которых идет речь, являются персо-арабскими заимствованиями. Однако не удалось найти ни одного достоверного доказательства, опирающегося на глубокий анализ в области музыки. Особое соотношение текста и музыки, присущее турецкой поэзии, не свойственно поэзии других тюркских народов. Так, например, у бессарабских гагаузов, близких соседей османов, наблюдается полная согласованность этих двух элементов, что подтверждают тексты и мелодии, записанные Мошковым.

Впрочем, мы имеем весьма расплывчатое представление о тюркской музыке. Ситуация оказывается тем более запутанной, что почти все известные записи турецкой музыки были сделаны армянами, владевшими турецким языком.

Остальная часть главы (с. 100—102) содержит библиографию по теме.

ГЛАВА IV (с. 102—118)

1. *Народная поэзия казанских татар* (с. 102—105). Все наблюдения, содержащиеся в данной главе, основаны на материале фольклора казанских татар, имеющемся в работе Г. Балинта *Kazáni-tatár nyelvtanulmányok*. Балинт разделяет песни на *jyrlar*, отдельные четверостишия, соответствующие турецким *manî*, и *bäjetlär*, более развернутые лирико-эпические композиции, состоящие из строф-четверостиший.

Так же как и в поэзии других тюркских народов, строфы казанских стихов четко делятся на две части, первая из них посвящена природе, вторая—человеку. Связь между двумя половинами часто очень слаба, а иногда и вовсе отсутствует.

Может возникнуть вопрос, а не добавляет ли певец к первой стереотипной части финал собственного сочинения? Радлов формально констатирует этот прием у киргизов.

2. *Ритмическая структура стиха у казанских татар* (с. 105—108). Около 60% песен, собранных Балинтом, имеют более или менее серьезные ритмические погрешности (нарушение принципа равностроения и точного расположения цезуры). Частично это ошибки в записи, но чаще всего — неточности, допущенные информаторами Балинта, которые были им довольно неудачно выбраны, — в основном из православных татар, утративших, по всей видимости, живое чувство национальных традиций.

О метрике татарского стиха мы знаем еще меньше, нежели о турецкой, поэтому предлагаемые мною ритмические схемы следует рассматривать только как правдоподобные. В стихе насчитывается от 7 до 11 слогов; более длинных вариантов не существует. Семисложник имеет аналогичную турецкой структуру 4—3 или редко 3—4. Восьмисложник 4—4 характеризуется восходящей (см. ямбической, четырежды — —) интонацией или 5—3 смешанной. Девятисложник, почти не встречающийся в турецкой поэзии, — обычное явление в народной поэзии казанских татар. Он имеет форму 6—3 или 5—4, включая разновидность с чисто хореическим размером. Подавляющее большинство стихов, около 80%, имеет трехсложное окончание.

3. *Ритмическая структура строф* (с. 108—110). За исключением двух двустихных композиций, все остальные строфы представляют собой четверостишия. *Juŋlar* в основном состоят из девятисложных стихов-строк, *bäjetlär* — из семисложных.

Совсем не встречаются четверостишия, состоящие из девятисложных стихов одного типа. Зато часто используются строфы следующей структуры: 6—3, 6—3, 5—4, 6—3 или 5—4, 6—3, 5—4, 6—3. Наряду с ними существуют строфы, состоящие из смешанных стихов: 5—3, 6—3, 5—3, 6—3. В *bäjetlär* чаще всего возникает строфа 4×(4—3), но также встречаются строфы со стихами разной длины: 4—4, 4—3, 4—4, 4—3.

4. *Рифма* (с. 110—112). По сравнению с турецкой рифмой данная рифма кажется гораздо более примитивной. Вместо собственно рифм часто используются одинаковые слова. Нередко употребляются так называемые рифмы *redif* (редиф) с очень слабо согласованными окончаниями слов, предшествующих редифу. Естественно, что абсолютно преобладают грамматические рифмы — доказательство параллелизма синтаксической конструкции частей строфы, рифмующихся между собой. Неграмматические рифмы чрезвычайно редки.

Что касается чистоты рифмы, то, как и в турецком стихе, наблюдается частое чередование г, l, m, n, η, затем k, t в рифмах на г и без г. Рифмы *saŋ'at* и *sauat* свидетельствуют о том, что артикуляция у может сопровождаться вибрацией язычка или мягкого неба.

5. *Расположение рифм в строках* (с. 113—115). Наиболее распространен (около 60%) тип а в с в, собственно говоря, дистих, каждый из двух стихов которого разделен на две части постоянной цезурой. Рифма в конце каждой из двух частей строфы очень часто выражает параллелизм семантики и синтаксиса, о котором уже упоминалось. Вторым по частотности расположением является вариант а а в а, в котором, как и в турецком стихе, рифма, связывающая второй и четвертый стихи, более полная, нежели рифма, объединяющая первый и второй стихи. Затем следует вариант а в а в, представляющий интерес тем, что он возникает все чаще по мере продвижения на восток и север. Кроме уже

названных вариантов, встречаются, правда, довольно редко, варианты а в в в, а а а а и нетипичное расположение а а в в.

6. *Взаимосвязь строф в песне* (с. 115—116). Песни слагаются путем более или менее механического сочетания нескольких строф из четырех стихов, причем каждый из этих элементов в большинстве случаев сохраняет свой особый характер. Каждая строфа песни обычно начинается, как и в отдельных *jūrlar*, интродукцией, посвященной природе. Последовательность строф непостоянна и не свидетельствует о продуманном плане. Связь иногда выражается первым стихом каждой строфы, являющимся вариантом одной и той же основной идеи; таким образом, она выступает в функции связующего начала.

7. *Аллитерация* (с. 116—118). Как и в турецкой поэзии, здесь аллитерация не является неотъемлемой характерной чертой поэзии. В строфе очень часто аллитерация охватывает два стиха, в исключительных случаях — три или четыре.

Более распространена межсловная аллитерация (между словами в одном стихе).

ГЛАВА V (с. 118—129)

1. *Народная поэзия тюркских народов Турфана* (118—119). За образец народной поэзии Восточного Туркестана взяты записки Лекока, сделанные в основном в Кага Хѳза (Кара Ходжа) на юго-востоке Турфана и опубликованные как первый дополнительный выпуск *Baessler Archiv*. Этот небольшой сборник содержит, однако, все основные жанры народной поэзии — любовные, сатирические песни, песни, посвященные Рамазану, живо напоминающие рифмы османских *bekcī*, и более длинное произведение полународного характера, сложенное в честь немецкой экспедиции в Восточный Туркестан. Этих примеров вполне достаточно, чтобы выделить основные характеристики поэтической формы и убедиться в том, что она существенно не отличается от принятой у других тюркских народов.

2. *Ритмическая структура* (с. 119—123). Несмотря на определенные фонетические различия, в частности касающиеся силового ударения и количества, мы можем констатировать, что ритмическая система — ударно-силлабическая. Чередование коротких и долгих гласных, замеченное Лекоком, не порождает попыток использования их в ритмике. Таким образом, мы не обнаруживаем никаких следов количественной метрики. Силовое ударение в речи турфанских тюрков локализуется не так схематично, как в других рассматриваемых здесь тюркских языках и диалектах. Лекок значительно облегчает нам исследование ритма стиха, отмечая силовое ударение в большинстве своих текстов. Основываясь на этих текстах, мы можем констатировать, что силовое ударение в стихах не всегда совпадает с традиционным ударением. Нечто подобное мы наблюдаем иногда при скандировании. Силовое ударение в тех же словах, образующих семисложный стих, расположено иначе, чем в восьмисложном стихе. Каждый вид стиха обладает строго определенным ритмом, отличным от ритма семи- и восьмисложных стихов. Однако перемещение нормативного ударения — явление исключительное. Обычно в турфанской поэзии для достижения ритмики используется нормативное ударение.

Что касается стихотворного размера, то у Лекока мы находим только семи-, восьми- и одиннадцатисложные стихи. Семисложный стих 4—3, 3—4 (крайне редко 2—3—2) обычно имеет хореический размер, а восьмисложный (почти всегда 4—4) — ямбический. В строфах, состав-

ленных из семисложных стихов, иногда возникают стихи из восьми слов, но их ритм адаптируется к ритму окружающих их стихов. Одиннадцатисложные стихи имеют варианты 4—4—3, 7—4, реже 5—6, 6—5. Хорейский ритм выражен только в форме 7—4.

3. *Строфическая структура* (с. 123—126). Условия те же, что и в поэзии вышеназванных народов. Строфы — из двух, трех и четырех стихов, при подавляющем преобладании последних. Четверостишия состоят из стихов одного вида или из смешанных стихов, т. е. мы имеем дело со строфой 4×(4—3) или 3—4, 4—3, 3—4, 4—3 или же 4—4, 4—3, 4—4, 4—3. Дихотомическое деление менее выражено, что объясняется отсутствием независимых четверостиший, таких, как *tapı* или *jug*. Иногда четыре одиннадцатисложных стиха сливаются в подобие строфы. Кроме того, мы находим образец строфы из трех стихов и несколько поэтических этюдов-дистихов из одиннадцатисложных стихов.

4. *Рифма* (с. 126). Турфанская рифма не представляет собой ничего принципиально нового по сравнению с турецкой рифмой и рифмой казанских татар. Все примеры рифм могут быть разделены на две группы: простые рифмы (заключенные в рамках одного слова) и сложные (охватывающие два слова). В каждой из этих групп возможны три случая: 1 — рифмы, образованные одинаковыми словами; 2 — рифмы, образованные морфологическими элементами без участия основы; 3 — рифмы, в которых участвует основа рифмующихся слов. Обычно турфанская рифма имеет развернутую форму.

5. *Рифма в строфах* (с. 127—128). Если не говорить о дистихах, рифмующихся на а а, в в, с с и т. д., и терцинах а а а, то мы встречаем некоторое разнообразие только в четверостишии. Расположим отдельные типы в соответствии с частотностью употребления: а в с в, а в а в, а а в а. Любое другое расположение встречается только как исключение.

6. *Признаки аллитерации* (с. 128—129). Здесь также встречаются лишь отдельные признаки аллитерации, впрочем, не чаще и не реже, чем в предыдущих случаях. Приведенные примеры (с. 128/9) указывают на случаи аллитерации в строфах и в стихах.

ГЛАВА VI (с. 129—151)

Поэзия тюркских народов Алтая

1. *Очерк племен и основных жанров поэтического творчества* (с. 129—133). Материалы для моих исследований я взял из первого тома работы «Образцы народной литературы тюркских племен» В. Радлова, которая содержит сведения о фольклоре различных тюркских племен, населяющих собственно Алтай, а также верховье Оби (в частности, прибрежные районы рек Бия, Катунь и верхней Томи с притоками). Здесь выделяются *Altai kızı Tälänätkiži*, лучше всего представленные в сборнике Радлова. Все эти малочисленные племена к 1860 г., когда их изучал Радлов, уже подверглись быстрой русификации. Многие из них исчезли, не оставив никаких следов.

Если сравнить фольклор этих племен с фольклором рассмотренных ранее этнических групп, то можно констатировать, что он формировался в иных условиях, на первый взгляд, более архаичных. Мы должны объяснить этот факт прежде всего отсутствием нивелирующего воздействия ислама. Большинство алтайских племен ко времени проведения исследований Радлова еще были привержены примитивному шаманизму, лишь незначительное их число приняло православие. Необходимо также учитывать географическое положение, препятствовавшее проникновению внешних влияний.

Прежде всего поражает народная эпопея, мощная и полная жизнерадостия, изобилующая приключениями мифических героев, содержащая исторические эпизоды и даже космогонические и эсхатологические воззрения. Художественная проза этих произведений позволяет проследить процесс зарождения поэтических свойств, что очень важно для нашего исследования. Другие эпические памятники уже в полной мере обладают метрической формой стихосложения.

Лирический жанр имеет только одну форму *kožon*, о которой далее пойдет речь. Кроме того, у *Täläpnät kiži* — телеутов есть поэтические произведения — дистихи ярко выраженного примитивного характера, которые произносятся в основном от лица животных или персонифицированных сил природы. Алтайские формы являются единственным разделом тюркской поэзии, который уже монографически разработан Радловым в небольшой статье *Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren* (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft* IV).

2. *Художественная проза эпических произведений* (с. 133—140). Эпические произведения *čogčok* декламируются рапсодом, или сказителем (*čogčokču*), приглушенным гортанным голосом, модулируемым в двух тональностях. *Čogčok* не имеют строгой метрической формы. Рассказ разбивается на короткие фразы, обычно насчитывающие от 7 до 9 слогов, а иногда меньше или больше.

Среди различных стилистических свойств прозы этих произведений можно особенно выделить два, которые имеют большое значение для понимания проблемы зарождения поэтических форм: 1 — почти дословный повтор целых отрывков, встречающийся, естественно, в первую очередь там, где рассказ членится на эпизоды, похожие на предшествующие, но воздействующие на ход повествования; 2 — уже известное нам дихотомическое деление. Первое свойство влечет за собой разделение на четко разграниченные отрывки, такие, как большие строфы, объединенные молитвой в каждом стихе; второе вводит симметрично построенные фразы и благодаря этому рифмованные и ритмически расчлененные.

Самой яркой чертой художественной прозы является аллитерация, меняющаяся через каждые два стиха, но часто распространяющаяся и на большее их число. Она состоит в идентичности начального звука слова, а когда это согласная, то и следующей гласной. Так же часто наблюдается аллитерация между словами. Рифма возникает лишь как следствие дихотомического деления.

3. *Kožon и его структура* (с. 140—142). *Kožon* («сцепленная» композиция, от *koš-*) — это пара строф, состоящая из четырех стихов с параллельной ритмической конструкцией и различной аллитерацией в каждой строфе, а также одинаковым расположением рифм в обеих. Вторая строфа повторяет тему первой несколько иными словами. Прием заключается в том, чтобы все начальные слова четырех стихов второй строфы были различны и аллитерация происходила бы на основе разных букв. В диалогических композициях возникают группы из четырех тесно связанных между собой строф.

4. *Ритм стиха в kožon* (с. 142—143). Стихи *kožon* насчитывают обычно семь или восемь слогов; в эпопею преобладают стихи первого типа, в лирической поэзии — второго. Впрочем, оба размера часто возникают без какой-либо системы в одной и той же строфе. Их сходство, позволяющее употреблять их таким образом, заключается в идентичности последнего сегмента, почти всегда трехсложного.

Семисложный стих почти всегда имеет форму 4—3 (варианты 3—4

и 2—3—2 очень редки); восьмисложный — 5—3. Вариант 4—4, часто возникающий в других стихах, в данном случае не более чем исключение. Спорадически в *козоң* появляются стихи от 6 до 9 слогов. В материалах Радлова не отмечаются более длинные стихи.

5. *Ритмическая структура строфы* (с. 143—145). Как мы уже говорили, каждая строфа *козоң* насчитывает четыре стиха. Они могут быть одного размера (дают строфу $4 \times (4-3)$, соответственно $4 \times (5-3)$) или различными. Вторая строфа обычно является отражением первой и в том, что касается ритмической структуры. Если первая строфа соответствует размеру, например, 4—3, 5—3, 5—3, 5—3, то вторая строфа часто начинается с семисложного стиха вместо восьмисложного. В песне *Рітаş* мы встречаемся с попыткой изменить каноническое число из четырех стихов (см. с. 144).

6. *Рифма в поэзии тюркских народов Алтая* (с. 145—149). Некоторые произведения, их число довольно ограничено, совсем не имеют рифм. Все же их нельзя рассматривать как пережиток какого-то древнего состояния нерифмованной поэзии. Отсутствие рифм всего лишь указывает на отсутствие определенной дихотомической структуры, т. е. на некоторое нарушение нормальной структуры. С другой стороны, следует подчеркнуть, что алтайская рифма носит весьма примитивный характер. Рифмуются либо одинаковые слова в конце стихов, либо одинаковые суффиксы последних слов (разумеется, без участия основы). Другие, более совершенные, рифмы обнаружить не удастся. Рифмы с *redif* редки, как и те, которые охватывают более двух конечных слогов. Это последнее положение связано с низким уровнем развития языка, которому не удастся создать более сложные формы, требующие большего числа суффиксов.

Расположение рифм в строфе довольно разнообразно. Чаше всего встречается тип а в а в, крайне редкий у турок, но все более распространенный по мере продвижения на северо-восток языкового ареала, затем а в с в, а а в а (редко), наконец, нетипичные случаи, встречающиеся исключительно редко: а в а с, а в с а и т. д.

В языке алтайских тюркских народов связь между рифмой и аллитерацией совершенно иная, нежели в языках турок, казанских татар и тюркских народов Турфана, где аллитерация существует, скорее, как художественное обрамление стиха, а ровно окрашенный ритм выражается в согласовании групп звуков в конце строк-стихов, т. е. в рифме. Рифма — основное, сознательно культивируемое свойство стиха. У тюркских народов Алтая все обстоит совершенно иначе. У них, как, впрочем, у большинства народов северной группы (абаканских татар, киргизов и каракиргизов), аллитерация играет преобладающую роль, а рифма отодвигается на второй план как простой результат дихотомического деления, т. е. она в некоторой степени произвольна.

7. *Аллитерация в алтайской поэзии* (с. 149—151). Аллитерация является неотъемлемым свойством алтайских поэтических произведений. В *козоң* обычно один и тот же звук повторяется во всех четырех стихах каждой строфы. Если это гласный, то его вполне достаточно, если же согласный, то правило требует, чтобы следующий гласный был идентичен. Но идентичность второго гласного не столь обязательна, как в случае начального звука. Так мы находим чередования *kü — kö-, kö — ko-, ku — kü — kö-* и т. д. Число звуков в аллитерации очень ограничено, что объясняется тем, что обычно число букв, используемых как начальные звуки в слове, в этих диалектах невелико, среди них я почти никогда не встречал *č, š, п, г, л, і* и очень редко *т*.

Так же как в рифме, одинаковые слова играют большую роль в аллитерации. Большинство составляют специально и тщательно отобранные случаи. Если аллитерацию обозначить буквенно как рифму, то наиболее часто употребляемым типом окажется а а а а. Однако мы находим также многие другие типы: а а а в (нечто вроде терцины с припевом), а а в в (как в загадках Codex cumanicus), а в а в и т. д. Сочетание рифмы с аллитерацией необязательно, напротив, часто они перекрещиваются; стихи без аллитерации рифмуются между собой, и наоборот.

Межсловная аллитерация менее регулярна и, кроме того, совсем необязательна. Особо следует упомянуть случаи аллитерации, возникающие между двумя основными ритмическими группами стиха, обыкновенно в первом стихе строфы, например: Köböк Köböк/Köl kăčär, sanduaš učat/sazy sain, I oboıdyn joly/tolyoş jot и т. д.

Перевод с польского А. А. Радаева.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ

Предлагаемая статья — перевод обширного резюме, приложенного известным польским тюркологом профессором Тадеушем Ковальским к своей книге «К вопросам формального изучения поэзии тюркских народов», изданной в 1921 г. в Кракове. Впервые в мировой тюркологии Тадеуш Ковальский в этой работе проводит обширный сравнительно-типологический анализ форм народной поэзии турок, казанских татар, уйгуров и алтайцев с целью обнаружения в тюркской поэзии общих признаков и рассматривает взаимоотношения особенностей тюркской народной поэзии с принципами персидско-арабской версификации. Формальный анализ дает автору возможность пересмотреть ряд общих вопросов тюркской литературы, выступить с оригинальным тезисом о происхождении некоторых поэтических форм, тюркской рифмы и т. д. В своей работе Тадеуш Ковальский высказывает и ряд интересных, но в то же время спорных идей, например, о тюркском происхождении рубаи. В целом автор затрагивает многие проблемы тюркской версификации, которые по сегодняшний день остаются актуальными для тюркологической науки.

В заключение хочу обратить внимание читателей на то, что в оригинале термином «турок» Тадеуш Ковальский обозначает также тюркоязычные народы, т. е. тюрков.

Тофик Меликов

Б. Г. ГАФАРОВ

**Н. К. ДМИТРИЕВ И ПЕРВАЯ КРЫМСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ**

В 30-х годах Н. К. Дмитриев, изучая южные группы тюркских языков, особое внимание обратил на крымско-татарский язык, сохранивший почти все особенности огузской и кыпчакской групп [1]. С XII в. по 30-е годы XX в. крымско-татарский язык имел арабскую письменность. С 1918 г. в г. Симферополе на крымско-татарском языке печатались восемь районных и две республиканские газеты, пять журналов, а также политическая, учебная и художественная литература.

Систематическое изучение крымско-татарского языка началось с 1923 г., после создания в Симферополе Народным комиссариатом просвещения Крыма Ученого академсовета. К работе были привлечены такие исследователи, как Бекир Чобан-заде, Исмаил Лиманов, Мамут Медим, Шевкий Бектюре, Умер Сами, Абибулла Одабаш, И. С. Кая, Умер Аджиасан и др. Определенные организационные мероприятия по изучению лексики крымско-татарского языка позволили начать подготовку к переходу письменности с арабского алфавита на латинский. В 1927 г. была созвана Первая крымская языковая конференция [2].

На ней были рассмотрены некоторые важные в те годы вопросы алфавита и орфографии. 20-летний опыт показал, что реформа 1901 г. не смогла разрешить ряда сложных вопросов орфографии и грамматического строя крымско-татарского языка. В связи с переходом от арабской письменности к латинской возникла необходимость глубоко научного анализа языка. Особое внимание предлагалось обратить на изучение и обобщение опыта местных учителей. В 1928 г. была созвана Вторая языковая конференция [3]. Основные вопросы, которые на ней обсуждались, касались путей развития крымско-татарского литературного языка, общих принципов крымско-татарской орфографии в связи с переходом на латинскую письменность.

В 1934 г. была созвана Третья языковая конференция [4], на которой в связи со слабым изучением крымско-татарского литературного языка и его диалектов было принято решение о проведении крымской языковой экспедиции.

Н. К. Дмитриев — научный руководитель экспедиции — прочел участникам конференции и будущим членам экспедиционного отряда лекцию на тему: «О методике изучения крымско-татарских диалектов и фольклора» [5. С. 29]. Эта лекция явилась конкретным планом изучения не только диалектов крымско-татарского языка, но и самого литературного языка и фольклора.

Н. К. Дмитриев, будучи исследователем диалектов крымско-татарского языка, особое значение придавал фольклорным материалам. По его мнению, «в условиях Крыма изучение языка и фольклора надлежит вести нераздельно, так как собирание фольклора неизбежно приведет исследователя к вопросам языка, а языковые наблюдения окажутся невозможными без фольклорных записей. Фольклор как подсобный фактор всегда учитывается при изучении любого языка, который сверх того имеет развитую письменную литературу... Фольклор является здесь единственным литературным источником, который дает нам живой контекст данного языка в его истории, без чего занятие языком сведется к перечню сухих грамматических формул, вырванных из жизни и оторванных от языкового процесса в его целом. Итак, фольклор всюду, а в некоторых случаях и преимущественно, является формой документации языкового материала, иначе говоря: оправдательным документом для многих лингвистических построений» [5. С. 30].

В соответствии с задачами, стоящими перед экспедицией, Н. К. Дмитриев организовал пять научных бригад: 1) по лексике — семантике, 2) по синтаксису, 3) по фонетике и морфологии, 4) по фольклору, 5) по изучению понимаемости литературного языка широкими массами. В этой связи он отмечал: «Выдвигалась особая необходимость изучения освоения массами действующего литературного языка, т. е. того, насколько нормы современного литературного языка как особой величины, стоящей над диалектами, понятны широкой читательской массе» [6. С. 158].

Было организовано четыре отряда, которые отправились по следующим маршрутам:

1. Сеитлер — Джанкой — Ишунь — Акшейх — Ак-Мечеть — Евпатория;
2. Керчь — Феодосия — Ислам-Терек — Старый Крым;
3. а) Бахчисарай — Фати-сада — Коккозы и б) Феодосия — Старый Крым — Карасубазар;
4. Севастополь — Байдары — Ялта — Алушта — Судак — Отузы.

Эти маршруты напоминали маршруты экспедиции В. В. Радлова, предпринятой в 1885 г. также с целью изучения крымско-татарского языка и фольклора.

В специальной памятке, составленной для участников экспедиции, Н. К. Дмитриев указывал три вида источников, которые следовало использовать для получения лингвистических данных: а) связный текст рассказа, б) групповые беседы, в) лингвистические анкеты.

Лингвистические анкеты были разработаны на подготовительном семинаре и содержали конкретные пункты по каждому разделу языкознания: лексике, фонетике, морфологии, синтаксису и фразеологии. Очень важно было изучение языка в его динамике, с учетом всех лексических единиц и изменений в семантике. Например, на юге Крыма единое понятие «лес — гора» обозначалось словом *дагъ*, на севере — *тав*, в литературном же языке *дагъ* 'лес', а *тав* — 'гора'. Большое внимание привлекала также конструкция *изафета*.

Наблюдения над фонетическим материалом позволили Н. К. Дмитриеву сделать вывод, «что в Крыму нет „чистых“ диалектов» [5]. Однако это не означает, что отсутствуют и определенные особенности, присущие отдельным говорам или жителям различных населенных пунктов. Например, для говора дер. Тувак Алуштинского района характерны следующие черты [7]:

1) *и* вместо *е* в начале и середине слова:

Литературный язык	Тувакский говор	
эбе	ибе	'акушерка'
эгильмек	игильмек	'гнуться'
эглендже	иглендже	'забава'
эзан	изан	'призыв, чтение'
эки	ики	'два'
экинди	икинди	'вечерня'
экин	икин	'посев'
эманет	иманет	'залог, доверие'
эмдже	имдже	'дядя (с отцовской стороны)'
эрик	ирик	'слива'
эски	иски	'ветошь, хлам'
бешик	бишик	'люлька'
гелин	гилин	'невеста'
кеди	киди	'кошка'
керпедин	кильпедин	'щипцы'
пенир	пинир	'сыр'
секиз	сикиз	'восемь'
сельви	сильви	'кипарис'
темиз	тимиз	'чистый'
кетмек	китмек	'идти'

2) *о* вместо *ө*:

көрмек	гормек	'видеть'
көстөрмек	густурмек	'показать'
сөндөрмек	сундурмек	'тушить, гасить'

3) *у* вместо *ү*:

өзен	узен	'речка'
өрнек	урнех	'образец'
өмөр	умур	'жизнь'
өтмек	утмек	'хлеб'

4) *у* вместо *о*

отурмакъ	утурмах	'сидеть'
----------	---------	----------

5) *о* вместо *а* во втором слоге:

хораз	хороз	'петух'
-------	-------	---------

6) *х* вместо *къ*:

къатыкъ	хатых	'простокваша'
къеркъакъ	хорхах	'трус'
къучакъ	худжах	'объятие'
такъмакъ	тахмах	'нацеплять'

7) *н* вместо *нъ*:

анъ	ан	'сознание'
анъламакъ	анламах	'понять'
бинъ	бин	'тысяча'
йанъы	йаны	'новый'
денъиз	дениз	'море'
танъ	тан	'заря'

8) в вместо б:

<i>бармакъ</i>	<i>вармах</i>	‘приходить’
<i>вермек</i>	<i>вермех</i>	‘дать’

9) п вместо б, и наоборот:

<i>бѳтѳн</i>	<i>путун</i>	‘целый’
<i>пармакъ</i>	<i>бармах</i>	‘палец’

10) редукция й в сочетаниях йэ, йы, йу:

<i>йэмиш</i>	<i>имиш</i>	‘фрукты’
<i>йэнъмек</i>	<i>инмех</i>	‘победить’
<i>йэнгиль</i>	<i>ингиль</i>	‘легкий’
<i>йылан</i>	<i>илан</i>	‘змея’

11) йотация э:

<i>эт</i>	<i>йэт</i>	‘мясо’
-----------	------------	--------

12) выпадение х:

<i>хамур</i>	<i>амур</i>	‘тесто’
<i>хаста</i>	<i>аста</i>	‘больной’

13) г вместо к:

<i>кѳрмек</i>	<i>гормех</i>	‘видеть’
<i>кезмек</i>	<i>гезмех</i>	‘гулять’
<i>кельмек</i>	<i>гельмех</i>	‘приходить’
<i>кѳлмек</i>	<i>гольмек</i>	‘рубашка’

и т. д.

Подобные диалектные различия в крымско-татарском языке наблюдаются на всем протяжении от Севастополя до Феодосии. Почти каждая деревня имеет свои языковые особенности.

Экспедицией было записано около 7 000 слов, не вошедших в словарь крымско-татарского языка. Они охватывают следующие тематические группы: а) растениеводство, б) животноводство, в) садоводство, г) лесоводство, д) рыбоводство, е) геология, ж) география, з) кузнечное дело, и) столярное дело, к) строительство, л) бондарное дело и др.

Материалы экспедиции выявляют крайнее разнообразие лексики. Особенно это относится к маршруту Севастополь — Отузы, где почти каждый обследованный пункт имел свой вариант лексемы. Например, слово *ящерица*:

деревня:	Чоргун	<i>кесертке</i>
	Гаспра	<i>кесертки</i>
	Дерекой	<i>къарашефла</i>
	Гурзуф	<i>курсефла</i>
	Дегерменкой	<i>кшофла</i>
город:	Алушта	<i>сурка</i>
	Кѳрбек	<i>къолокъсафа</i>
	Кучѳк Озен	<i>кшафла</i>
	Ускут	<i>къоросафла</i>
	Айсерез	<i>къарашафла</i>
	Таракъташ	<i>кесекере</i>
	Кутлакъ	<i>куртаунера</i>
	Отуз	<i>кестанкере</i>

Экспедицией был собран богатый фольклорный материал. Н. К. Дмитриев писал, что особенно большая работа в этом отношении проделана южным отрядом. На 500 страницах фольклорных записей содер-

жаты многочисленные варианты к известным турецким и крымским песням, причем они настолько исчерпывающие, что представляют собой весьма значительную фольклорную ценность [5]. Во время экспедиции удалось сличить старые записи Келлера (сделанные 60 лет тому назад) и Олесницкого (25-летней давности) с вариантами, распространенными в то время в тех же деревнях. Тем самым фольклор был изучен и в диахроническом плане.

В целом статья Н. К. Дмитриева «О методике изучения крымско-татарских диалектов и фольклора», опубликованная 45 лет тому назад, и по сей день остается основным руководящим пособием для каждого участника языковых и фольклорных экспедиций.

Первая крымская языковая экспедиция, проведенная под руководством талантливого ученого Н. К. Дмитриева, была настоящей школой для всех ее участников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Dmitriev N. K., Chatskaya O. Chansons populaires tatares//J. Asiatique. 1926. T. 207, № 2.*

² Первая Крымская языковая конференция (по новому латинскому алфавиту). Симферополь, 1927.

³ Вторая Крымская языковая конференция. Симферополь, 1929.

⁴ Третья Крымская языковая конференция. Симферополь, 1934.

⁵ *Дмитриев Н. К. О методике изучения крымско-татарских диалектов и фольклора//Экономика и культура Крыма. 1934. № 9.*

⁶ *Он же. Крымская языковая энциклопедия//Революция и письменность. 1936. № 2.*

⁷ Материалы предоставлены участникам экспедиции бывшим учителем и издательским работником, ныне пенсионером Джеппаром Акимовым.

В. И. ЦИНЦИУС

МОРФЕМИЗАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И СЛОЖНЫХ СЛОВ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Исследования в области исторической морфологии тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков при сравнительном подходе к их материалу помогают реконструкции базы современного (преимущественно агглютинативно-суффиксального) грамматического строя этих языков. Во многих случаях выясняется, что словообразовательные и словоизменительные морфемы восходят к полнозначным словам, пройдя длительный исторический путь в качестве служебных членов различных аналитических конструкций. Простейший и хорошо известный случай представляет собой суффигирование местоимений, к которым восходят личные аффиксы глаголов и именные притяжательные показатели.

Неодинаковые исторические условия и разные темпы развития лексического и грамматического строя языков и диалектов при сравнительно-историческом подходе к их материалу обеспечивают надежность тех или иных реконструкций с предельной степенью их вероятности, с почти очевидной осязаемостью. Особенно важно при этом не пренебрегать теми возможностями, которые предоставляются исследователю при выходе за пределы отдельных языковых семей алтайской общности (т. е. только тюркских или только монгольских, тунгусо-маньчжурских). Это положение можно пояснить на некоторых конкретных примерах.

Для каждой из указанных семей показатель принадлежности 3-му лицу гипотетически возводится к личному или лично-указательному местоимению **и* или **ин*. В тюркских языках само это местоимение не сохранилось. Но в пользу наличия его в этой семье языков в прошлом, по мнению алтаистов, в том числе и тюркологов, свидетельствует форма аффикса принадлежности 3-го лица. В частности, Н. К. Дмитриев, рассматривая особенности склонения слов с аффиксами принадлежности в башкирском языке, считает, что «при склонении слов с аффиксом принадлежности 3-го лица обоих чисел мы встречаем такие формы, как *атында* ('у его коня') вместо ожидаемого *атыда*. Их, очевидно, нужно разлагать на составные части так: *ат+ын+да*, а не *ат+ы+нда*, как делают школьные грамматики» [1. С. 65]. Здесь же, в связи с вопросом о происхождении башкирского аффикса принадлежности *-ын/-ен < -ин*, отмечается: «Существует мнение, что он восходит к указательному и личному местоимению *ин-у*, которое сохранилось в таком виде в монгольских языках, но могло быть свойственно также и тюркским языкам в их древнейшей стадии» [1].

Что касается монгольских языков, то интересующее нас местоимение 3-го лица зарегистрировано лишь в письменных памятниках древне-

и среднемонгольских периодов. На основании встречающихся в них форм восстанавливается почти полная парадигма склонения местоимения 3-го лица, за исключением именительного падежа. Эта последняя реконструируется в виде **и*, с учетом формы посессивного суффикса того же лица *-и*. В современных монгольских языках, как и в тюркских, о былом существовании местоимения 3-го лица свидетельствует лишь показатель принадлежности этому лицу, имеющий в своем составе согласный *н* и восходящий к форме родительного падежа **ину//*ини>-н>-ни~ -йн~ -йн'~ -н'~ -н* и т. д. [2. С. 214—222]. Ср.: бурят. *морин-йнь* 'его (их конь', *морин-до-нь* 'его (их) коню'.

В тунгусо-маньчжурских языках, за исключением маньчжурского, принадлежность 3-му лицу единственного числа также маркируется суффиксом в формах с *н*; ср.: эвенк. *мурин-ин*, эвен. *муран-ни*, нан. *мори(н)-н'и* 'его конь', эвенк. *мурин-дү-н*, эвен. *муран-ду-н*, нан. *морин-доа-н'и* 'его коню'.

В маньчжурском языке значение принадлежности предмета тому или иному лицу передается при помощи формы родительного падежа соответствующего местоимения, например: *мини морин* 'мой конь', *ини морин* 'его конь' и т. д. Таким образом, маньчжурская форма родительного падежа местоимения *ин-и* 'его' соответствует письменно-монгольской форме *ин-у*. При этом в маньчжурском языке имеется полная парадигма склонения местоимения 3-го лица единственного числа, включая форму именительного падежа, отсутствующую в памятниках монгольской письменности и совпадающую с реконструированной формой **и*, ср.: маньчжур. им. п. *и* 'он', род. п. *ин-и* 'его', дат. п. *ин-дэ* 'ему', вин. п. *им-бэ* 'его', исх. п. *ин-ци* 'от него'. Следовательно, только в маньчжурском языке сохранилась и дошла до наших дней предполагаемая форма общеалтайского местоимения 3-го лица **и* 'он', тогда как формы родительного падежа обнаружены в письменно-монгольском — *ин-у* и в маньчжурском — *ин-и*; кроме того, в этих же языках имеются формы других косвенных падежей местоимения **и* 'он', ср.: маньчжур. дат. п. *ин-дэ*, письм.-монг. *и-ма-дур* 'ему' и т. д. В тюркских же языках, как и в современных монгольских и в преобладающем большинстве тунгусо-маньчжурских, о былом существовании местоимения 3-го лица свидетельствуют лишь формы посессивных показателей, которые своим происхождением обязаны местоимениям. В общих чертах процесс превращения местоимений в аффиксы-морфемы рисуется следующим образом. Личные местоимения, форма родительного падежа которых выполняла роль местоимений притяжательных, употребляясь в постпозиции по типу монгольских памятников XIII—XIV столетий, — *чини—йча чини* 'твоя спина твоя' или *чимеки ину* 'украшение его' [3. С. 79—80], постепенно теряли самостоятельность отдельного слова, подчиняясь гармонии гласных, редуцируясь и т. д., т. е. становились аффиксами, морфемизировались. Но если местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа по своему фонетическому облику в общем могут быть соотносимы с соответствующими аффиксами, то утрата местоимения 3-го лица **и/*ин* во всех языках, кроме маньчжурского, с заменой его указательными местоимениями типа тюрк. *ол* или монг. *тэрэ* 'тот', тунгус.-маньчжур. *нуцан* 'он' не может не вызывать затруднений при поисках реального источника аффиксов 3-го лица [4. С. 77—78].

Среди тюркологов мало сторонников гипотезы о генетической общности алтайских языков. Но даже с позиций теорий контактов, волн, заимствований или «случайных совпадений» вряд ли следует обходить молчанием столь очевидную материальную близость личных местоимений и восходящих к ним грамматических показателей. Можно

лишь добавить, что дополнением к таким неисчерпаемым источникам истории языков, какими являются сами языки, могут служить и письменные памятники — древнетюркские VII—XIII вв. и последующие монгольские — начиная с XIII в. и маньчжурско-чжурчженские — с XII в.

Довольно широкое распространение среди алтаистов имеет точка зрения на типологическое сходство между «генетически неродственными» отдельными семьями тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Например, В. Котвич считает, что «тюркские, монгольские и тунгусские языки представляли собой три здания, построенные разными строителями из разного материала (скажем, из дерева, камня и бетона), но по одному плану; монгольский и тюркский планы были почти идентичны — некоторые отличия определялись лишь особенностями материала и вкусами строителей, в тунгусском же здании наблюдались многочисленные отклонения от конструкции» [5. С. 351].

Попытаемся показать, каким образом, учитывая «типологически общие тенденции», можно дополнительно аргументировать те или иные выводы при историческом подходе к морфологическим данным.

В тунгусо-маньчжурских языках довольно широко представлены различные производные от числительных, среди которых имеется ряд числительных собирательных. Одна из разновидностей собирательных числительных, служащих для обозначения группы людей как некоего единства, характеризуется присоединением к основе количественных числительных показателя *нй*, например, эвенк. и нан. *ила-нй* 'трое', 'втроем' при *илан* 'три'. Однако если для нанайца *ила-нй* 'трое' представляется сложным словом, возникшим из словосочетания *ила(н)* 'три' + *-нй* (<*най*) 'человек', то для эвенка формант *-нй* — лишь морфема, так как слова *нй* ~ *най* 'человек' в эвенкийском языке нет. Вместе с тем в негидальском языке наряду с формой *ела-нй* 'втроем' встречаются в том же значении сочетания количественных числительных с другим словом в значении 'человек', а именно *елан бэйэ* 'три человека', 'трое'. Кроме того, в эвенкийских и эвенских говорах в значении собирательных числительных употребляются сочетания количественных числительных с деепричастиями вспомогательных глаголов «быть» или «стать», например, эвенк., эвен. *илан бимй*, эвенк. *илан бинэ(л)* [6. С. 696], эвен. *илан биникэн* 'три будучи' = 'трое', 'втроем', эвен. *илан одыд йр* 'три став' = 'трое', 'втроем'.

Обращаясь к данным тюркских языков, мы видим довольно пеструю картину. В некоторых из них в значении «трое», «втроем» употребляются также сочетания количественных числительных с деепричастием на *n*, например, туркм. *йч болун* [7. С. 674], в других, например, в турецком, прибавляется слово «человек» — *йч киши* или *йч киши оларак*, *йч киши бир арада* 'трое', 'втроем'. По-видимому, в связи с «описательным» (аналитическим. — В. Ц.) характером подобных словосочетаний они в грамматических очерках не упоминаются, но приводятся в русско-турецком словаре [8. С. 48, 292, 311] в статьях «трое», «втроем»; вместе с тем данный способ выражения количественной собирательности для турецкого языка, как нам представляется, интересен в связи с лежащим на нем отпечатком истории языка. Об этом можно судить по сведениям хотя бы упомянутого словаря, где в статье «человек» на первом месте помещены арабизмы *инсан* и *адам*, а у последнего — *киши* в скобках дано пояснение: *обычно при числительных*. Наконец, во многих тюркских языках имеется специальная синтетическая форма собирательных числительных с различными аффиксальными вариантами, в составе которых в качестве первого компонента исторически восстанавливается двуслог **-ағу*; последний, в свою очередь, «представ-

ляет собой сочетание двух простых морфологических элементов: аффикса -а, образующего глагольные основы от имен, и аффикса -ғу, образующего имена действия» [4. С. 151—152]. Таким образом, др.-тюрк. *йч-ă-гү* 'трое' в дословной расшифровке должно было бы обозначать что-то вроде «утроение» или «строенное». Эта форма числительных, принимая аффикс орудного, т. е. творительного, падежа -н, приобретает обстоятельственную функцию, и, следовательно, др.-тюрк. *йч-ă-гү-н* означает 'втроем' ('утроенно'). Далее, согласно изложению А. М. Щербака [4. С. 152—153], в ряде тюркских языков наблюдается наращение аффиксов -ла, -лан, причем аффикс -ла некоторыми тюркологами рассматривается также как глаголообразующий, а конечный н толкуется как древний деепричастный показатель. В итоге усложненное формообразование разрастается до пяти-шестиморфемного, ср.: *йч-ă-гү-лă-йй-н* (*йч-ă-гү-лă-н*). Но именно многочленный аффикс -ғу-ла-н//гү-ле-н зафиксирован в памятниках письменного монгольского языка, причем Е. Котвич считал его для монгольских языков тюркизмом [9. С. 207], Дж. Клосон, напротив, рассматривал его как монголизм в тюркских языках [10. С. 31], а Г. Рамstedт, отмечая общность тюркского и монгольского -абу, пытался разъяснить структуру собирательных числительных этих языков, подбирая, как это обычно свойственно ходу его этимологических изысканий, «рациональное построение: элемент -абу он предположительно сопоставлял с письменно-монгольским *абулжа*-, калм. *үлэ*- 'совпадать', тогда как в морфеме -ла/-ле был склонен видеть обобщающую или усиливающую функцию» [11. С. 67].

Итак, структура собирательных числительных тюркских и монгольских языков по имеющимся этимологиям их морфологического состава как будто бы тяготеет к отглагольным образованиям. Среди тунгусо-маньчжурских языков к такой модели в некоторой степени приближаются аналитические словосочетания типа эвенк. и эвен. *илан бимй*, *илан бинэ(л)*, *илан биникэн*, *илан одыд'ур* 'трое будучи', 'трое став', о которых говорилось выше. Вместе с тем «описательная» или кажущаяся описательной для тюркских языков конструкция со словом «человек» — тур. *йч киши* 'три человека', 'втроем' в тунгусо-маньчжурских языках прошла путь морфемизации слова, означающего «человек» (-нй < най).

Для тунгусо-маньчжурских языков вообще характерно наличие разнообразных морфологических показателей собирательности, некоторые из которых возводятся к отдельным словам [12. С. 79—119]. Здесь, с привлечением тюркских данных, можно предложить этимологию суффикса -г (у), с помощью которого образуются имена собирательные — названия различных растительных сообществ, а также вообще скопления предметов в одном месте, например: эвенк., эвен. негид. *чăлбăн* 'береза'—эвенк. *чăлбуѳ*, негид. *чăлбăг*, эвенк., эвен. *чăлбукаг* 'березняк', 'заросли березы, березовая роща'; эвенк. *д'оло*, эвен. *д'ол* 'камень'—эвенк. *д'олог* ~ *д'олуг*, эвен. *д'олакаг* 'каменистая россыпь'; эвен. *бэй* 'человек', *бэйсэг* 'группа людей; семья; домашние'. В этимологическом словаре тюркских языков имеется статья с глаголом *йг-йг*- 'собирать/складывать в кучу' и допускается наличие в прошлом именной омоформы **йг/йг*, а среди производных от *йг*- приводится существительное на -р, в частности др.-тюрк. *йгйр* 'стадо, табун, стая' [13. С. 620—621]. В «Древнетюркском словаре» для разъяснения широты значения этого слова имеется интересное изречение: *Камуѳ ненци кърдйѳ оз йгрун йорыр/киши, йылкы куш курт оз йгрийн билир* 'Все существа, которых я видел, ходят в своем стаде/табуне или стае/; человек, лошадь, птица,

червь знают свое стадо/табун или стаю/' [14. С. 623]. Можно было бы сказать «сообщество», «скопление себе подобных». Таким образом. тунгусо-маньчжурский собирательный суффикс -г, возможно, ведет свое начало от слов *ŷe 'сообщество, скопление', о существовании которого в прошлом свидетельствуют данные тюркских языков. Мне представляется, что глубинные поиски истоков сложения морфологии алтайских языков требуют предположения о происхождении формальных и словообразовательных морфем от лексических в прошлом единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
2. Porre N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki. MSFOu. 1955.
110. 3. Понне Н. Н. Монгольский словарь «Мукаддимат ал-Адаб». М.; Л., 1938.
- Т. 1—2.
4. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977.
5. Котвич В. Исследования по алтайским языкам/Пер. с польск. М., 1962.
6. Васильева Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
7. Туркменско-русский словарь. М., 1968.
8. Магазаник Д. А., Михайлов М. С. Русско-турецкий словарь. М., 1943.
9. Kotwicz W. Contributions aux études altaïques//RO (1929—1930). 1931. 7, 2: Les noms des nombres.
10. Clauson G. The Turkish Numerals//JRAS. 159. April.
11. Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание/Пер. с нем. М., 1957.
12. Цинциус В. И. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках//Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. 1946. Вып. 10, № 69.
13. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

Г. С. ИСМАЙЛОВ

ИЗУЧЕНИЕ ТУРЕЦКОЙ ФИЛОЛОГИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 60—80-е ГОДЫ)

Изучение тюркологии в Советском Азербайджане имеет давние и прочные традиции. С первых же лет Советской власти Баку становится признанным центром тюркологических исследований, которые достигают своего наивысшего расцвета в 20-х годах. В этот период в научно-популярных, литературно-художественных журналах «Хеберлер» («Известия»), «Маариф ва маданият» («Просвещение и культура»), «Ингилаб ва маданият» («Революция и культура»), издаваемых Обществом по изучению Азербайджана, публикуются статьи по важнейшим проблемам тюркологии, в частности по языку, литературе, фольклору, истории Азербайджана и других тюркоязычных народов. На страницах этих журналов с серьезными исследованиями выступали не только азербайджанские ученые — С. Мумтаз, Б. Чобанзаде, В. Хулуфлу, А. Абид, Х. Зейналлы, А. Назим и другие, но и видные русские советские ученые, в том числе академики В. В. Бартольд, В. А. Гордлевский, А. Н. Самойлович, И. И. Мещанинов, а также известные турецкие исследователи — Ф. Кепрюлю, И. Хикмет, Мехияддин и др. Именно в это время были изданы такие ценные работы, как «История турецкой литературы» И. Хикмета в 4-х томах, «Исследования по литературе азери» Ф. Кепрюлю, поэтические сборники Тевфика Фикрета (1923), Назыма Хикмета (1928), а также исследования азербайджанских ученых о творчестве указанных авторов.

Однако, вне всякого сомнения, важнейшим событием тех лет стал состоявшийся в Баку в феврале—марте 1926 г. Первый съезд тюркологов, в работе которого наряду с советскими (в частности азербайджанскими) востоковедами приняли участие видные тюркологи различных стран мира. Первая часть 63-го тома журнала «Мусульманский мир» за 1926 г., издаваемого в Париже, вышла под заголовком «Баку—центр новой культуры» и включала в себя две крупные публикации, одна из которых была посвящена Первому съезду тюркологов. Участник съезда — видный турецкий ученый проф. Ф. Кепрюлю по возвращении из родины писал в статье, опубликованной в газете «Джумхуриет»: «С большим удовлетворением можно отметить, что в Советском Союзе изо дня в день растет число научных исследований по вопросам тюркологии».

Однако расцвет тюркологической науки, изучение фольклора, языка и литературы тюркоязычных народов продолжались лишь до первой половины 30-х годов. Жертвами культа пали многие талантливые ученые, обвиненные в пантюркизме, вследствие чего тюркологическим исследованиям был нанесен непоправимый ущерб.

Новый толчок к изучению турецкой филологии, оживлению науч-

ной деятельности в этом направлении дало создание турецкого отделения при факультете востоковедения АГУ им. С. М. Кирова и отдела турецкой филологии в Институте востоковедения АН Азербайджанской ССР.

За последнюю четверть века по турецкой филологии было защищено несколько кандидатских и докторских диссертаций, издано 7 монографий, 2 сборника «Вопросы турецкой филологии», большое количество статей.

Тематику проблем, разрабатываемых литературоведами после 60-х годов, условно можно распределить следующим образом: 1 — теоретические вопросы турецкой литературы; 2 — литературные жанры; 3 — просветительство и создание национальной литературы; 4 — социальные проблемы; 5 — национально-освободительное движение; 6 — отражение социалистических идей; 7 — борьба за мир и демократию; разоблачение империализма и фашизма; 8 — литературные портреты видных писателей; 9 — взаимодействие турецкой литературы с литературами народов Ближнего и Среднего Востока, в том числе азербайджанского.

Известный азербайджанский ученый, глубокий знаток теоретических проблем восточной поэтики (в частности размера аруз), Акрам Джафар написал ряд ценных с научной точки зрения статей [1—3]. В монографии «Теоретические основы аруза и азербайджанский аруз» (1977), явившейся, по сути, первым фундаментальным исследованием по проблемам аруза, А. Джафар методом сравнительного анализа рассматривает употребление этого размера в поэзии ряда народов Ближнего и Среднего Востока. С одной стороны, в книге критически осмысляются различные теоретические проблемы и направления научной области, занимающейся изучением аруза, с другой — до сведения читателя доводятся правила и нормы употребления аруза в восточной поэзии. Отводя значительное место также изучению проблем употребления и исследования аруза в турецкой поэзии, азербайджанский исследователь высказывает свое отношение к работе, проводимой в этой области турецкими учеными.

Исследование Г. М. Тантекина «Отражение огнепоклонства в народном творчестве» (1972) посвящено проблемам использования темы огнепоклонства в фольклоре азербайджанцев, турок, туркмен. Привлекая особое внимание в плане выявления взаимосвязей фольклора и мифологии тюркских народов, оно затрагивает вопросы, связанные с обожествлением огня у древних людей, с такими синкретическими представлениями тюркоязычных народов, как огонь и семья, огонь и смерть, огонь и хлебопашество, огонь и охота. Автор в этимологическом аспекте анализирует отдельные антропоморфизмы и зооморфизмы, обозначающие солнце, свет, молнию, засуху и т. д. В главе «Дели Беджан и прототип образа Кероглу» исследователь выдвигает новые мысли и соображения относительно связи обоих образов со вспышкой молнии.

Заслуживают внимания полемичностью и оригинальностью суждений статьи Г. М. Тантекина «Образ пера в волшебных сказках», «Сказочная версия эпоса „Гильгамеш“ и „Кероглу“», написанные на основе азербайджанского и турецкого фольклорного материала.

Еще в первом номере журнала «Сервети-фюнун», сыгравшего важную роль в создании новотурецкой литературы, проводилась мысль о том, что основной направленностью публикуемых в нем материалов является защита и пропаганда всего нового, передового, служащего задачам просвещения страны, развитию наук, искусства и культуры в целом. В плане сказанного вызывает интерес исследование М. Гюльма-

лиева, посвященное художественно-эстетическим воззрениям различных турецких писателей. Автор затрагивает вопросы, связанные с борьбой нового со старым, отживающим в литературной жизни Турции конца XIX—начала XX в., показывает стремительное развитие в стране европеизированной литературы, формирование мировоззрения таких «серьези-фюнунистов», как Т. Фикрет, Х. Зия, М. Рауф, Х. Джахид и др. [4. С. 160—165].

Среди работ, в которых рассматриваются литературные жанры, особое внимание привлекает исследование А. Расулова «Жанр очерка в турецкой литературе» (1983), в котором определяется место очерка среди других литературных жанров и дается оценка творчества современных турецких писателей-реалистов, создающих произведения в этом жанре, характеризуется их тематика [5. С. 55—56; 6. С. 27—30].

Проблемы традиций и новаторства в литературе Востока XX в. всегда привлекали внимание исследователей. В их работах достижения всемирно известных турецких писателей в жанрах поэзии, повести, романа и драмы рассматриваются с точки зрения использования ими как традиционных, так и новаторских методов отражения действительности. Заслуживает внимания исследование А. Нахмедова «Традиции и новаторство в драматургии Азиза Несина» (1985). Получив всемирную известность как признанный мастер сатиры, А. Несин в то же время проявил себя как талантливый драматург. Он автор более 20 пьес. Осуществлены (и с большим успехом) постановки многих его драматических произведений не только в Турции, но и за ее пределами.

А. Нахмедов делает вывод, что на развитие драматургии А. Несина, с одной стороны, оказали влияние фольклор и произведения народного театра «Карагёз», «Меддах», а с другой — пьесы Г. Ибсена, Б. Шоу, Б. Брехта и других известных драматургов. Одной из причин достигнутого драматургом успеха исследователь считает новаторское использование им формы, структуры и отдельных элементов народного театра, неразделимый сплав турецкой драматургии с традициями мировой драматургии [7. С. 18—24; 8].

Великий Октябрь оказал огромное влияние на развитие передовой турецкой общественной мысли и демократической литературы. Однако это влияние до сих пор изучено крайне мало. Первая попытка в этом направлении была предпринята Г. Исмайловым, который в своих статьях всесторонне проанализировал произведения великого турецкого поэта Назыма Хикмета, страстного революционера, убежденного коммуниста, его работы, посвященные Октябрьской революции и строительству социализма. Г. Исмайловым было затронуто творчество таких видных турецких писателей, как Садри Эртем, Сабахаттин Али, Орхан Кемаль, Яшар Кемаль, Азиз Несин, Халдун Танер, Самим Коджагёз, Талиб Апайдын, Ильхан Сельджук, Фатхи Наджи, произведения которых посвящены движению за национальное освобождение, дружбе с Советским Союзом, борьбе за социализм, разоблачению антинародной сущности империализма, борьбе за мир и дружбу [9. С. 102—119; 10. С. 155—159; 11. С. 168—189; 12. С. 127—139; 13. С. 105—110].

В работе З. Ашимова «Возникновение национального течения в турецкой поэзии в первой четверти XX в.» (1983) широко анализируется творчество видного турецкого поэта Мехмета Эмина и пяти других поэтов-хеджистов. В то же время в ней показана большая роль национально-освободительного движения в возникновении и развитии национальной поэзии. В последнее время появились статьи, посвященные национально-освободительному движению в турецкой поэзии и романе [14. С. 49—56; 15. С. 62—68; 16. С. 25—36; 17. С. 67—72].

Ведущей темой современной турецкой литературы является отражение важнейших социально-экономических проблем страны. По этой причине в центре внимания литературоведов находится творчество тех современных писателей, которые в своих произведениях затрагивают серьезные общественно-политические задачи. Так, в исследовании Г. Кулиевой «Крестьянский вопрос в турецкой прозе после второй мировой войны» (1968) эта довольно актуальная тема широко анализируется на примере произведений, созданных известными турецкими писателями Факиром Байкуртом, Самимом Коджагёзом и Кемалем Тахиром. Исследователь справедливо полагает, что эта тема получила наибольшее распространение в турецкой прозе после 50-х годов [18. С. 215—221; 19. С. 199—207; 20. С. 102—119; 21. С. 48—60].

В работе А. Керимова «Социальные мотивы современной турецкой ашугской поэзии (1945—1975)» речь идет о социальных мотивах, разрабатываемых в творчестве представителей ашугской поэзии различных периодов, особенно современной. В исследовании всесторонне анализируются такие социальные мотивы, как борьба против капитализма, религиозных предрассудков, разоблачение империализма и войны, призывы к миру, построению справедливого общества [22. С. 64—69; 23. С. 42—47; 24. С. 41—44; 25. С. 61—63; 26. С. 45—67; 27].

В советском литературоведении современная турецкая драматургия исследована крайне слабо (за исключением творчества Н. Хикмета). С этой точки зрения привлекает внимание монография А. Бабаева «Социальные мотивы в современной турецкой драматургии» (1982). Автор исследует факторы, давшие толчок к возникновению жанра драмы, затрагивает тематический диапазон турецкой драматургии. Однако главный акцент делается на анализ творчества видных драматургов, решающих в своих произведениях важнейшие общественно-политические проблемы жизни страны. Отдельные главы книги посвящены изучению пьес Назыма Хикмета, Азиза Несина, Халдуна Танера, Неджати Джумалы. В заключительной главе исследованы пьесы Адалята Агаоглы, Сермета Чагана, Реджапа Бильгинера.

Как драматург, Н. Хикмет давно привлекает внимание А. Бабаева. Первая его работа так и называется «Драматургия Назыма Хикмета» (1967) [28. С. 136—142; 29. С. 61—67; 30. С. 43—51; 31. С. 141—149]. Спустя 15 лет он вновь обращается к драматургии поэта, глубоко проникая в многообразную тематику его пьес, их общественно-политическую значимость. Исходя из богатства содержания и формы драматургии поэта, жизненности его реализма, общечеловеческой сущности, автор с полным на то основанием утверждает, что пьесы Назыма Хикмета, занимая достойное место в современной мировой литературе, еще не раз станут объектом научного исследования.

Видные мастера слова А. Несин, Х. Танер, Н. Джумалы сравнительно мало известны советскому читателю как драматурги, хотя их драматические произведения благодаря своему резко сатирическому и гуманистическому характеру, новизне формы и содержания пользуются славой и известностью не только в самой Турции, но и во многих странах мира. Основную причину подобного успеха А. Бабаев усматривает главным образом в том, что пьесы тесно связаны с реальной жизнью и, уходя корнями в народное творчество, возрождают традиции Н. Хикмета.

Необходимо отметить, что в Советском Союзе публиковались отдельные статьи, посвященные творчеству видных представителей турецкой литературы, таких, например, как Караджаоглан, А. Хамид, Т. Фикрет, О. Сейфеддин, Р. Нури, Н. Хикмет, М. Дж. Андай, О. Ханчерли-

оглу, Х. Танер, однако лишь азербайджанским тюркологами удалось создать серьезные и солидные по объему работы о жизни и творчестве названных писателей.

С этой точки зрения можно сослаться на исследование Х. Кулиевой-Кавказлы «Караджаоглан» (1985). Анализируя историю развития турецкой ашугской поэзии, автор затрагивает вопросы, связанные с эпохой, жизнью и творчеством поэта, с нашедшими в его произведениях отражение социальными мотивами. Говоря о связи поэзии ашуга с народным творчеством, Х. Кулиева-Кавказлы приходит к выводу, что Караджаоглан как своими лирическими, так и социальными мотивами возродил в ашугской литературе все присущие ей положительные черты и особенности.

Турецкая литература эпохи Танзимата отличается в плане ее просветительского значения; яркий след в ней оставили такие видные представители романтического направления как писатели-просветители И. Шинаси, Н. Кемаль, А. Хамид и др.

Именно под таким углом зрения подошел А. Курбанов к богатому и многостороннему литературному наследию Абдулхака Хамида в своей книге «Абдулхак Хамид» (1987). Выделяя характерные особенности литературной жизни эпохи Танзимата, прослеживая жизнь и творчество Хамида, автор раскрывает новизну формы и содержания его поэзии и драматургии, анализирует пьесу «Дочь Индии», связывая ее с историей азербайджанской литературы и театра.

Первым всеобъемлющим исследованием жизни и творчества известного турецкого поэта Т. Фикрета следует признать работу Р. Гусейнова «Тевфик Фикрет» (1981). В книге показаны формирование материалистических взглядов поэта, его борьба против султанского господства, освещены вопросы, связанные с созданием литературы европейского типа, разработкой поэтом новых методов обучения и воспитания подрастающего поколения. Р. Гусейнов рассматривает также детские стихи поэта, дает идейно-художественный анализ произведений, разоблачающих бесправие женщины [32. С. 45; 33. С. 110—116; 34. С. 130—137; 35. С. 22—31; 36. С. 12—19].

Одним из основоположников реалистического турецкого рассказа является Омер Сейфеддин, привлекающий внимание прежде всего как типичный представитель турецкой литературы начала века и как писатель, сыгравший значительную роль в развитии турецкой прозы. Произведения Омера Сейфеддина неоднократно издавались в СССР, хорошо известны читателю, однако изучены очень мало. Этим и объясняется интерес к монографии А. Абыева «Жизнь и творчество Омера Сейфеддина». Коротко охарактеризовав общественно-политическое положение Турции начала XX в., состояние ее литературы, автор переходит к идейно-художественному анализу произведений турецкого писателя, выделив для этой цели ряд разделов — «Первые критические стрелы молодого писателя», «Удар по войне и империализму», «Художественное отражение противоречий эпохи», «Мастерство Омера Сейфеддина».

Анализу романов Р. Нури, отражающих общественно-политические проблемы Турции 20—40-х годов, посвящена монография А. Ахмедова «Романы Решада Нури» (1965). Автор рассматривает Решада Нури как первого турецкого писателя, изобразившего в своих произведениях тяготы и лишения простого народа Анатолии. Важным событием в турецкой прозе исследователь считает создание в романах турецкого писателя образов честных интеллигентов, резко бичующих феодальную кабалу и зарождающиеся капиталистические отношения, а также обра-

зов учителей, которые трудились не покладая рук во имя счастья своего народа.

Проведя соответствующую классификацию романов писателя, автор исследования показывает, что Решад Нури, наряду с расширением идейно-тематического диапазона турецкого романа и упрощением его языка, привнес в него новые элементы. По мнению А. Ахмедова, произведения видного мастера турецкой прозы сыграли важную роль в развитии турецкого романа.

В работе В. Эфендиева «Творческий путь Орхана Ханчерлиоглу» (1967) исследуются романы известного турецкого писателя, созданные главным образом в 50-х годах. Исследователь подчеркивает, что писатель, обладая оригинальным, присущим лишь ему одному стилем, поднимает в своих произведениях важные социальные проблемы, описывает боевой дух народа и его тяжелое положение при капитализме. Классифицируя романы турецкого писателя по тематике, автор приходит к выводу, что в произведениях, описывающих жизнь села и города, Ханчерлиоглу значительное место уделяет проблеме взаимоотношений города и интеллигенции, обобщает характерные черты жизни Турции 50-х годов [37. С. 11—12; 38. С. 141—154; 39. С. 61—79].

По неизвестным причинам турецкая поэзия по сравнению с прозой крайне редко становилась объектом исследований азербайджанских ученых. Именно поэтому особое внимание привлекает исследование Б. Османова «Жизнь и творчество Мелиха Джевдета Андая» (1979), посвященное творчеству видного турецкого поэта. В работе рассматривается развитие турецкой поэзии и литературы 30—40-х годов, находившейся под сильным влиянием Н. Хикмета, исследуется процесс обновления турецкой поэзии на примере таких ее представителей, как О. Вели, М. Джевдет, О. Рифат и другие, прослеживаются социальные, политические и литературные основы поэтического направления «Первые новые».

Разделив поэтическое творчество М. Джевдета на три этапа, автор отмечает, что каждый из них характеризовался свойственной ему многообразной тематикой, оригинальным поэтическим покровом, тесной связью с традициями турецкого народа [40. С. 54—60; 41. С. 61—66; 42. С. 80—92].

Халдун Танер относится к числу тех талантливых турецких писателей, которые принесли мировую славу турецкой новеллистике и драматургии в период, последовавший за 50-ми годами. Широкий идейно-тематический анализ новелл и публицистики этого турецкого писателя осуществлен в работе С. Касумова «Художественная проза Халдуна Танера» (1982) [43. С. 23—29; 44. С. 67—71; 45. С. 93—99; 46. С. 22—27].

Одной из важнейших проблем, привлекающих внимание азербайджанских литературоведов, является изучение азербайджанско-турецких литературных связей. Исследования в этой области ведутся в основном в двух направлениях: распространение образцов азербайджанского фольклора, произведений азербайджанских классиков—Низами, Насими, Хатаи, Физули, Ахундова, Сабира и других в Турции; распространение турецких классиков Руми, Юнуса Эмре, Караджаоглана, А. Хамида, Т. Фикрета, Н. Хикмета и других в Азербайджане.

Среди исследований, ведущихся в первом направлении, наибольшее внимание привлекает, вне всякого сомнения, монография Н. Араслы «Низами и турецкая литература» (1980). В работе прослеживается влияние творчества Низами, тесно связанного с тюркским устным народным творчеством и общетюркскими памятниками, на турецкую

литературу. В частности, в главах книги «Переводы произведений Низами на турецкий язык», «Темы „Хамсе“ и турецкая литература», «Влияние Низами на турецкую эпическую поэзию», «Изучение наследия Низами в Турции» всесторонне излагаются причины глубокого, многообразного и длительного воздействия творчества Низами, занимающего исключительное место в развитии художественного мышления Востока, на турецкую литературу.

В фундаментальном исследовании видного физиуливеда М. Гулизаде «Лирика Физули» анализируется взаимосвязь творчества гениального азербайджанского поэта и турецкой литературы. Неслучайно один из разделов главы «Традиции поэзии Физули» называется «Физули и турецкая литература». Важный вклад в изучение взаимосвязей литератур внесли работы других азербайджанских литературоведов. Так, можно указать на главу «Тема „Хосров и Ширин“ и турецкая литература» из монографии Г. Бегдели «„Хосров и Ширин“ в литературе Востока», на главу «М. Ф. Ахундов и Турция» из книги Г. Мамедзаде «Мирза Фатали Ахундов и Восток» и, наконец, на главу «Изучение и оценка азербайджанской сатиры XX в. турецкими и западно-европейскими учеными» из монографии Н. Ахундова «Азербайджанские сатирические журналы, 1906—1920».

К названным работам можно добавить также статьи А. Курбанова «Темы „Низами в турецкой драматургии“», А. Абыева «Физули и турецкие сатирики», Г. Исмаилова «Сабир в Турции».

Среди исследований второго направления — турецко-азербайджанские литературные связи — привлекает внимание изданная в Москве в 1966 г. работа Г. Араслы «Тевфик Фикрет и Азербайджан», представляющая собой, по сути, текст доклада, с которым автор выступил на Первом конгрессе балканистов, проходившем в Софии 26 августа—1 сентября 1966 г. под эгидой Международной ассоциации по изучению стран Юго-Западной Европы.

Т. Фикрет относится к числу тех мастеров слова, которые сыграли важную роль в развитии не только новотурецкой, но и всей в целом литературы народов Ближнего и Среднего Востока. Неслучайно передовые, революционные идеи, проводимые талантливым мастером слова, оказали большое влияние на литературу многих народов, в частности курдов, персов, арабов, в том числе и на литературу тюркоязычных народов — азербайджанцев, казахов, узбеков, татар, башкир и т. д.

Г. Араслы справедливо подчеркивает, что азербайджанские писатели нескольких поколений испытали на себе воздействие идей Т. Фикрета, в частности Гусейн Джавид, Мухаммед Хади, Аббас Сиххат, Абдулла Шанк, Джафар Джабарлы, Самед Вургун, Михаил Мушфик. Тема «Тевфик Фикрет и Азербайджан» дает богатый материал для солидной научно-исследовательской работы.

Многосторонними и широкими были связи с Азербайджаном Назыма Хикмета. Начиная с 20-х годов и до конца своей жизни турецкий поэт поддерживал дружеские контакты с деятелями культуры Азербайджана. Его жизнь и творчество, полные борьбы, поисков и лишений, нашли отражение практически во всех областях азербайджанской литературы и искусства. Раннее творчество Н. Хикмета (20-е годы) рассматривалось критиками М. Рафили, М. Кулиевым, А. Назимом. После 50-х годов богатое творческое наследие турецкого поэта стало объектом научных исследований. Так, в книге «Назым Хикмет» (1978) А. Бабаева прослеживаются этапы развития творческого пути поэта, подвергаются анализу пьесы, исследуются его связи с Азербай-

джаном. В своей работе автор широко использовал фотодокументы, статьи, воспоминания, интервью с поэтом и др.

Говоря о связях Н. Хикмета с Азербайджаном, нельзя не упомянуть и об изданной Г. Исмайловым на азербайджанском, русском и турецком языках статье «К вопросу об интернационализме Назыма Хикмета» и «Назым Хикмет и Азербайджан», о статьях А. Азера «Надежный друг нашей литературы — Назым Хикмет» и «Драматургия Назыма Хикмета в азербайджанском литературоведении», З. Искендерова «Назым Хикмет и драматический театр» и др.

За последнее время опубликованы статьи по различным проблемам турецкой литературы, ее жанров, ашугской литературы, исследования го творчеству таких видных представителей турецкой прозы, как Гусейн Рахми, Яшар Кемаль, Азиз Несин, Самим Коджакёз и др. [47. С. 155—175; 48. С. 92—95; 49. С. 34—38, 50; С. 37—45; 51. С. 200—219; 52. С. 92—101; 53. С. 112—119; 54. С. 40—44; 55. С. 214 — 224; 56. С. 150—160; 57. С. 207—214; 58. С. 74—91; 59. С. 35 — 44; 60. С. 21—36; 61. С. 225—234; 62. С. 46—52; 63. С. 29—40; 64. С. 5—20; 65. С. 50—56; 66. С. 14—21; 67. С. 120—129].

В центре внимания азербайджанских литературоведов всегда были мотивы борьбы против империализма, характерные для литератур народов Ближнего Востока. В турецкой литературе одно из центральных мест занимает также тема борьбы за мир [68. С. 103; 69. С. 7; 70. С. 61—67; 71. С. 10—27; 72. С. 35—47; 73. С. 73—83].

Как видно, азербайджанские тюркологи затрагивали наиболее важные проблемы турецкой литературы анализируемого периода. И все же основная работа еще впереди. За исключением изданных в Москве работ А. Бабаева и Т. Меликова, мы практически до сих пор не располагаем научными разработками всесоюзного уровня.

Сейчас вся наша надежда на молодых. Впереди их ждет освещение взаимосвязей фольклора азербайджанских и турецких народов, сравнительный анализ творческого наследия азербайджанских и турецких классиков и т. д.

Изучением турецкого языка в республике занимаются в основном сотрудники кафедры тюркологии, турецкого отделения кафедры ближневосточных языков АГУ им. С. М. Кирова и некоторые отделы Института языкознания АН Азербайджанской ССР. Исследования ведутся главным образом в трех направлениях: а) изучение древнетюркских письменных памятников, б) сравнительно-исторический анализ тюркских языков, в) выявление проблем грамматической структуры современного турецкого языка.

В изучение древнетюркских письменных памятников и современных тюркских языков большой вклад внес Ф. Зейналов. Особо стоит выделить такие его монографии, как «Очерки по сравнительной грамматике тюркских языков» (1959), «Служебные части речи в тюркских языках» (1971), «Сравнительная грамматика тюркских языков» (в 2 ч. 1974—1975), «Древнетюркские письменные памятники» (1980), статьи Махмуда Кашгари и его произведение «Дивани лугат ит-тюрк», «Дастан Ахмед Харамии», «Огузско-сельджукские памятники и азербайджанский язык», «К вопросу о происхождении азербайджанского языка» и др.

Ф. Зейналов является также автором фундаментального пособия «Основы тюркологии» (1981), ставшего итогом его длительных изысканий в области сравнительной грамматики тюркских языков. В работе рассматриваются процесс возникновения, развития и формирования тюркских языков, история их изучения, современное состояние.

Большой интерес представляет сборник «Вопросы азербайджанской филологии» (вып. 1—2. 1983—1984), в котором помещены статьи как маститых, так и молодых ученых. В этих статьях исследуются крайне актуальные, насущные проблемы азербайджанского языка, литературы, этнографии и фольклора, с привлечением новейшего фактического материала, прослеживается происхождение азербайджанского языка, связь тюркских языков с древними евразийскими языками, раскрывается семантическое значение отдельных обрядов и обычаев азербайджанского народа.

Древнетюркским письменным памятникам посвящены работы Т. Гаджиева, Г. Рамазанова, Дж. Джафарова, А. Шукюрова, И. Мамедова и др.

Заслуживает одобрения научная работа в этой области молодых талантливых языковедов и критиков: Айдына Мамедова, Кямила Велиева, Кямала Абдуллаева и др. [74—76].

В исследовании К. Велиева «Поэтический синтаксис „Китаби Деде Коркуда“» указанный дастан изучается путем сопоставления его с дастанами других тюркских народов. Любопытные суждения о специфических особенностях дастана, о содержании и форме его стихов высказал в своей работе «Диадема Деде Коркуда» К. Абдуллаев. Он совершенно справедливо считает, что именно в размерах дастана прослеживаются элементы мифологического мышления народа.

Работа турецкого отделения кафедры ближневосточных языков факультета востоковедения АГУ им. С. М. Кирова ведется главным образом по проблемам, связанным с изучением современного турецкого языка, подготовкой учебников и методических пособий.

В плане сказанного привлекают внимание монографии и отдельные статьи А. Эйвазова: «Степени сравнения имен прилагательных в современном турецком литературном языке» (1967), «Фонетика современного турецкого литературного языка» (1977), «Тексты для чтения и перевода в современном турецком языке» (1986) [77—80]. На основе богатого фактического материала автор прослеживает историю изучения степеней сравнения имен прилагательных в современном турецком литературном языке, раскрывает закономерности их образования. Там, где это необходимо, автором для сравнения приводятся данные из других тюркских языков.

В исследовании Р. Рустамова «Междометие в современном турецком литературном языке» (1980) выявляются характерные особенности образования междометий как частей речи, выявляются их сходные и отличительные черты в сравнении с главными и служебными частями речи, анализируются семантические и фонетические особенности [81. С. 49—54; 82. С. 36—42; 83. С. 51—56; 84. С. 65—68; 85. С. 67—71; 86. С. 37—41; 87. С. 44—47].

Автор статей, посвященных чистоте турецкого языка, способам образования в нем новых терминов, — Г. Садыкова больше известна как составитель словарей технической терминологии [88. С. 38—41; 89. С. 55—60; 90. С. 56—60; 91. С. 75—79; 92—94].

А. Алиев в своих статьях основное внимание уделяет анализу сложноподчиненных предложений с союзом «ки», употребляемых в современном турецком языке [95—99]. Не остались без внимания и важнейшие проблемы упрощения турецкого литературного языка, а также переводов с него и др. [100. С. 162—172; 101. С. 56—62; 102. С. 36—40; 103. С. 44—47; 104. С. 31—34].

Настоящая обзорная статья носит научно-информационный харак-

тер и ставит задачу дать представление о разработках в области тюркологии, ведущихся в Азербайджане в последнее время. Разумеется, в силу ограниченности ее объема мы не имеем возможности критически проанализировать все исследовательские работы, созданные в течение 60—80-х годов. В то же время мы можем сказать, что практически во всех исследованиях 60—80-х годов, посвященных турецкой литературе, основное внимание уделяется социологическому анализу художественных произведений. Для наглядности приведем названия лишь части работ: «Крестьянский вопрос в турецкой прозе после второй мировой войны», «Социальные мотивы в современной турецкой литературе», «Социальные мотивы в современной турецкой ашугской поэзии», «Социальные мотивы в современной турецкой драматургии», «Социальные мотивы в творчестве современного турецкого писателя Самима Коджакеза», «Социальные мотивы в рассказах Халдуна Танера» и т. д.

Как видно, во всех исследованиях вне поля зрения критиков остались проблемы развития отдельных литературных жанров, вопросы мастерства того или иного художника. Названия статей и монографий повторяются, дублируют друг друга, одним словом, работы, решающие подлинно научные задачи, отсутствуют.

В свете сказанного совершенно очевидно, что поэтическое творчество Назыма Хикмета, прозаическое — Саита Фаика, романическое — Яшара Кемаля, сатирическое — Азиза Несина и других завоевавших мировую славу турецких писателей должны исследоваться не в рамках каких-то узких надуманных, а в плане всестороннего, широкого изучения всех аспектов их художественного мастерства и стиля. С этой точки зрения азербайджанско-турецкие литературные связи все еще ждут всестороннего, научно обоснованного анализа.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство азербайджанских языковедов, по-видимому, пришло к выводу, что отдельные исторические и современные проблемы азербайджанского языка невозможно решить без изучения других родственных языков (к большому сожалению, азербайджанский язык до последнего времени изучался именно таким антинаучным методом.—Г. И.), напротив их следует рассматривать в сравнительно-сопоставительном аспекте.

На наш взгляд, исследования в области тюркологии, о которых речь шла выше, представляют собой лишь первые шаги в этом направлении.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Джафар Акрам. О перспективах создания сравнительной поэтики народов Ближнего и Среднего Востока//Вопросы иранской филологии. Баку, 1966.

² Он же. Тевфик Фикрет о метрике стихосложения и метры его поэзии//Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969.

³ Он же. О некоторых спорных вопросах метров стихосложения в турецкой филологии//Вопросы турецкой филологии. Баку, 1971. Вып. 1.

⁴ Гюльмалиев М. Некоторые заметки о литературно-эстетических взглядах турецких писателей журнала «Сервети-фююн»//Литература и фольклор народов Востока. М., 1967.

⁵ Расулов А. Тема Советского Союза в турецком очерке 60—70-х гг.//Улдуз. 1982. № 4.

⁶ Он же. Современный турецкий очерк о Советском Союзе//Мухбир. 1982. № 7. На азерб. яз.

⁷ Нахмедов А. Пьеса Азиза Несина «Три Карагёза» и народное творчество//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1988. № 3.

- ⁸ *Нахмедов А.* Карагез//Азия и Африка сегодня. 1985. № 5.
- ⁹ *Исмаилов Г.* Ленинские идеи в передовой турецкой литературе//Поэты Востока о Ленине и стране Советов. Баку: Элм, 1970. На азерб. яз.
- ¹⁰ *Он же.* Ленинские идеи в прогрессивной турецкой литературе//Лит. Азербайджан. 1970. № 4.
- ¹¹ *Он же.* Октябрьская революция и турецкая литература//Великий Октябрь и национально-освободительная борьба народов Востока. Баку: Элм, 1977. На азерб. яз.
- ¹² *Он же.* Отражение идей Октябрьской революции в творчестве Назыма Хикмета//Великий Октябрь и зарубежный Восток. Баку: Элм, 1987. На азерб. яз.
- ¹³ *Он же.* Отражение идей социализма в современном турецком романе//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1987. № 4. На азерб. яз.
- ¹⁴ *Ашимов З.* Анатолия в стихах турецких поэтов (1917—1922 гг.)//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1979. № 1.
- ¹⁵ *Он же.* Из турецкой патриотической поэзии времен освободительной войны (1918—1923 гг.)//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1979. № 3.
- ¹⁶ *Ахмедов А.* Отражение национально-освободительного движения в романах Халида Адипа//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1974. № 4.
- ¹⁷ *Кулиева-Кавказлы Халида.* Мотивы борьбы за национальное освобождение в турецкой ашугской поэзии//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1985. № 4. На азерб. яз.
- ¹⁸ *Кулиева К.* Тема деревни в современной турецкой прозе//Азербайджан. 1965. № 3.
- ¹⁹ *Она же.* Социальные мотивы в творчестве современного турецкого писателя Самима Коджакеза//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1967. № 3—4.
- ²⁰ *Она же.* Крестьянская тема в романе Факира Байкурта «Десятая деревня»//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1971. Вып. 1.
- ²¹ *Он же.* К истории развития крестьянской тематики в турецкой прозе//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1980. Вып. 2. На азерб. яз.
- ²² *Керимов А.* Дадалоглу и его социальная поэзия//Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. востоковедения. 1976. № 1.
- ²³ *Он же.* Ашуг Ихсани и его социальная поэзия//Там же. 1976. № 2.
- ²⁴ *Он же.* Из истории появления социальных мотивов в турецкой ашугской поэзии//Там же. 1977. № 2.
- ²⁵ *Он же.* Деревенская тема в современной турецкой ашугской поэзии. Там же.
- ²⁶ *Он же.* Социальные мотивы в современной турецкой ашугской поэзии//Проблемы борьбы за прогресс, социальную справедливость в современной литературе народов Ближнего Востока. Баку, 1982.
- ²⁷ *Он же.* Ашуг Вейсал//Улдуз. 1982. № 6.
- ²⁸ *Бабаев А.* Назым Хикмет как драматург-новатор//Науч. тр. аспирантов АГУ им. С. М. Кирова. Баку, 1965.
- ²⁹ *Он же.* Тема мира в драматургии Назыма Хикмета//Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. яз. и лит. 1965. № 5.
- ³⁰ *Он же.* Турецкая драматургия и Назым Хикмет//Там же. 1965. № 2.
- ³¹ *Он же.* Тематический диапазон турецкой драматургии периода республики//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1980. Вып. 2. На азерб. яз.
- ³² *Сеид-заде А. А.* О Тевфике Фикрете и его жизни. М., 1923.
- ³³ *Он же.* Тевфик Фикрет и древняя история//Красный Восток. 1923. № 2—3.
- ³⁴ *Гусейнов Р.* О мировоззрении Тевфика Фикрета//Азербайджан 1968. № 12.
- ³⁵ *Ширван Ю.* Великий гуманист, демократ и революционер//Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. востоковедения. 1968. № 2.
- ³⁶ *Джафар Акрам.* Великий турецкий поэт Тевфик Фикрет//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1969. № 1. На азерб. яз.
- ³⁷ *Насибоглы Васиф.* Орхан Ханчерлиоглу//Наука и жизнь. 1966. № 9.
- ³⁸ *Он же.* Проблема интеллигенции в творчестве Орхана Ханчерлиоглу//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1971. Вып. 1.
- ³⁹ *Он же.* Отражение социальных противоречий города Стамбула в творчестве Орхана Ханчерлиоглу//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1980. Вып. 2. На азерб. яз.
- ⁴⁰ *Османова Б.* Некоторые заметки о современной турецкой поэзии//Изв. АН АзССР. Сер. яз., лит. и искусства. 1977. № 1.
- ⁴¹ *Она же.* Пьесы Мелиха Андая//Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. востоковедения. 1974. № 2.
- ⁴² *Она же.* Произведение Мелиха Джевдета Андая «Связанный Одиссей»//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1980. Вып. 2. На азерб. яз.
- ⁴³ *Касумова С.* О рассказе Халдуна Танера «Чалышгур в лунном свете»//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1982. № 2.

- ⁴⁴ Касумова С. Социальные мотивы в рассказах Халдуна Танера//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1977. № 2.
- ⁴⁵ Она же. Некоторые заметки о рассказах Халдуна Танера//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1980. Вып. 2.
- ⁴⁶ Она же. Публицистика Халдуна Танера//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1984. № 2. На азерб. яз.
- ⁴⁷ Абыев А. Из истории создания театра и драматургии в Турции//Вопросы истории Ирана и Турции. Баку, 1966.
- ⁴⁸ Он же. Заметки о турецкой сатире//Лит. Азербайджан. 1967. № 11.
- ⁴⁹ Он же. Тема Ирана и иранской революции (1905—1911) в творчестве турецкого сатирика Мехмета Эшрефа//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1979. № 2.
- ⁵⁰ Он же. О турецком поэте-сатирике М. Эшрефе//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1972. № 3.
- ⁵¹ Курбанов А., Ахмедов Р. О некоторых особенностях драматургии Намика Кемаля//Ближний и Средний Восток. Баку: Элм, 1986.
- ⁵² Курбанова Т. О некоторых особенностях творчества Хюсейна Рахми//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1971. Вып. 1.
- ⁵³ Она же. О романе Хюсейна Рахми «Неслыханное дело»//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1980. Вып. 2.
- ⁵⁴ Она же. Отражение бесправия женщин в романах Хюсейна Рахми//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1986. № 4.
- ⁵⁵ Она же. Критика западничества в романах Х. Рахми//Вопросы восточной филологии. Баку: Элм, 1987.
- ⁵⁶ Кулиева-Кавказлы Х. Об ашуге Вейсале//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1980. Вып. 2.
- ⁵⁷ Она же. Сабахаттин Али и народное творчество//Вопросы восточной филологии. Баку: Элм, 1987.
- ⁵⁸ Исмаилов Г. Образы нового человека в творчестве Яшара Кемаля//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1971. Вып. 1.
- ⁵⁹ Он же. Маленькие рассказы великого романиста//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1971. № 3.
- ⁶⁰ Он же. Некоторые заметки о романе «Тенеке»//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1980. Вып. 2.
- ⁶¹ Он же. Об интернационализме Назыма Хикмета//Вопросы восточной филологии. Баку: Элм, 1987.
- ⁶² Он же. Некоторые заметки о романе Яшара Кемаля «Легенда об Агрыдаге»//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1987. № 2.
- ⁶³ Ахмедов А. Писатель-реалист//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1971. Вып. 1.
- ⁶⁴ Он же. Сатирические рассказы Аднана Вали//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1980. Вып. 2.
- ⁶⁵ Кулиева К. Сказки Азиза Несина//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1980. № 1.
- ⁶⁶ Она же. Отражение общественно-политической жизни современной Турции в романе Самима Коджакёза «Спор»//Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства. 1981. № 3.
- ⁶⁷ Зейналова Р. О рассказах Самима Коджакёза//Вопросы турецкой филологии. Баку: Элм, 1971. На азерб. яз.
- ⁶⁸ Ибрагимов И. Отважный борец за мир//Ингилаб ва маданиййат. 1950. № 12.
- ⁶⁹ Мирахмедов А. Страстный певец мира//Азербайджан мектеби. 1951. № 9.
- ⁷⁰ Бабаев А. Тема мира в драматургии Назыма Хикмета//Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. лит., яз. и искусства. 1965. № 5.
- ⁷¹ Араслы Г. Прогрессивные писатели Турции против реакции и империализма//Там же. Сер. востоковедения. 1953. Вып. 1.
- ⁷² Керимов А. Разоблачение империализма в романе Факира Байкурта «Американская повязка»//Борьба против империализма в литературах народов Ближнего Востока. Баку: Изд-во АГУ им. С. М. Кирова, 1987. На азерб. яз.
- ⁷³ Расулов А. Разоблачение империализма в художественной публицистике Бекира Йылдыза//Там же.
- ⁷⁴ Велиев Кямил. Поэтика дастана. Баку: Язычы, 1984.
- ⁷⁵ Он же. Магия слова. Баку: Язычы, 1986.
- ⁷⁶ Абдуллаев Кямал. Автор—произведение—читатель. Баку: Язычы, 1985. На азерб. яз.
- ⁷⁷ Эйвазов А. Некоторые заметки о новых правилах орфографии турецкого языка//Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. востоковедения. 1974. № 1.
- ⁷⁸ Он же. Из истории изучения тюркских языков (азербайджанского) в России (XVIII—XIX вв.)//Преподавание азербайджанского языка и литературы. Баку, 1961. Вып. 2.

- ⁷⁹ *Эйвазов А.* Роль прилагательных, обозначающих цвет в азербайджанском языке, в образовании имен собственных//Морфология языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку: Изд-во АГУ им. С. М. Кирова, 1985.
- ⁸⁰ *Он же.* Роль аффиксов *sal, sel* в образовании прилагательных в современном турецком литературном языке//Там же. На азерб. яз.
- ⁸¹ *Рустамов Р.* Место междометий в грамматической структуре турецкого языка//Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. востоковедения. 1978. № 2.
- ⁸² *Он же.* Семантические особенности междометий в турецком языке//Там же. 1979. № 1.
- ⁸³ *Он же.* О семантическом значении фонетического строя односложных междометий в турецком языке//Там же.
- ⁸⁴ *Он же.* Принципы классификации частей речи в тюркских языках и проблема междометий//Там же.
- ⁸⁵ *Он же.* Сходные и отличительные особенности междометий от других групп слов//Морфология языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку: Изд-во АГУ им. С. М. Кирова, 1982.
- ⁸⁶ *Он же.* Многозначность имен существительных в современном турецком литературном языке//Лексика языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку: Изд-во АГУ им. С. М. Кирова, 1983.
- ⁸⁷ *Он же.* Промежуточные слова и словосочетания в современном турецком языке//Синтаксис языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку: Изд-во АГУ им. С. М. Кирова, 1985. На азерб. яз.
- ⁸⁸ *Садыков Г.* Некоторые заметки относительно развития турецкого литературного языка до XIX в.//Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. востоковедения. 1976. № 2.
- ⁸⁹ *Он же.* То же//Там же. 1977. № 1.
- ⁹⁰ *Он же.* К вопросу об упрощении и счищении турецкого языка в Турции//Там же. 1969. № 1.
- ⁹¹ *Он же.* Образование технических терминов морфологическим путем в современном турецком языке//Морфология языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку: Изд-во АГУ им. С. М. Кирова, 1987.
- ⁹² *Он же.* Русско-турецкий словарь технических терминов. Анкара, 1973.
- ⁹³ *Он же.* Русско-турецкий словарь технических терминов доменного производства. Искендерон, 1974.
- ⁹⁴ *Он же.* Словарь русско-турецких металлургических технических терминов. Искендерон, 1982.
- ⁹⁵ *Алиев А.* Роль неопределенных местоимений в образовании атрибутивно-придаточных сложноподчиненных предложений//Учен. зап. АГУ им. С. М. Кирова. Сер. востоковедения. 1976.
- ⁹⁶ *Он же.* Аффикс «ки» в турецком языке//Морфология языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку, 1982.
- ⁹⁷ *Он же.* Синтаксические особенности союза «ки» в современном турецком литературном языке//Синтаксис языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку, 1984.
- ⁹⁸ *Он же.* Сложноподчиненные предложения с союзом «ки» в современном турецком языке//Синтаксис языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку, 1986.
- ⁹⁹ *Он же.* Роль союзов и союзных слов в образовании сложноподчиненных предложений в современном турецком литературном языке//Морфология языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку, 1987.
- ¹⁰⁰ *Османова Б.* О реформе турецкого языка//Вопросы турецкой филологии//Баку: Элм, 1971. Вып. 1.
- ¹⁰¹ *Расулов А.* Пути обогащения словарного состава современных тюркских языков//Лексика языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку: Изд-во АГУ им. С. М. Кирова, 1983.
- ¹⁰² *Он же.* Роль междометия «мы» в турецком и азербайджанском языках//Синтаксис языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку, 1984.
- ¹⁰³ *Он же.* Некоторые грамматические аспекты перевода с турецкого языка на азербайджанский//Синтаксис языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку, 1986.
- ¹⁰⁴ *Он же.* Функции местоимения «шу» в современном турецком языке//Морфология языков народов Ближнего и Среднего Востока. Баку: Изд-во АГУ им. С. М. Кирова, 1987.

РЕЦЕНЗИИ

ҚАЗАҚ ТІЛІНІҢ ТҮСІНДІРМЕ СӨЗДІГІ

(ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА: В 10 т. АЛМАТЫ, 1974.

Т. 1; 1976. Т. 2; 1978. Т. 3; 1979. Т. 4; 1980. Т. 5; 1982. Т. 6; 1983. Т. 7; 1985.

Т. 8; 1986. Т. 9; 1986. Т. 10)

Завершено составление и издание работы большой научной и общественной значимости не только для казахского, но и для всех тюркоязычных народов СССР. В словарь вошло более 70 тысяч реестровых слов, расположенных в алфавитном порядке в 10 томах, объем каждого составил более 80 листов, что свидетельствует о богатстве современного казахского литературного языка.

Успеху трудоемкой работы по составлению словаря способствовал накопленный опыт по созданию словарей разных типов, тщательная подготовка и постоянное пополнение авторского состава, создание обширной словарной картотеки, содержащей более 4,5 миллиона единиц, и т. д.

Полнота содержания многотомных словарей достигается только при охвате всего лексического богатства определенного языка. При этом должен быть выдержан принцип нормативности.

Общезвестно, что в тюркских литературных языках еще продолжается процесс нормализации, взаимодействия с другими языками. Поэтому понятие «нормативность» для каждого языка имеет свою специфику, и при составлении словарей толковых словарей могут возникнуть неоднозначные критерии подхода к этому понятию. Рецензируемый словарь охватывает слова из произведений фольклора, письменной литературы, научных источников (в том числе и из учебно-педагогических изданий) и периодической печати (т. 1. С. 2).

Реестровые слова, расположенные в алфавитном порядке, снабжены пометами, регламентирующими лексико-стилистическое своеобразие словоупотребления; затем даются толкование и описание семантических значений: прямого, переносного и фразеологического. Составители снабдили каждое реестровое слово специальными пометами.

В «Предисловии» изложены принципы составления словаря при формировании словника — стремление охватить полностью производные корневые слова, определены допустимые (или целесообразные) пределы охвата производных основ, в особенности глагольных и отглагольных образований.

В результате, как отмечено в «Предисловии», словарь охватывает все слова нейтральной лексики (т. 1. С. 7—8), а также в большом объеме — архаизмы и диалектизмы, книжные и просторечные лексемы и выражения, заимствования и гермины (см.: с. 13). Как самостоятельные

лексические единицы даны не только чистые омонимы, но и возникшие от былой полисемии. Таким образом, составители в целом придерживаются общепринятого понимания нормативности, складывающейся из устойчивости, распространенности, целесообразности бытования и авторитета источника.

Толковые словари (в особенности многотомные, типа рецензируемого) изобилуют диалектизмами, относящимися к ненормированной лексике, как и историзмы, и архаизмы. Они в определенной мере нашли свое отражение и в данном словаре.

При формировании словника толковых словарей всегда возникает необходимость принципиального подхода к просторечной лексике, различия окказионализмов и неологизмов.

Иногда включенные в словарь лексические новообразования иноязычного (терминологического) происхождения представлены без исходной формы. Например, встречаем *альпинист* (т. 1. С. 247) и *альпинистик* (там же), но нет *альпинизма*, тогда как аналогичные ряды, например, *анархизм*, *анархист*, *анархия*, *анархистик* представлены более полно. Это свидетельствует о неэкономности критериев отбора при составлении словника и неполноте картотеки. В этом плане рецензируемое издание, как и большинство справочников такого порядка по другим тюркским языкам, стройностью составления не отличается. Оно изобилует специальными терминами (*аллего*: т. 1. С. 228; *альбумин*: там же. С. 247; *альт*: там же. С. 247; *анофелес*: там же. С. 262; *анкофен*: там же. С. 262; *анкилостома*: там же. С. 262 и др.), не всегда снабженными точными научными дефинициями (ср., например, *анаргул* (т. 1. С. 257) и др.).

Поскольку в тюркских языках наиболее продуктивным способом словообразования является аффиксация и большинство из них, имея универсальный функциональный характер, способно образовывать большое количество производных основ со специфическими лексико-грамматическими свойствами, их лексико-семантический статус позволяет рассматривать таковые как самостоятельные объекты словарного описания. В рецензируемом словаре производные образования представлены широко по всем классам слов, порою излишне. Поэтому одновременно со словами с четким лексико-семантическим значением в реестре помещены и производные с большей грамматической нагрузкой, ср.: наряду с *ашан*

(т. 1. С. 514) и *ашанда* фигурирует также и *ашандан* (возврат. форма от *ашанда*); то же можно заметить и в отношении *ашкөз* (жадный) и *ашкөздөн* (т. 1. С. 515). Наряду с производными глаголами *аткыз* (повелительн. форма от глагола *ат* — 'стрелять') и его производными *аткыздыр* и *аткыздыру* фигурирует и *аткылат* (страдательн. форма того же глагола). Составители поступили так во всех случаях с глагольными производными как лексического, так и лексико-грамматического порядка, что создает определенную трудность при разграничении этих групп слов.

Что касается именных классов слов, то должна быть, безусловно, учтена степень лексикализованности образований типа *на-дан*, *-ында*, *-гы*, *-га* и др. (*амалсыздан* 'поневоле', *башында* 'сначала', *шаманша* 'по-шамански' и пр.), также не имеющих четких морфосемантических разграничительных признаков.

В реестр внесены не только термины-номенклатуры отраслей знания (как собственно казахские, так и заимствования), но и некоторая часть этнонимов типа *ағылшын*, *албаншор*. Однако здесь наблюдается отсутствие критериев, непоследовательность, бессистемность при отборе этой категории слов.

В тюркских языках, в том числе и в казахском, — великое множество парных и сложноконструктивных образований, которые также вынесены в реестр. Но если в отношении первых для составителей ориентиром послужило слитное их написание (*шансорғыш*: т. 10. С. 136), *шайтанараба*: там же. С. 95), то составные парные образования также описываются только в одном месте (*шығар-шықпастан*: т. 10. С. 311; *халжай*: там же. С. 54, *халық-демократиялық*: там же. С. 55). Очевидна ущербность такого способа, ибо если он оправдан в случае с *шаңғыр-шунгур*, то в случае с *хал-жай*, *халық-демократиялық* следует самостоятельная подача каждого из компонентов с последующим описанием парного сочетания и приемом отсылки (более удачно это решено в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина). Таковы и прием: подачи подражательных слов сложной (и парной) структуры.

Для более полного отражения лексического и семантико-стилистического богатства языка в толковых словарях каждое толкование сопровождается иллюстративным материалом. Здесь большую роль играют полнота картотеки и умелая (точная) градация смысловых оттенков каждого реестрового слова. Иллюстрация, таким образом, должна содействовать более глубокому раскрытию значения слов и подтверждать правильность их стилистической, грамматической характеристики.

В рецензируемом словаре иллюстративный материал приводится достаточно ши-

роко. Однако в ряде случаев каждое значение иллюстрируется двумя, тремя и более предложениями (ср.: *шұылда*: т. 10. С. 276; *шұбалаң*: там же. С. 277; *шар*: там же. С. 147 и мн. др.), что привело к непомерному увеличению объема словаря.

Определенное место в словаре занимают слова, снабженные отсылочными пометами (дубликаты, варианты слова).

Во всех словарях (в особенности толковых) большое место отводится так называемым фразеологизмам — с учетом их семантико-структурных особенностей. Семантическая эквивалентность слову, их цельнооформленность, переносное, номинативное или образно-номинативное значение обуславливают подачу их в конце словарных статей, за ромбиком. Они также получили правильное отражение в «Толковом словаре казахского языка» с соответствующими иллюстрациями.

Для толковых словарей наиболее существенным являются разграничение типов значений слов и их последовательное описание, от которого зависят системность и стройность справочника. В рецензируемом словаре они довольно многочисленны. Однако сопровождение каждого слова, составляющего фразеологизм, полным описанием перегружает справочник. Например, при слове *ак* за ромбиком приводится общеизвестное *ак табан шұбырынды* (т. 1. С. 133), еще раз даны его составляющие *ак табан* (т. 1. С. 133) и *шұбырынды* (т. 10. С. 280), с теми же пояснениями и иллюстрацией.

Есть и другие недостатки: отсутствие твердых принципов при отборе заимствований (терминов) и порою неточность или ошибочность их научного определения, смешение многозначности с омонимичностью, чрезмерное увлечение иллюстрированием значений слов примерами из поэтических текстов, наличие нескольких иллюстраций из разных источников к одному слову, большое количество примеров из переводных источников (последние, на наш взгляд, не всегда могут служить надежным фактическим материалом), вынесение в реестр производных форм, явно тяготеющих к грамматическим разрядам, и т. д.

Но все это — отдельные упущения. В целом же проделана огромная работа, создан капитальный труд теоретического и прикладного значения. Составители сумели собрать огромный лексический материал казахского языка, определить степень его нормативности, раскрыть лексико-грамматические значения каждого непроизводного и производного лексического образования, лексико-стилистические особенности. Все это делает «Толковый словарь казахского языка» ценным научным источником для тюркологов.

Б. О. Орузбаева

TUNCER GÜLENSOY ANADOLU VE RUMELİ AĞIZLARI
BİBLİYOGRAFİYASI: (ANADOLU, KIBRIS, SURİYE, İRAK,
BULGARİSTAN, YUNANİSTAN, YUGOSLAVYA VE RUMANYA,
TÜRK AĞIZLARI)

ANKARA: BAŞBAKANLIK BASİMEVİ, 1981. 144 s.

В современной тюркологии поток научной информации настолько увеличился, что порой даже узкому специалисту трудно уследить за новинками литературы. Появляющиеся в периферийной печати нужная книга или статья часто ускользают от внимания исследователя. В этой связи библиографические сводки по отдельным отраслям тюркологии представляют большой интерес. К подобным справочникам в полной мере можно отнести и рецензируемую Библиографию по турецким диалектам Анатолии и Румелии, составленную Тунджером Гюленсом.

В Библиографии приведено более полутора тысяч названий по всем перечисленным в подзаголовке книги районам, в которых живут носители турецких диалектов или тюркских языков. В ней имеются указатели сокращений, фамилий авторов и географических названий, по которым сгруппирована литература.

В кратком вступительном слове к Библиографии профессор З. Коркмаз справедливо пишет, что «исследования, посвященные анатолийским и румелийским турецким диалектам, начаты довольно давно и разбросаны по многим странам. И перечень языков, на которых они написаны зарубежными учеными, тоже довольно большой: немецкий, французский, итальянский, венгерский, русский и т. д. То же самое можно сказать и об исследованиях и небольших статьях, разбросанных по всей стране в мелких изданиях со времени начала изучения местных диалектов в Турции» (с. 5). Тем значительнее заслуга Т. Гюленсо, собравшего воедино все эти исследования.

Вся литература в алфавитном порядке фамилий авторов разбита на разделы по районам, где бытуют носители турецких диалектов: Анатолия (№ 1—1188), Кипр (1189—1210), Балканский полуостров (1265—1521), а также Ирак (1211—1260) и Сирия (1261—1264), где живут носители различных тюркских языков.

Правда, здесь следует сказать, что составитель Библиографии в некоторых случаях расширительно интерпретирует понятие «турецкие диалекты» и относит к ним, например, язык туркменів Ирака и гагаузский язык. С точки зрения современного тюркского языкознания, неприемлемо рассматривать язык туркменів Ирака, имеющий свою письменную традицию, большое количество печатных изданий и периодику, как диалект турецкого языка. В еще большей степени это относится к гагаузскому языку. Более тридцати лет на этом языке издаются

произведения национальных поэтов и прозаиков, опубликованы исследования по грамматике¹, издан словарь², в начальных классах школ ведется преподавание на родном языке, имеются учебники. Кстати, здесь уместно привести слова видного турецкого лингвиста Т. Текина о самостоятельном существовании гагаузского языка в семье тюркских языков³.

Одним из достоинств Библиографии Т. Гюленсо является наряду с ее ретроспективностью — показом литературы прошлого, уже опубликованной, и ее перспективность. В ней приведено значительное количество неопубликованных к моменту выхода Библиографии исследований по турецкой диалектологии, например, защищенных докторских диссертаций, работ, представленных для получения звания доцента, а также сочинений по диалектологии выпускников Анкарского, Стамбульского университетов, Университета имени Ататюрка и других высших учебных заведений Турции. Все эти работы создают у читателя определенное представление о масштабе исследований, которые ведутся в различных научных учреждениях по изучению турецких диалектов. Часть упомянутых работ уже вышла из печати, публикация остальной части еще предстоит.

Большинство перечисленных в Библиографии монографических исследований и значительные по объему издания диалектальных текстов, а в отдельных случаях и небольшие статьи, названия которых не всегда раскрывают их содержание, снабжены подробными аннотациями.

Некоторые крупные исследования по диалектологии, которые в свое время привлекли внимание специалистов и на которые в печати появились рецензии, отмечены в Библиографии с указанием необходимых сведений об этих рецензиях. Однако часть рецензий выпала из поля зрения Т. Гюленсо; чтобы пополнить Библиографию, можно указать на некоторые из про-

¹ Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964. 298 с.; она же. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 203 с.

² Гагаузско-русско-молдавский словарь/Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 664 с.

³ Tekin M. *Talât. Pantürkizm ülküsü ve dilde birlik iddiası*//Türk Dili. 1977. С. 34, s. 310. S. 17.

пущенных рецензий, опубликованных на русском⁴, а также на других языках⁵.

До появления Библиографии Т. Гюленсой сводка литературы по турецким диалектам публиковалась дважды — в 1942 г. С. Будучем⁶ и в 1970 г. К. Эримером⁷. Эти библиографические списки, как писала З. Коркмаз, содержат многочисленные работы по фольклору, фольклористике, этнографии и другим отраслям знаний, не имеющим прямого отношения к диалектологии⁸. Несмотря на это критическое замечание, Т. Гюленсой, составляя новую сводку по диалектологии, также не избежал упомянутого недостатка.

Известно, что диалектология как самостоятельная лингвистическая дисциплина в начальной стадии развития была тесно связана с фольклористикой и этнографией. Территориальные диалекты и их дробные говоры служили этим наукам средством для изучения устного народного творчества, материальной и духовной культуры местных жителей. Поэтому для этнографов и фольклористов вопросы диалектальных признаков произведений устного народного творчества имели второстепенное значение, они не уделяли должного внимания точной фонетической транскрипции, локализации диалектальных особенностей и другим фактам, важным для диалектолога. Нередко диалектальные признаки фольклорных текстов рассматривались ими как искажение необразованными информаторами общепринятых норм языка, и в связи с этим записи подвергались стилистическим и — того хуже — грамматическим исправлениям. Надо ли говорить о том, что подоб-

ные «исправления» приводили тексты в негодное для диалектолога состояние. Все это обязывает специалистов при отборе языкового материала для изучения местного говора относиться к фольклорному тексту с большой осторожностью.

Характеризуя фольклорные тексты, следует особо сказать о народных песнях (мани, шаркы, тюркю). Видный польский ученый Т. Ковальский, внесший большой вклад в развитие турецкой диалектологии, предостерегал диалектолога от использования в своей работе песенных текстов. «Популярные песни, — писал он, — столь интересные с точки зрения фольклориста, не представляют собой подходящего материала для диалектологического наблюдения, так как многие песни, особенно их мелодии, имеют обыкновение распространяться с удивительной быстротой по очень обширным районам, и при этом их фонетические особенности (оболочка) ни сразу, ни даже по прошествии долгого времени не приспосабливаются окончательно к местному диалекту»⁹. В настоящее время, когда турецкая диалектология получила достаточное развитие и появились надежные диалектальные тексты, в библиографии, посвященной этой области науки, не следовало бы уделять столь значительное место фольклорным текстам.

Увлечение Т. Гюленсой фольклористикой и этнографией привело к тому, что в список попали турецкие пословицы и поговорки, переведенные на румынский язык (№ 153), болгарский (№ 1389), значительное число фольклорных текстов (преимущественно стихотворные жанры), специальные исследования по фольклористике (№ 117, 554, 600, 1161 и др.), литературоведению (№ 549, 836 и др.), по различным разделам этнографии: народной медицины (№ 219), кушаньям (№ 334, 437, 487, 1067), одежде (№ 850—852, 1122, 1123, 1179), ремеслам (№ 100, 420, 787), по топонимике (№ 40, 42, 63, 160, 161), по антропонимике (№ 562, 1031, 1449), по краеведению (№ 1091) и многие другие.

Разумеется, в упомянутых работах может быть обнаружена диалектальная лексика — названия предметов утвари, лекарственных трав, болезней, кушаний, ремесел и т. д. Диалектолог должен знать эту литературу, пользоваться ею для своих занятий. Но едва ли целесообразно включать эту литературу в библиографию.

Библиографическая информация предъявляет составителю элементарные, но необходимые требования — четкая передача фамилии и инициалов автора; заглавия работы, сохранение ее оригинального начертания (название можно переводить, если работа написана на редко встречающемся языке), место и год издания, количество страниц,

⁴ Рецензии на работы под № 229 — Кононов А. Н. // Сов. востоковедение. М.; Л., 1945. Т. 3. С. 301—302; № 259 — Севортян Э. В. // Вопр. языкознания. 1961. № 1. С. 109; № 475 — Гордлевский В. А. // Этногр. обозрение. М., 1909. № 4. С. 60—126. Перепечатку см.: Он же. Избранные сочинения. М.: Изд-во вост. лит., 1961. Т. 2. С. 224—266; № 1464 — Кононов А. Н. // Вопр. языкознания. М., 1966. № 2. С. 158—164.

⁵ Рецензии на работы под № 55 — Mollova M. Балканско езикознание. София, 1972. Т. 16. Р. 85—86; № 665 — Tieze A. // Oriens. Leiden, 1957. Vol. 10. P. 308—309; № 1021 — Eren Hasan // Ank. Univ. Dil. Tarih-Coğrafya Fak. Dergisi. 1946. С. 6. S. 445—4480; № 1321 — Bazin L. // Oriens. Leiden. 1953. Vol. 6. P. 143.

⁶ Buluç S. Anadolu ağızları bibliografyası // Türkiyat Mecmuası. İstanbul, 1942. С. 7—8. S. 327—334.

⁷ Erimer K. Anadolu ve Rumeli ağızları üzerine bir bibliografya denemesi // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Bell. 1970. Ankara, 1971. S. 211—236.

⁸ Korkmaz Z. Anadolu ağızları üzerindeki araştırmaların bugünkü durumu ve karşılaştığı sorunlar // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Bell. 1975—1976. Ankara, 1976. S. 164.

⁹ Kowalski T. Dialectes türk-osmanlis // Encyclopédie de l'Islam. Leyde; Paris, 1934. Т. 4. P. 972; см. также: Korkmaz Z. Указ. соч. С. 148.

в отдельных случаях — название издательства и сведения о переиздании. Отсутствие или искажение любого из этих элементов снижает научную ценность библиографической информации, осложняет поиск литературы. К сожалению, в рецензируемой Библиографии имеются работы без указания объема (№ 566, 688, 692, 762, 765, 1021, 1022, 1035 и др.). В отдельных случаях не сохранены оригинальные заглавия работ (№ 674, 692, 905, 1127).

Кроме требования четкости в передаче сведений о каждой работе, библиографу, издающему список литературы по отдельной отрасли науки, необходимо добиваться полноты охвата всей литературы. В этом отношении Т. Гюленсом сделано многое. Внимательный читатель найдет в Библиографии немало работ, в примечаниях к которым указаны страницы, содержащие материалы для диалектолога. Однако в ней слабо представлены работы дореволюционных русских и советских тюркологов по турецкой диалектологии. Например, из шести работ Е. В. Гудиашивили в Библиографии упомянуты только две, из пяти работ С. С. Джикии — одна, не приведены работы Н. Н. Джанашии и др. Для восполнения этого пробела внимание читателя можно обра-

тить к обзорам литературы по турецкой диалектологии, содержащимся в книгах и статьях А. Н. Кононова¹⁰, С. С. Джикии¹¹, А. П. Векилова¹², Г. Хазай¹³.

В завершение рецензии скажем, что большой труд Т. Гюленсона, составившего свод литературы по турецкой диалектологии, заслуживает самых добрых слов. Нет сомнения, что все, кто интересуется турецкой диалектологией, будут постоянно обращаться к его Библиографии.

А. П. Векилов

¹⁰ Кононов А. Н. Очерк истории изучения турецкого языка. Л.: Наука, 1976. С. 89—90.

¹¹ Джикия С. С. О диалектологической работе по тюркским языкам в Грузинской ССР//Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку: Элм, 1958. С. 107—110.

¹² Векилов А. П. Турецкая диалектология. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1973. Ч. 1. С. 26—29.

¹³ Hazai G. Kurze Einführung in das Studium der türkischen Sprache. Budapest: Akadémiai Kiado, 1978. S. 114—122.

АННОТАЦИИ

БАШКИРСКАЯ ЭТНОНИМИЯ: СБОРНИК СТАТЕЙ

УФА: БФ АН СССР, 1986. 202 с.

Сборник открывает статья Т. М. Гарипова «Новые версии происхождения этнонима башкорт», где рассмотрено тридцать пять версий происхождения этнонима башкорт, выявлено несколько десятков фоно- и графокомплексов, являющихся вариантами этнонима.

В отличие от Т. М. Гарипова, Н. В. Бикбулатов, автор статьи «Этноним башкорт», не вдаваясь «в критический анализ всех существующих точек зрения (тем более что многие из них уже забыты)», кратко останавливается «на тех из них, которые пользуются поддержкой современных исследователей или высказаны недавно» (с. 33). И прямые, и косвенные свидетельства, заключает Н. В. Бикбулатов, говорят о том, что, несмотря на четко выраженные саяно-алтайские и центрально-азиатские корни баш-

кирского этноса и языка, этноним башкорт возник после переселения древнетюркских предков башкир.

А. Рона-Таш в статье «Иштэк» выдвигает версию, согласно которой иштэк из* эштэк «было чужим названием, использовавшимся для обозначения поволжских венгерских групп в XIII—XIV вв., находившихся в близком взаимодействии с башкирскими племенами».

Социально-этническому и лингвистическому содержанию термина «тептяри» посвящена одноименная статья А. З. Асфандиярова. Приводя интересные примеры из этнической истории тептярей, автор, на наш взгляд, не вполне обоснованно отказывается от возможности возникновения термина «тептярь» от тюркского дэфтер из арабского дафтар 'тетрадь, книжка, запись'.

и греческого «пергамент» с последующим его распространением на другие категории пришедших поселенцев.

Ф. Г. Хисамитдинова в своей статье подвергает анализу этнонимы Западной Башкирии, выделяя этнонимы северо-восточных башкир: ай, кошсы, дуван, сарт, тезик, туркмен, упей, катый, маскара, ябалаклы, сырян, салют, табын и бадрак. Широкий пласт этнотопонимии, по мнению автора, не противоречит выводам Р. Г. Кузеева (Происхождение башкирского народа. М., 1974) о первоначальном расселении большинства башкирских племен в Приуралье.

Этническим связям тюркских народов Севера Евразийских степей в эпоху средневековья и в новое время по данным родоплеменной этнонимии посвящена статья Р. Г. Кузеева и Н. Н. Моиссевой. Авторы выделяют четыре этапа этнических связей: первые десятилетия II тысячелетия н. э. (до начала монгольского нашествия в XIII в.), XIII—XV вв. — «золотоордынское время, ногайский период», XVI—XVIII вв. — период консолидации тюркских этнических обществ и XIX в.

Анализируя указанные четыре этапа, авторы делают вывод о том, что «поволжские, приуральские, сибирские татары, башкиры, а в определенном смысле и чувашы, имели „однородную... основу“, которая зачастую носила генетический характер. Восточный диалект татарского языка на рубеже XIX—XX вв. мог сравнительно быстро интегрироваться на базе многих сибирско-татарских говоров лишь на основе и благодаря прежней общности, процесс формирования которой с различной интенсивностью шел с раннего средневековья» (с. 105).

Обращаясь к историографии истории и культуры сибирских татар, Р. Г. Кузеев и Н. Н. Моисеева отмечают, что «более обстоятельное изучение средневековой этнической истории сибирских татар может не только уточнить некоторые аспекты и обстоятельства формирования их культуры и диалекта, но и помочь правильно расставить акценты при оценке булгарского и золотоордынского-ногайского этапов этнической истории казанских татар и башкир» (с. 107).

Значительный интерес представляет обзор ономастикона «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова, предпринятый И. Г. Галаяутдиновым. Все онимы разделены на три разряда: антропонимы, этнонимы и топонимы, внутри которых выделяются группы по происхождению. Имена «Тарих нама-и булгар» не только содержат весьма репрезентативные данные по ономастике, указывающие на некоторые аспекты истории башкирского народа, его этногенеза и языка, но и могут стать надежной базой для последующих ономастических исследований.

В статье Р. З. Шакурова об истории наименования крещеных татар и башкир

«Нагайбак: антропоним — топоним — этноним» ставится важный вопрос о взаимодействии этих онимов. Благодаря привлечению различных источников автору удалось реконструировать историю семантики данного термина следующим образом: антропоним — аул — крепость — этноним — топонимы (Нагайбакский, Нагайбаки).

Темой статьи З. Г. Ураксина стали цветные обозначения в башкирских этнонимах, полностью подтверждающие мнение автора о том, что «цветовая символика широко употребляется в ономастике различных народов, в том числе и в этнонимике, обозначая реальный характерный цвет кожи, волос, глаз того или иного этноса, стороны света по отношению к географическому расположению носителей этноса, а иногда имеет и метафорическое значение» (с. 127).

Этнонимам с основой на числительные в тюркских языках посвятила статью Р. Х. Халикова, которая выделяет в их составе следующие разряды: единицы (биш, алты, ете и др.), десятки (ун, кырк и алтмыш) и тысячи (мен). Все это, по мнению автора, подтверждает как отдаленность, так и близость генетического происхождения тюркских этносов, а также общность этногенеза отдельных родов и племен, в результате консолидации которых сформировались современные тюркские народы и народности (с. 137).

О важности изучения этимологии культурных или «бродячих» слов для решения вопросов этнических контактов говорится в статье венгерского исследователя И. Тормы «Этимология башкирского слова „быйма“». На основе множества источников и языковых параллелей автор реконструирует историю слова.

С помощью удачно подобранного метода анализа этнонимов через их «титул» Р. М. Булгакову удается выявить лексическое качество этнонимов, их словоупотребление.

Проблеме взаимодействия русских и тюркских этнонимов посвящена статья В. П. Гуцниной «Лексико-семантическая эволюция тюркских этнонимов в русском языке», в которой прослеживается история этнонимов казахи, башкиры, киргизы, татары, ногайцы, чувашы, кумыки и турки в памятниках русской письменности XVII в.

Завершает сборник «Библиография по башкирской этнонимии», составленная З. А. Мамаевой и включающая около 70 названий (с. 194—200).

Советско-венгерский сборник, подготовленный Институтом истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР, привлекает внимание и своим научно-справочным аппаратом: списками литературы и сокращений, таблицами, схемами и указателями.

А. Н. Онуцин

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ

С 9 по 11 февраля 1988 г. в секторе языков народов Сибири ИИФФ СО АН СССР проходила очередная (седьмая) конференция «Сложное предложение в языках разных систем», которая проводится каждые два года коллективом синтаксистов-сибиредов. В этом году тематика конференции была значительно расширена за счет подключения проблематики простого предложения. Обсуждался следующий круг тем:

1. Сложное предложение в его отношении к простому предложению и к тексту (типы переходных конструкций; разные подходы к нарастанию сложности предложения и т. д.);

2. Парадигма предложения и формирующие ее грамматические категории; связь специфики парадигмы предложения с типологическими характеристиками языка; соотношение парадигмы глагола и парадигмы предложения;

3. Модельное представление предложения и его компонентов; понятия «модель», «схема», «формула предложения»; связь понятий «модель» и «парадигма предложения»; проблема символов, их отношение к терминам и понятиям и т. п.

Конференцию открыла Т. В. Шмелева (Красноярск) докладом «Парадигматика предложения сквозь призму дифференциации его семантики», в котором говорилось о принципиальной значимости для формального синтаксиса простого предложения различия пропозитивного, припропозитивного и модусного смыслов. Изложенный подход позволяет построить «объемную» систему моделей простого предложения — с небольшим числом элементарных исходных моделей и некоторым множеством их парадигм.

В докладе Е. К. Скрибник (Новосибирск) «Функциональные типы сложного предложения бурятского языка» выделены три крупные конструкции (1 — класса «действительность — действительность»; 2 — класса «действительность — сознание», 3 — класса «предмет в двух событиях действительно»), структурно противопоставленные друг другу характером использования и семантикой временных форм, форм отрицания и др. Было выдвинуто предположение, что в основе этих трех типов лежат те же отношения, которые конституируют предикативность предложения (модальность/ время, субъективная модальность и лицо) и усматриваются в ряде других грамматических механизмов уровня сложного предложения и текста (механизм выражения моносубъектности/разносубъектности или «переклечения референтности», относительное время и др.).

М. И. Черемисина (Новосибирск) в докладе «Предложение и его компоненты» представила предложение как конструкцию, минимальная форма которой — предикативный узел; число моделей предикативных узлов

в каждом языке не только конечно, но и невелико. Модель элементарного предложения создается развертыванием моделей предикативного узла за счет обязательных актантов предиката. Более сложные предложения целесообразно рассматривать как соединение элементарной основы и «компрессированного» другого предложения, представленного конструкцией с «подавленной» предикацией. Простейший случай — определение, более сложные — однородные члены, далее — «обороты» (обособленные), затем синтетические придаточные и финитно оформленные придаточные, вводимые посредством союза.

Л. М. Горелова (Москва) сделала доклад «Об одном виде связи между подлежащим и сказуемым в полипредикативной конструкции (на материале маньчжурского языка)», в котором рассматривались связка именного сказуемого *би* и ее эквиваленты (*кай* со значением достоверности, *дэрэ* — предположительности, *аку* — отрицания и др.), выступающие в конструкциях классификации, идентификации, наличия/отсутствия предмета. Анализировались случаи, когда подлежащее выражается причастием (на *-ха* и *-ра*) с номинализатором *-нгэ*. Был сделан вывод, что между таким подлежащим и сказуемым синтаксические отношения выражаются особыми формами связки, а тип синтаксической связи может квалифицироваться как корреляция.

Серия докладов была посвящена конкретным вопросам синтаксиса тюркских языков. Н. Н. Ефремов (Якутск) проанализировал конструкции якутского языка, не укладывающиеся в рамки простого элементарного предложения: с однородными сказуемыми, причастными и деепричастными оборотами, с причастием будущего времени в форме винительного падежа лично-предикативного склонения при модальном глаголе *бабар*. Особый интерес вызвали предложения модели $N + (N_1 \text{ -притяж.} \rightarrow V \text{ фин.})$: *Кини (сирэйэ бутуннуууу буолбут,) оботугар эртиллэн эттэ* — букв.: 'Она (лицо-ее все покрылось потом), к сыну повернувшись, сказала'. Первую словоформу можно было бы рассматривать как первый член изафетного сочетания (ее лицо-ее), но здесь явные сложные взаимоотношения с главной частью предложения, что придает ей иной, особый статус.

М. М. Мусаевым (Баку) рассмотрены обстоятельственные сложноподчиненные предложения со сравнительно-сопоставительным значением в тюркских языках огузской группы: их общие и различительные черты, структурные типы — с аналитическими и аналитико-синтетическими показателями связи. Затронуты вопросы многозначности и омонимии моделей, а также их статуса в системе сложного предложения.

В докладе С. Н. Абдуллаева (Пржевальск) было представлено модельное описание уй-

гурского простого предложения. Автор выделяет 33 базовые, ядерные модели в виде нескольких блоков: двусоставные с именным и глагольным сказуемым, односоставные, модели фразеологизованного типа. Следующий этап исследования — выявление модификаций моделей и механизма такого модифицирования (возможно, что некоторые модели, выделенные на первом этапе, окажутся модификациями других). Разумеется, при дальнейшем анализе текстов список моделей может пополниться новыми — обнаруженными пока единицами.

А. Т. Тыбыкова (Горно-Алтайск) в докладе «Экспрессивные предложения с главным членом в винительном падеже» проанализировала специфические конструкции, представленные в алтайском и тувинском языках и не отмеченные пока в других тюркских языках этого региона: односоставные предложения с предикативным членом, оформленным аффиксом винительного падежа притяжательного склонения: *Алтайыстың жаран-ган-ын!* 'Как похорошел наш Алтай!' Второй тип таких конструкций — с двойным винительным: при имени существительном и местоимении 2-го и 3-го л. ед. и мн. ч.: *Кобуркыйлер-ди ле слер-ди! Бош ло шыралары канган ошкош* 'Милые вы мои (жалю вас)! Вероятно, вы совершенно измучены...'. Такие предложения отличаются от нейтральных и порядком слов, и интонацией.

М. В. Оюн (Кызыл) сообщила о результатах исследования определительных конструкций в тувинском языке. Ею выделены два структурных типа таких конструкций — синтетические (с подтипом — аналитико-синтетическим) и аналитические. Каждый тип представлен серией моделей. Ядро системы составляют синтетические конструкции с причастием во внепадежной форме, передающие собственно-определятельные отношения. Структурные схемы определительных конструкций являются также базой для образования моделей других функциональных типов — временных, причинных и т. д. в случае, когда позицию определяемого имени занимает имя соответствующей семантики ('время' и т. п.).

С. Ж. Тажибаева (Новосибирск) представила доклад «Структурные модели конструкций со значением „реакция — стимул“ и „санкция“ в казахском языке». Ею выделены два специфических варианта причинных конструкций: со значением санкции на поступок, названный в зависимой части, и со значением эмоциональной реакции. От собственно причинных данные конструкции отличаются тем, что в них обязательно должен присутствовать субъект сознания: осуществлять санкции в ответ на чьи-то дей-

ствия и эмоционально реагировать может только человек или человеческий коллектив.

Л. Н. Тыбыкова (Новосибирск), рассматривая модально-сравнительные конструкции алтайского языка с показателем *-гандый*, отметила, что они по сравнению с конструкциями других тюркских языков выражают только нереальное сравнение (ср.: рус. *как будто, точно, словно*). Показатель *-гандый*, во-первых, ирреализует представление о событии, во-вторых, выражает соотносительность оформленного им зависимого сказуемого с главной частью.

В докладе И. А. Невской «Структурные типы полипредикативных конструкций с деепричастием на *-л* в шорском языке» выделено четыре таких типа: 1) моносубъектные одноподлежащие; 2) моносубъектные разноподлежащие; 3) разносубъектные одноподлежащие и 4) разносубъектные разноподлежащие. Отмечалось, что соотношение значений подлежащих зависимой и финитной частей ограничено; чаще всего встречаются следующие соотношения: 1) подлежащие двух частей связаны между собой отношениями принадлежности ('объект обладания' — 'субъект обладания') и другие комбинации; 2) подлежащие обозначают природные явления, разные стороны единой картины (соотношения типа 'часть' — 'целое'). Предложения, где единство картины ослаблено или утрачено, например, предложения с временной и причинной семантикой, встречаются редко.

Ряд докладов был посвящен проблемам синтаксиса сложного предложения русского языка (Т. А. Колосова, О. И. Гордеева, Н. Н. Чайковская, Н. П. Романова) и некоторых других.

Участники конференции обсудили проект целевой программы лингвистического описания языков народов Сибири, разрабатываемой в отделе филологии ИИФ СО АН СССР. Программа рассчитана до 2000—2005 гг. и подразумевает создание серии грамматик и словарей сибирских языков, а также типологическое описание языковых единиц разных уровней (фонетики, морфологии, синтаксиса). В целом проект был одобрен; решено было также подготовить информационный бюллетень «Лингвистические исследования в Сибири», продолжить разработку планов-перспектив планируемой серии изданий и продумать программу семинаров ее исполнителей на координационной базе ИИФ СО АН СССР для выработки единой теоретической платформы и методологических принципов составления новых грамматик.

Е. К. Скрибник

О. А. НУРМАГАМБЕТОВА. КАЗАХСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «КОБЛАНДЫ-БАТЫР»

АЛМА-АТА: НАУКА, 1988. 192 с.

Проблема изучения эпических произведений, популярных в народе, находится в центре внимания фольклористов Казахстана. Если раньше речь шла о фиксации, записи и описании эпосов, то в последнее время комплексно исследуются проблемы, связанные с их поэтикой, историческим бытованием, развитием и изменением.

Монография О. А. Нурмагамбетовой является результатом многолетних текстологических разысканий. Ценность ее определяется прежде всего тем, что автором впервые, с учетом современных достижений фольклористической науки, представлен полный и последовательный текстологический анализ всех опубликованных и рукописных вариантов (26 записей) эпоса.

Задачей О. А. Нурмагамбетовой было выявление общих и отличительных черт различных вариантов и версий «Кобланды-батыр» на уровне сюжета, мотива и художественных средств, раскрытие соотношения исторической действительности и художественного вымысла, определение времени создания эпоса.

В соответствии с проблематикой монография состоит из четырех разделов, в той или иной мере освещающих историческую основу, поэтику и типологию эпоса «Кобланды-батыр». Большое внимание уделяется также вопросам сказительского искусства, взаимоотношениям слушателей и сказителя в процессе воспроизведения последним эпического текста.

При изучении версий и вариантов эпоса автор за основу анализа берет сюжет и

мотивы различных вариантов. Такой подход, как нам представляется, вполне оправдан, ибо мотив, характеризующий наиболее специфические признаки эпоса, позволяет проследить эволюцию сюжета и определить его типологические особенности. Неслучайно основу многих эпических сюжетов составляют такие устойчивые архаические мотивы, как рождение (чудесное) героя, выбор и выращивание богатырского коня, подвиги богатыря.

В соответствующих главах освещаются сюжетно-композиционные особенности, изобразительно-выразительные средства и образная система «Кобланды-батыр». Опираясь на достижения советских эпосоведов, в частности казахских, автор как бы обобщает проблемы поэтики исследуемого эпоса в свете современной фольклористической науки.

Монографическое исследование О. А. Нурмагамбетовой — образец для проведения работ подобного рода: автор, с большой старательностью проанализировав огромный текстовый материал, привела также чрезвычайно ценные сведения о сказителях, исполнявших эпос «Кобланды-батыр».

«Казахский героический эпос „Кобланды-батыр“» — исследование, дающее специалистам-фольклористам известное представление об эпической традиции казахского народа в целом и являющееся заметным событием в казахской фольклористике.

Ш. Ибраев

МЭММЭДОВ ЈУНИС. АЗЭРБАЈҶАН ДИЛИНДЭ СӨЗЛЭРИН ЛЕКСИК-СЕМАНТИК ИНКИШАФИ.

БАКЫ: В. И. ЛЕНИН АДЫНА АПИ-НИН НЭШРИ, 1987. 84 с.

Лексическая семантика азербайджанского языка изучалась главным образом в синхронном плане; за пределами исследовательского интереса оставались основные закономерности и тенденции структурно-семантической эволюции лексических единиц, роль семантической реконструкции в установлении корневых морфем, экстралингвистические и внутриязыковые факторы семантических изменений, семантическая дифференциация в слове и ее отношение к словообразованию, одним словом, весь

комплекс интереснейших проблем исторической семасиологии.

Некоторые из перечисленных семасиологических проблем азербайджанского языка рассматриваются в книге Юниса Мамедова «Лексико-семантическое развитие слов в азербайджанском языке».

Монография состоит из предисловия, двух разделов и списка использованной литературы. В предисловии рассматриваются история лексико-семантического развития слова в тюркских языках, в частно-

сти в азербайджанском. По мнению автора, основной тенденцией семантического развития слова в азербайджанском языке является переход от однозначности к многозначности, а для структуры — постепенное уменьшение односложных слов за счет их перехода в многосложные. Эти положения подтверждаются фактическим материалом. Так, в первом разделе, который называется «Изменение слов азербайджанского языка по составу» (с. 9—56), прослеживается фономорфологическое развитие корневых морфем. На основе большого количества фактов из письменных памятников автор дает типологию структурных изменений, которым исторически подверглись слова азербайджанского языка. При этом особенно широко и системно исследуется явление асемантизации, рассматриваемое как один из факторов, которые обуславливают переход односложных слов азербайджанского языка к многосложности, и правильно определяется роль этого явления в лексико-семантических и структурных изменениях языка.

Новизной отличается постановка вопросов о взаимосвязях асемантизации с архаичными словами, об ее исторической хронологизации. Автор устанавливает пять уровней исторического развития асемантизации в азербайджанском языке, выявляя их характерные особенности на основе богатого языкового материала (с. 36—50).

Анализируя асемантизацию в азербайджанском языке с точки зрения исторического словообразования, автор заключает, что только от одного древнего азербайджанского глагола *sa-//сә-* 'говорить' образовано множество производных слов, употребляющихся в современном языке. Например: *sa/-* 'читать', 'почитать', *sa/-* 'число', *sa/yyla-* 'бредить', *san* 'известность', 'почет', *сәjlә-* 'говорить', *сәj* 'ругать', *сәjуш-* 'ругаться', *сәjуш* 'ругательство', *сөз* 'слово', 'разговор', *ад-сан* 'слава', 'известность', *адлы-санлы* 'именитый', 'знатный', *шан* 'слава' и др.

В данном разделе затрагиваются также вопросы асемантизации аффиксальных морфем (например, древних падежных аффиксов *-гару///-керу*, *-ын///-ин///-ун* и т. д.), фонеморфологические изменения на стыке корня и аффиксов и т. д. (с. 50—56).

Второй раздел книги называется «Семантическое развитие слов». Здесь автором устанавливаются пять типов семантического развития слова в азербайджанском языке: 1 — расширение значения; 2 — увеличение числа значений; 3 — сужение значения; 4 — уменьшение числа значений; 5 — переход значений (с. 67), причем все

эти типы исследуются на материале письменных памятников азербайджанского языка и его диалектов. Для каждого слова подробно анализируются первичное и производное, прямое и переносное значения, семантические варианты и т. д. В этом разделе успешно решается также вопрос о семантической реконструкции слова.

Книга имеет и некоторые недостатки. Это, прежде всего, небрежность в ее оформлении, отсутствие некоторых из закодированных источников в списке литературы, а также выводов.

Два замечания относятся к структуре книги. По нашему мнению, большую часть 5-го раздела главы «Асемантизация» (от слов «ясно показывает на то, что асемантизация является очень древним лексико-семантическим явлением» и до конца — с. 48) целесообразно было бы перенести в начало главы. Не на своем месте и часть главы «Семантическое развитие слов», приведенная на с. 61. В этом же разделе (с. 65) не было необходимости в использовании индекса а) для обозначения только одного имеющегося в нем пункта.

Одно из наших замечаний связано с подмеченной в книге исторической точности абстрактными временами. Так, информативной нагрузки лишены часто используемые выражения типа «в древности», «в глубокой древности», «во времена появления первых письменных памятников азербайджанского языка (тюркских языков)». Например: «Другими словами, в древности количество некоторых слов языка невелико, а их значения обладают широтой и общностью. В древности малое число слов характеризовалось многими значениями и функциями» (с. 7). «Замена формы *аjыт-* формой *аj-*, как видим, имела место в очень древнюю эпоху тюркских языков... Возникновение перехода *aj- > ajыт-* в глубокой древности подтверждается также параллельным употреблением обоих вариантов в древнетюркских памятниках» (с. 27). Из этих высказываний трудно понять, о каком веке (веках) конкретно идет речь.

Иногда автор противоречит собственным утверждениям. Так, среди асемантизованных и архаизованных слов им приводится *чаг* 'время' (с. 13). Однако на той же странице это слово используется в собственной речи, чем ставится под сомнение тезис об его асемантизации и архаизации.

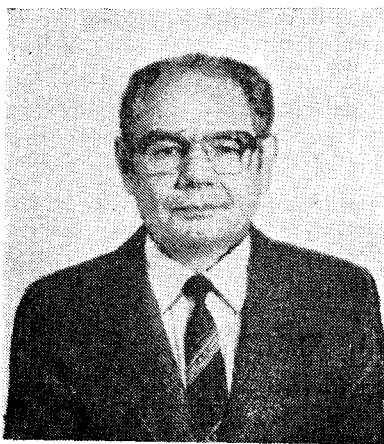
Отмеченные недостатки носят, однако, частный характер и ни в коей мере не снижают высокой оценки книги в целом.

Дж. Каграманов, А. Тагирзаде

PERSONALIA

МИРФАТИХ ЗАКИЕВИЧ ЗАКИЕВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет директору Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, заслуженному деятелю науки РСФСР и ТАССР, доктору филологических наук, профессору Мирфатиху Закиевичу Закиеву.

М. З. Закиев родился 14 августа 1928 г. в дер. Зайпи Бавлинского района ТАССР. В 1946—1951 гг. учился в Казанском университете. Досрочно окончив аспирантуру, стал старшим преподавателем в этом же университете, а затем доцентом. С 1960 г. заведовал кафедрой татарского языка, с 1965 по 1967 г. был проректором по науке, с 1967 по 1986 г. — ректором Казанского педагогического института. С 1986 г. М. З. Закиев работает директором Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР.

Научно-исследовательская и организаторская деятельность крупного ученого-филолога связана с развитием татарского языкознания в послевоенный период. М. З. Закиев — автор более 200 научных трудов, учебников и учебных пособий, редактор

более 120 научных сборников и монографий.

В научно-исследовательской деятельности ученого явно прослеживаются четыре направления.

Первое — это исследование грамматической структуры татарского языка. По этой проблеме М. З. Закиевым опубликованы такие капитальные труды, как «Современный татарский литературный язык» (1958), «Синтаксический строй татарского языка» (1963), «Современный татарский язык. Синтаксис» (1971), в которых впервые в истории татарского языкознания дается глубокая и системная разработка всех основных вопросов синтаксического строя родного языка. Изыскания ученого в области синтагматического и актуального членения предикативных единиц имеют огромное теоретическое и практическое значение для разработки вопросов стилистики и культуры татарской речи.

Ценным для дальнейшего исследования сложного предложения тюркских языков является введение трехчленной парадигмы сложного предложения: сложносочиненное предложение (паратаксис), сложноспаянное (гипертаксис) и сложноподчиненное (гипотаксис).

Второе направление — это изучение истории татарского и других тюркских языков в связи с историей их носителей. Этому вопросу посвящены три монографии ученого («Развитие родного языка» — 1967, «Происхождение языка татарского народа» — 1974, «Проблемы языка и происхождения волжских татар» — 1986) и ряд статей. На основе комплексного изучения вопроса М. З. Закиев приходит к четко аргументированному выводу о том, что в этногенезе современных татар основными компонентами являются булгары и кыпчаки («мишари»).

Третье направление — это работа над проблемами типологии языков и двуязычия, раскрывающимися в такой книге, как «Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков» (1977 — в соавторстве),

в «Сопоставительной типологии русского и родного языков» (программа — в соавторстве) и ряде статей. В работах, посвященных двуязычию, рассматриваются особенности существования двуязычия в Татарии и намечаются перспективы и конкретные пути его развития.

Четвертое направление — это составление учебников и учебных пособий для вузов и школ. Среди них можно назвать «Синтаксис современного татарского литературного языка» (1983), «Синтаксис и пунктуация» (1965) и др.

М. З. Закиев много сил и энергии отдает воспитанию научных кадров. Под его руководством подготовлено более 20 кандидатов наук. Три его ученика стали докторами наук.

Ученый успешно сочетает научно-педагогическую и административную работу с большой общественной деятельностью. Он является членом Татарского обкома КПСС, депутатом и Председателем Верховного Совета ТАССР. В системе АН СССР он —

член бюро Советского комитета тюркологов, член совета по координации ОЛЯ, член научного совета по развитию национальных языков при ОЛЯ, председатель Республиканского координационного совета по общественным наукам, в течение нескольких лет — член редколлегий журналов «Советская тюркология», председатель комиссии Министерства просвещения ТАССР, член редколлегий журналов «Коммунист Татарии» и «Совет мектебе».

Активная и плодотворная научная и общественная деятельность М. З. Закиева получила высокую оценку: он награжден несколькими орденами и медалями.

Многочисленные коллеги, друзья и ученики от всего сердца поздравляют Мирфатиха Закиевича Закиева с его юбилеем и желают ему доброго здоровья, счастья и дальнейших успехов на поприще науки.

*Э. Р. Тенишев, Ф. А. Ганиев,
Р. А. Юсупов*

ТАЛМАС МАГСУМОВИЧ ГАРИПОВ

(К 60-летию со дня рождения)

31 июля 1988 г. исполнилось 60 лет заслуженному деятелю науки Башкирской АССР, доктору филологических наук, профессору Талмасу Магсумовичу Гарипову.

Он родился в Москве, среднее образование получил в Уфе, а высшее — в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, на восточном отделении филологического факультета. В 1955 г. защитил кандидатскую, а в 1974 — докторскую диссертацию.

С 1956 г. Т. М. Гарипов работает в Уфе, в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, Башкирском государственном университете им. 40-летия Октября, а с 1980 г. — в Башкирском государственном педагогическом институте, где заведует кафедрой общего языкознания. Он — автор, составитель и редактор более 250 научных работ.

Т. М. Гарипов первым поставил на научную основу исследование кыпчакских языков Урало-Поволжья. В то время, когда в ряде тюркоязычных республик страны больше внимания уделялось индивидуально-отличительным явлениям в отдельно взятых тюркских языках, он выдвинул задачу выявить и эксплицировать характерно-типичные явления в близкородственных тюркских языках. Для решения ее глубоко проанализированы вокализм и звуковой состав в целом кыпчакских языков Урало-Поволжья, семантическая дифференциация их одно-

коренных лексем, лексико-статистические отношения и т. д. Лексическая часть этих многолетних исследований нашла отражение в сборнике «Языковые контакты в Башкирии» (Уфа, 1972), а анализ фонетики и морфетики — в монографии «Кыпчакские языки Урало-Поволжья» (М.: Наука, 1979). Изучение кыпчакских языков Урало-Поволжья побудило Т. М. Гарипова взяться за рассмотрение и ряда смежных проблем: определения их возраста, диахронических изменений звукового состава, отношения к другим языкам тюркской и — шире — алтайской языковой семьи и т. п.

Тюркоязычные народы Урало-Поволжья, как известно, всегда имели контакты с ирано-, финно-угро- и славяноязычными народами. Поэтому Т. М. Гарипов обратился к изучению межъязыковых связей: ориентализм в башкирском языке (1969, 1971), кыпчакско-булгарские взаимоотношения (1972), финно-угризмы в тюркских языках Урало-Поволжья (1977), формирование Волго-Уральской историко-этнографической области (1980), русско-башкирские и тюркско-славянские языковые контакты рассматриваются в его обобщающих трудах социолингвистического плана.

Т. М. Гарипов-педагог опубликовал целый ряд статей пропедевтического и научно-методического характера, а также несколько учебных пособий по общему и прикладному языкознанию, математической лингвистике и лингвопоэтике. Подготовленные им общие и специальные курсы лекций слушали студенты вузов Башкирии, Урало-Поволжья и Сибири.

Воспитанный в лучших традициях отечественной тюркологии, Т. М. Гарипов следует им как в своей научно-педагогической, так и редакторской деятельности. Он редактировал почти все наиболее значительные коллективные исследования и публикации башкирских языковедов в течение последних тридцати лет.

Т. М. Гарипов ведет большую научно-организационную работу, является членом Советского комитета тюркологов, руководит Башкирским отделением Всесоюзной ассоциации востоковедов АН СССР.

Коллеги и ученики знают Т. М. Гарипова как видного ученого, талантливого педагога, доброго товарища, жизнерадостного и открытого человека, рядом с которым интересно жить и работать, и желают ему здоровья, новых успехов в труде.

Р. М. Булгаков

НУРЖАМАЛ ОРАЛБАЕВНА ОРАЛБАЕВА

(К 60-летию со дня рождения)

Научная общественность Казахстана отмечает юбилей доктора филологических наук

ук, профессора Нуржамал Оралбаевны Оралбаевой.

Окончив в 1949 г. Казахский государственный педагогический институт им. Абая, она поступила в аспирантуру Института языка и литературы (ныне Институт языкознания) АН КазССР и в 1956 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему: «История казахской письменности послеоктябрьского периода». Долгие годы Н. О. Оралбаева вела научно-преподавательскую работу на кафедре казахского языка пединститута им. Абая, подготовила и читала курсы: сопоставительная грамматика русского и казахского языков, введение в языкознание, морфология казахского языка, древнетюркская письменность и др.

Проф. Н. О. Оралбаева занимается изучением проблем грамматики и словообразования. Ее монографическое исследование «Аналитические форманты глагола в современном казахском языке» было защищено в 1971 г. как докторская диссертация.

В числе научных работ Н. О. Оралбаевой — монографии, учебники, учебные пособия и программы, методические разработки: «Структура и семантика аналитических формантов глагола в современном ка-

захском языке» (Алма-Ата, 1979), «Система морфемики в современном казахском языке» (в соавторстве) (Алма-Ата, 1986), «Система словообразования числительных в казахском языке» (в соавторстве) (Алма-Ата, 1989), «Основы казахской графики и орфографии» (Алма-Ата, 1968), «Категория глагола в казахском языке» (Алма-Ата, 1980) и др.

При непосредственном участии проф. Н. О. Оралбаевой опубликованы «Методические указания по курсу «Морфология казахского языка», «Современный казахский язык» для студентов университета и пединститутов» (Алма-Ата, 1971), «Морфология современного казахского языка» для студентов заочного отделения филологическо-

го факультета пединститутов (Алма-Ата, 1982) и др.

Наряду с научно-педагогической деятельностью, Н. О. Оралбаева ведет активную общественную работу, является членом спецсовета по защите докторских диссертаций и координационного совета при Институте языкознания АН Казахстана.

Н. О. Оралбаева награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР, медалью «Ветеран труда».

Коллеги, ученики и друзья Нуржамал Оралбаевны Оралбаевой желают ей крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых успехов на научном поприще.

Т. Джанузаков, А. Нурмагамбетов

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Л. А. Покровская (Ленинград). Семантико-функциональный аспект сравнительного исследования именных частей речи в тюркских языках 3
- Т. Т. Талипов (Алма-Ата). Об одной тенденции структурно-фонетического развития древнетюркского показателя имени действия на -ығ в истории тюркских языков [1] 10

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

- Х. Короглы (Москва). Древнетюркская литература 16
- Ирен Меликофф (Франция). О среднеазиатском происхождении суфизма Анатолии 22
- М. З. Нагиев (Баку). О рукописях сочинений Хата'и 29
- Б. А. Байтанаев (Алма-Ата). Традиции повтора в казахской литературе 37

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- М. Ш. Маматов (Ташкент). К вопросу о категории номинализации действия 41
- С. Г. Ализаде (Баку). Азербайджанское языкознание о языковом стиле и стилях азербайджанского литературного языка 53

НАСЛЕДИЕ

- Тадеуш Ковальский (ПНР). К вопросам формального изучения поэзии тюркских народов 63
- Б. Г. Гафаров (Москва). Н. К. Дмитриев и первая крымская языковая экспедиция 80
- В. И. Цинциус (Ленинград). Морфемизация компонентов словосочетаний и сложных слов как один из аспектов сравнительно-исторической морфологии алтайских языков 85

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
ОБЗОРЫ

- Г. С. Исмаилов (Баку). Изучение турецкой филологии в Азербайджане 90

РЕЦЕНЗИИ

- Б. О. Орузбаева (Фрунзе). Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі 103
- А. П. Векилов (Ленинград). Tuncer Gülensoy Anadolu ve Rumeli ağızları bibliografyası: (Anadolu, Kıbrıs, Suriye, Irak, Bulgaristan, Yunanistan, Yugoslavya ve Rumanya Türk ağızları) 105

АННОТАЦИИ

А. Н. Онучин (Пермь). Башкирская этнонимия: сборник статей	107
Е. К. Скрибник (Новосибирск). Сложное предложение в языках разных систем	109
Ш. Ибраев (Алма-Ата). О. А. Нурмагамбетова. Казахский героический эпос «Кобланды-батыр»	111
Дж. Каграманов, А. Тагирзаде (Баку). Маммәдов Јунис. Азәрбајҹан дилиндә сөзләрин лексик-семантик инкишафы	111

PERSONALIA

Э. Р. Тенишев (Москва), Ф. А. Ганиев, Р. А. Юсупов (Казань). Мирфатих Закиевич Закиев	113
Р. М. Булгаков (Уфа). Талмас Магсумович Гарипов	114
Т. Джанузакوف, А. Нурмагамбетов (Алма-Ата). Нуржамал Оралбаевна Оралбаева	115

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

L. A. Pokrovskaya (Leningrad). Semantic-functional aspect of the comparative research of the nominal parts of speech in the Turkic languages	3
T. T. Talipov (Alma-Ata). About one tendency of the structural-phonetic development of the Old Turkic marker of action with -ыf	10

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE.

Kh. Korogly (Moscow). Old Turkic literature	16
Iren Melikoff (France). On the Central Asiatic origin of sufizm in Anatoliy	22
M. Z. Nagiyev (Baku). About Khatai's manuscripts	29
B. A. Baitanayev (Alma-Ata). Repeation traditions in the Kazakh literature	37

MATERIALS AND REPORTS

M. Sh. Mamatov (Tashkent). Towards the question of action nominalization category	41
S. G. Alizade (Baku). Historical development of study of language style in the Azerbaijanian linguistics and styles of the Azerbaijanian literary language	53

INHERITANCE

Tadeush Kovalsky (Poland). Towards the formal study of poems in Turkic languages	63
B. G. Gafarov (Moscow). N. K. Dmitriyev and the first Crimean language expedition	80
V. I. Tsintsius (Leningrad). Division of word-combination components into morphemes as one of the aspects of the comparative-historical morphology of the Altaic languages	85

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY
OBSERVATIONS

G. S. Ismailov (Baku). Study of Turkish philology in Azerbaijan	90
---	----

REVIEWS

- B. O. Oruzbayeva* (Frunze). Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі 103
A. P. Vekilov (Leningrad). Tuncer Gülensoy. Anadolu ve Rumeli ağızları bibliografyası: (Anadolu, Kıbrıs, Suriye, Irak, Bulgaristan, Yunanistan, Yugoslavya ve Rumanya Türk ağızları) 105

ANNOTATIONS

- A. N. Onuchin* (Perm). Башкирская этнонимия: сборник статей 107
E. K. Skribnik (Novosibirsk). Сложное предложение в языках разных систем 109
Sh. Ibrayev (Alma-Ata). О. А. Нурмагамбетова. Казахский героический эпос «Қобланды-батыр» 111
J. Kagramanov, A. Tagirzade (Baku). Мəммədov Јунис. Азəрбajчан дилиндə сəзлəрин лексик-семантик инкишафы 111

PERSONALIA

- E. R. Tenishev* (Moscow), *F. A. Ganiyev, R. A. Yusupov* (Kazan). Miriatikh Zakiyevich Zakiyev 113
R. M. Bulgakov (Ufa). Talmas Magsumovich Garipov 114
T. Januzakov, A. Nurmagambetov (Alma-Ata). Nurzhamal Oralbayevna Oralbayeva 115

© «Советская тюркология», 1988 г.

Технический редактор *Б. М. Абдуллаев*.

Корректоры *А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева*

Сдано в набор 15.08.88 г. Подписано к печати 28.10.88 г. ФГ 05204. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2 Уч. изд. л. 10,4.

Заказ 6136. Тираж 2400. Цена 1 руб. 10 коп.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31, Академгородок.
 Типография издательства «Коммунист», Метбуат проспекти, 529 квартал.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛ
«СОВЕТСКАЯ
ТЮРКОЛОГИЯ»**

НА 1989 год

ЖУРНАЛ ПУБЛИКУЕТ:

СТАТЬИ ШИРОКОГО НАУЧНОГО ПРОФИЛЯ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ;

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ, ЭТНОЯЗЫКОВЫМ СВЯЗЯМ, РАЗВИТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ;

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ НА ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И Т. Д.

В ЖУРНАЛЕ ОТКРЫТЫ НОВЫЕ РУБРИКИ — «НАСЛЕДИЕ» И «АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ».

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН:

НА НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, АСПИРАНТОВ, СТУДЕНТОВ И ВСЕХ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ВОПРОСАМИ ТЮРКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 6 раз в год.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ГОД — 6 руб. 60 коп.

Подписка принимается:

ОРГАНАМИ «СОЮЗПЕЧАТИ», ОТДЕЛЕНИЯМИ СВЯЗИ, ПОЧТАМТАМИ.

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 70927.

В РОЗНИЦУ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ.